

КУРЬЕРСКАЯ СЛУЖБА

Annotation

Я - Секатор, убийца миров, подрезающий лишние ветви Древа Реальностей. За спиной сотни жизней в телах двойников, впереди - новая, в мире с глобальным потеплением, заражённом магией и раздираемым на части игрой империй. Моя копия здесь - наследник обедневших помещиков, так и не развивший свой магический навык. Фанат японской культуры, отчисленный из учебного заведения и чуть не проигравший своих последних крепостных.

К счастью, я изменю жизнь этого неудачника. И, скорее всего, уничтожу мир. Но для начала - пролезу повыше на государевой службе.

Выстрел в затылок. И я умер.

Ещё одна жизнь закончилась. Я дёрнул рукой, целясь ударить прикладом, но схватил воздух. Моего автомата больше не было. Запястье в рукаве серой мантии, вмиг ставшее костлявым, перехватила сильная и крепкая рука.

— Тише, тише. Ты дома, — прозвучал властный голос.

Под потолком горели тусклые лампы. На бледной штукатурке проступал светящийся силуэт извилистого дерева.

Я осел на холодный бетонный пол и окончательно осознал, где нахожусь. Вершина Бункера. Место возврата и начала. Место, про которое я уже начал забывать.

Вся предыдущая жизнь тут же начала превращаться в закончившийся кошмар. Казалось, я уходил отсюда на задание всего пару дней назад. Или, всё же, десятки лет назад? Как посмотреть, ведь Бункер Секаторов находится вне времени и пространства.

Разум, переместившийся во временное тело, вспоминает, что это уже в двухсотый, а может, в трехсотый раз. Что я очень стар. Что каждый прошлый раз я попадал сначала сюда, в Бункер, а затем в тело своей копии из параллельного мира. И что у меня очень скоро начнётся новая жизнь, новое задание.

Это чувство оживляло и волновало меня, но следом пришла ещё одна мысль. Что я проиграл и не закончил дело.

— Ты ошибся, — подтвердил опасения голос. — Второй раз за все время, что знаю тебя, Циммер.

Верховный Секатор как всегда был строг и мрачен. Тень чёрного капюшона скрывала лицо, но я догадывался, что прочитать хоть какие-то эмоции на нём всё равно не получилось бы. Я промолчал: слова были бесполезны. Он продолжил.

— Мир остался целым. Человечество сохранено. Мы проследили на десятилетие вперёд после твоей смерти и отправили в помощь Лифтёров и твоего коллегу. Тебе наверняка это не понравилось, Циммер. Ты хочешь искупить вину. Снова быть полезным мне. Это так?

Я кивнул.

— И ты не будешь брать отпуск? Скажем, тихий уютный мир, в котором ты проживёшь долгую и счастливую жизнь? Либо, может, тебе пора на покой?

— Я Секатор. Я не люблю тихие и уютные миры. И на покой мне рано.

Вдруг осознал, что впервые после предыдущей жизни услышал здесь свой голос — сухой, тусклый, старый. Верховный Секатор довольно кивает.

— Так и думал. Есть одна задача. Ещё один мир в достаточно далёкой и странной ветке. Дерево за спиной вспыхнуло. Одна из Ветвей, тонкая, начинающаяся с самого нижнего края ствола и вьющаяся до верха, загорелась красным.

— Ветвь нужно подрезать? — догадался я. — Почему на этот раз?

— Магия. Парша, от которой ткань пространства гниёт и которая может перекинуться на другие Ветви. Пока ещё не подтверждено, но все признаки налицо. А там, где магическая гниль — там пересечения с Ветвями соседних чужих Древ. Ты знаешь, ты уже повидал такое.

Чужие Древа, малоизученные параллельные временные линии с инопланетными расами и чудовищами. Я поёжился. Работать с магическими Ветвями реальности мне приходилось

всего пару раз. И именно в один из тех разов я провалил задание.

— В этот пучок Ветвей ещё не ходили ни Секаторы, ни Лифтёры. Ты понимаешь, какие риски у твоей операции?

— Понимаю, — кивнул я. — На этот раз я не подведу, Верховный.

— Я верю. Ты сможешь. Ты поймёшь, как. Ты найдёшь, кто враг и кого следует прикончить. Иди.

Снова кивнул и заковылял к выходу. Бетонная арка раскрыла свою пасть в коридор, который вился по спирали все дальше и дальше вниз, мимо сотен разноцветных дверей.

Вначале коридора — новые двери, ажурные, из неведомого материала. Наверху табличка: «2105 год». Я мог возродиться в Бункере в разное время, но воля Верховного Секатора поместила меня именно сюда. Ко времени, когда появилась информация и новое задание. И только тогда я понял, что моему телу уже больше века.

Скорей бы избавиться от него. Мне ещё рано на покой.

Я шёл мимо бесконечных дверей с уменьшающимися числами. Лифты. Шахты, каждая из которых ведет в одну из изученных и сохраненных реальностей. Это средства оперативной разведки и диагностики: через них можно посмотреть, все ли хорошо и стоит ли продолжать выращивать Ветвь. Растущих — десятки тысяч против миллиона Ветвей, которые мы отсекали.

Напротив дверей начала XXI века в лифтовом холле начали встречаться мои коллеги. На грубых скамьях за столами сидели лифтеры: молодые люди тридцати-тридцати пяти лет. Дольше из них редко кто доживал. Они принадлежали к низшей касте в Бункере. Инспекторы, разведчики, исполнители коротких опасных миссий, пушечное мясо. Они жили свои короткие жизни и возвращались в Бункер в реальном времени.

Все лица казались незнакомыми. Некоторые из них играли в неизвестную мне игру, кто-то курил, другие сидели с книгами и диковинными гаджетами, принесенными из самых молодых миров, крутили перед носом разноцветные голограммы.

— Эй, дед Эльдар, — окликнул меня один из них. — Живая легенда!

— Я видел тебя на прошлой неделе, — сказал кто-то ещё. — Ты был моложе, помнишь меня? Это сколько жизней назад было?

Разумеется, я не помнил ни его, ни сколько возрождений назад я попадал в этот период времени Бункера.

— Сколько ты уже прожил? Тысячи две, судя по виду.

— Присядь, выпей с нами. Какой год сейчас был? Что за ветвь?

Я мог бы ответить, что год был две тысячи пятидесятый, что этот мир пережил уже четыре мировых войны, две из которых устроил я. И что мир этот так и не сдался мне, но промолчал. Потому что знал, что не воспользуюсь лифтами и что я, агент-Секатор, не имею права рассказывать детали прожитой жизни.

— Это к удаче — встретить старого Секатора, — сказала какая-то из девушек.

Девушек среди лифтёров было мало — не больше десятка из сотни. Я бросил взгляд. Нежная, молодая, сочная, в расстегнутой черной рубашке. Еще больше расхотелось быть старым.

— Молчишь, как всегда... Ну и молчи.

Еще один голос добавил:

— Хорошей жизни, Эльдар! Желаю тебе умереть вместе с миром!

Я обернулся и холодно, коротко кивнул. Пожелание, действительно, вышло хорошим.

Мой путь закончился спустя несколько часов. Закончились последние двери лифтов — деревянные, с выцветшими цифрами «1880». Я прошёл мимо шумных цехов, мимо дурно пахнущей столовой. От мысли о еде начинало мутить. Спустился на тридцать с лишним витков длинного спирального коридора, туда, где чувствовалось горячее дыхание близкой лавы. А может, адского пекла. Путь заканчивался в небольшом зале с семью дверями и истёртыми знаками Службы Секаторов — Древа и скрещенными садовыми ножницами над ним. Семь дверей для семи одновременных операций. Поколения меняются, но во времени Бункера Секаторов всегда семь. Одни из створок были открыты.

Я был готов к казни.

Внутри, в полумраке тесной комнаты, полной инструментов для экзекуций, под жаром огня, меня уже ждала Лекарь. Крепкая, с грубыми чертами лица женщина в чёрном окровавленном переднике, под которым не было ничего. Вечно молодая, горячая и в то же время полная ледяного безрассудства. Из какого века она приходит? Есть ли у неё жизнь помимо Бункера? Их много копий или она одна? Я ни разу не успевал спросить, хотя несколько раз она дарила мне свою близость перед тем, как убить.

«Самка богомола» — когда-то давно слышал я фразу кого-то из молодых Лифтёров.

Внутри меня что-то шевельнулось, но с лёгкой грустью я вспомнил, что моё тело уже ни на что не годно. Ничего, скоро всё это закончится, подумалось мне.

Она коротко, немного резко улыбнулась.

— Эльдар, помню тебя. Рада видеть. Ты готов?

Я кивнул.

— Выбирай.

— Пожалуй, пусть будет гильотина. Давно не было гильотины. Это быстро и просто.

Нет прошлого, только настоящее, вспоминаю я.

Мою шею устанавливают в деревянные колодки. Руки сжимают специальный поручень. Потерявшими остроту зрения глазами я смотрю на изгибы её потного тела под передником палача — это немного успокаивает. Женщин я люблю, а они любят меня. В вену вливается игла с инъекцией «сути мира». До сих пор плохо представляю, как это работает, и что за состав у этой дряни, но сознание всегда попадает туда, куда нужно. В тело моего двойника.

Все работники Службы Секаторов — люди-парадоксы. Наши копии были или есть во всех известных Ветвях миров. И наше сознание можно переместить из одного тела в другое. Это наша сила и наша слабость.

Сознание плывёт: да, доля гуманности есть и в инъекции, помимо «сути», есть ещё и неопознанная дрянь, вгоняющая в сон и уменьшающая страдания умирающего. Я через силу приподнимаю взгляд. Впереди, на стене — точно такое же ветвящееся древо, что и в зале у Верховного. Сухое и безлистное, но вместе с тем красивое, манящее. Интересно, кем я стану?

Лекарь закрепляет последний шнур на моём теле, проверяет пульс, передник съезжает, и она касается моего плеча грудью. Не то шепчет, не то шипит:

— Помню, помню тебя. Жаль, что на этот раз ты слишком стар. В тот раз мне понравилось.

Я вглядываюсь в сплетение и выдавливаю из себя:

— Это же не Главный Пучок. Где... начало этой Ветви? В античности?

Главным Пучком назывались миры с развилками второй половины двадцатого века. Их много, и они похожи, поэтому освоиться в каждом новом из них не представляет труда.

— Точно неизвестно, Эльдар. Данные скудны.

— Как всегда, — ворчу я.

— Ты прекрасно понимаешь причины. У Службы Секаторов нет средств изучить такие Ветви достаточно глубоко. Разведчики не могут навести мосты в этот мир, и Лифтёрам туда не добраться. Были те, кто не возвращался с подобных заданий. Тебе повезло. Хотела бы я успеть попасть туда до конца мира... Одна из тех реликтовых Ветвей, что похожи на привычные миры только последнюю пару тысяч лет. Да-а... Знаешь же этот эффект: подобное тянется к подобному, даже если источник...

Всё это время её точильный камень с лязгом скользил по лезвию гильотины где-то надо мной.

— Давай закончим с этим, — обрываю я её монолог и кричу, чтобы было легче принять смерть. — Отрежь уже башку, грязная сучка! Вылечи меня от этого проклятого тела!

Лезвие срывается вниз, на мою шею...

* * *

Я пошатнулся, но удержался на ногах. Рука инстинктивно коснулась шеи. Мысли о недавней казни и сражении из последнего мира еще не выветрились из головы. Рефлекторно сжал кулаки, полагая, что все еще держу в руках не то автомат, не то деревяшку гильотины. Посмотрел на пол — под ногами был деревянный паркет, истертый тысячами туфель.

— ...Так вы признаете свою вину?! — прозвучал властный голос. — Что молчите?

Поднял глаза — передо мной большой зал, сотни молодых людей в странных синих костюмах, десяток мужчин постарше.

Смотрят насмешливо, с издевкой, с осуждением.

На задней стене — черно-красно-белый флаг с двуглавым орлом и огромное полотно: «МОСКОВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ КАМНЕРЕЗНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ»

А чуть ниже выцветший плакат:

«С НОВЫМЪ 2010-М ГОДОМЪ!»

То, что московский — это хорошо. Что императорский — интересно, хоть и достаточно непривычно. Все последние линии, в которых довелось побывать, были уже после крушения Российской Империи. Но камнерезный? Seriously? Что моя копия могла забыть в камнерезном, да еще и университете?

Впрочем, интуиция подсказывала, что за этими словами кроется что-то не вполне привычное.

— Твою ж мать! Десятый... девятнадцать лет! — произносят губы. — Гребаный студент!

Часть I. Глава 1

Мой голос стал звонче, моложе. Как и тело: нет больше ноющих суставов, мутной пелены перед глазами. И все зубы на месте — тут же пересчитал их языком. Нет, я был рад и счастлив воплотиться в столь молодом возрасте, но предпочитал, всё же, начинать путь с тридцати-сорока лет.

Надо успокоиться. В первые минуты разум ещё не привык, и очень легко можно навредить своей новой личности. Совершить глупости.

— Как... как вы выражаетесь?! Что вы себе позволяете?!

Агрессивный тон и давящая атмосфера впрыснули адреналина в кровь. Я резко обернулся: за мной возвышалась кафедра с шестью мордами в мантиях и потешных чепчиках. Пятеро мужчин и одна пожилая женщина, в ужасе округлившая глаза. Наиболее толстый и пожилой из мужчин смотрел на меня, злобно нахмурившись, и я понял, что говорил именно он.

— Ты кто? Судья?

— Я?! Вы... как смеете! Обращаться! Сопляк! Я ректор! Итак, вы признаете? Согласны?

— Согласен, конечно же! — не долго думая, согласился я. — И что теперь?

Повисла некоторая пауза. По залу прошел шепот. Я ещё не знал, на что себя обрёл, но, судя по тому, что никто не высказал протеста — то ли никто не ожидал такого, то ли я всё сделал правильно.

— Итак... решением учебного совета филиала Камнерезного Университета... За многочисленные прогулы. Драку. Порчу имущества. Употребление спиртного. И слабое раскрытие первого навыка. Вы, Циммер Эльдар Матвеевич, приговариваетесь к отчислению из учебного заведения без права на восстановление.

— Ну и хрен с ним.

Я плюнул на пол — хотелось ему в лицо, но смекнул, что будет недолет. Растер ногой в блестящем лакированном ботинке, нашёл глазами лестницу и направился к выходу со сцены.

Зал зашумел. Проходя мимо большого зеркала на стене, глянул на себя и вздрогнул. Черты лица оказались знакомыми, но я был ниже ростом, невероятно худым и молодым, с короткими, окрашенными в синий цвет волосами. На плечах сидел такой же сюртук, что и у сотен моих однокурсников в зале, а в левом ухе торчала серьга, выдающая бунтаря.

Вдруг откуда-то из-за угла по шее ударили чем-то тонким — не то тростью, не то указкой. Я успел увидеть офицера-охранника: высоченный, короткая бородка, шапка, похожая больше на бескозырку, выглаженный мундир. Затем мне заломили руки за спину.

Я без труда вырвался из захвата. Ловкости хватило, однако вот сил, чтобы врезать в ответ, нет. Удар едва скользнул по челюсти, щетина бороды царапнула костяшки пальцев. Да, одних навыков мало, нужна ещё и физическая подготовка. У этого тела её явно не было.

В ответ — мощный удар по ногам. Я свалился на паркет.

Зал ликовал. Я понял или, точнее, вспомнил, что меня тут не очень-то и любили.

— В карцер! В карцер его! Отчислить!

В общем, если другие подобные истории, если судить из истории популярной литературы XXI века, начинаются с поступления в университет, то у меня она началась с отчисления.

Меня подняли на ноги, я попытался врезать каблуком по лодыжке, но сильные руки

дернули меня, приподняв над паркетом.

— Ваше благородие, а не прифигели ли вы? Меня-то за что?

Благородие? Насколько я помнил генеалогию всех моих предыдущих копий, знатных родов среди моих предков не было. Все из низов, от сохи. Да, конечно, екатерининские немцы, если брать Главный Пучок. Но их судьба изрядно потрепала за двадцатый век. И такое повторялось почти всегда, во всех знакомых мне ветвях.

Следом подумалось, что могу расцарапать ему глаза. Но я вовремя остановился.

Стоп. Бой уже закончился и я проиграл. Умер. И даже побывал в Бункере, где умер снова. Это уже другой мир. Параллельный. Мои копии в начале XXI века есть практически во всех мирах, встречаются различные совпадения в окружении, в явлениях. Но расхождение исторических веток могло быть любым. Если мое сознание поселилось сюда именно в момент вынесения приговора, значит, было самое подходящее время, чтобы подменить сознание. Значит, мое тело просило о помощи у своего ангела-хранителя. Отсюда и немного безумное поведение — такое часто происходит в момент медленного угасания личности реципиента.

Сейчас главное — не сорваться, не навредить своему новому «я», наконец-то вспомнил я. Нельзя поломать свою судьбу, потому что ей уготована великая цель.

Меня отпустили и повели под руки между рядов. Чувство было такое, как будто меня ведут на плаху.

За спиной послышался занудный голос ректора:

— Вызывается на допрос нарушитель устава... Кто там у нас по списку следующий?.
Марк Каюмов...

Фамилия и имя показались знакомыми, но лицо не успел разглядеть. Взгляд скользил по головам в зале. Предыдущая личность моего носителя, вернее, его память, прорывалась и подсказывала. Вот Игорь Антуанеску, сын барона. Устроил драку в туалете, я тогда сильно травмировал колено. На смуглом лице застыла злорадная гримаса — он явно радовался тому, что со мной произошло. Вот Евгений Анадырёв, порвавший мой конспект по микрогравитации. Микув Сотрин — тайком подлил мне в чайник спиртного, а затем пожаловался коменданту.

Всё это было обрывками памяти, несвязными вспышками, ответами на образы где-то с периферии коры мозга. Сознание, вся центральная нервная система уже были замещены мною. Я припоминал, что все эти парни входили во что-то вроде местного закрытого клуба, или банды, или чего-то такого.

Ничего. Я всех запомню. И всем отомщу — не зря же я сюда пришел. Следует отблагодарить моего нерадивого двойника за то, что предоставил тело. А после уничтожу этот чёртов мир.

Мы вышли из зала и оказались в просторном вестибюле. Сперва я заметил охранника, стоявшего у входа. Затем поднял голову наверх...

«РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ ИМПЕРИЯ»*

Даже беглого взгляда хватило, чтобы понять, что десятиметровая карта на стене, выглядела, мягко скажем, весьма непривычной. Сибирское море вместо равнины, куча незнакомых островов, изменившаяся береговая линия... И десяток кусков-врезок по краям, обозначающих, по всей видимости, заморские колонии и протектораты.

Голос в голове, оставшийся от прошлого владельца тела, подсказал непонятные топонимы. Зеленогорье... Кауаианский Островной Край... Папуасский край.

Петроостровский край. Сомалиляндский край. Русско-арктическая республика. Алеутская Республика.

Разобраться с политической картой — одно из первых, что следует сделать, когда мир отдан на заклятие. Я был рад, что узнал об особенностях мира так быстро. Но взглянув на мир, я ожидал несколько иного портрета жертвы.

Мои размышления прервал вышедший из зала преподаватель. Молодой, худой, в черной мантии и при усах. Пожалуй, его лицо выглядело наименее отталкивающим среди всей той команды, которая засудила меня.

Охранник меня тут же отпустил.

— Ну, Циммер, я пытался, — преподаватель развел руками. — Если бы не ваша финальная речь... Я думал, что она будет более эмоциональна! Про карцер, как вы понимаете, была... игра на публику, так что мы можем произвести отчисление сразу, чтобы никого не задерживать. Я уже позвонил в канцелярию.

Имени-отчества его не вспомнил, но он показался мне искренним, и я кивнул.

— Лучше сразу. Спасибо. Верю, что пытались.

На лице преподавателя на миг отразилось недоумение.

— С вами... словно что-то произошло, Циммер. Всё в порядке? Нет, наверное показалось. В общем, берегите себя.

— Всего хорошего, — кивнул я.

— Оревуар.

Меня повели по длинным коридорам.

— Ваше благородие, — сказал охранник. — То, что вы мне врезали — я вам прощу и никому не скажу. Но давайте мы так делать больше не будем.

Тут я внезапно понял, что уже давно изнываю от жажды, и спросил у охранника:

— Водички не найдётся?

Тот опешил и указал на выступ в стене.

— Вот, питьевая колонка. Но сперва скажите. Вещи сразу заберете? Думаю, вам будет лучше убраться поскорей, потому что сейчас из зала пойдет толпа.

— Давайте сразу, только дайте попить, — кивнул я и направился к указанной нише в стене.

Там была истёртая кнопка с выгравированной каплей. Нажав на неё, я обнаружил вполне знакомый кран кулера и одноразовые стаканчики.

После переселения в новое молодое тело простая вода показалась вкуснейшим напитком богов. Я мог выпить, казалось, целое ведро, но ограничился всего парой стаканчиков, затем скомкал тару и обернулся к охраннику. Тот коснулся гарнитуры в ухе. Только тут я заметил её наличие.

— Мне сообщили, что ваши вещи уже забрал комардин. Пройдёмте в канцелярию для оформления бумаги.

— Кто забрал?

— Эм... Ваш камердинер. Я забыл, как он назвался. Сид, кажется. Как-то так.

Сид, славный малый — прошлый владелец моего тела напомнил мне про него. Странного вида парень чуть старше меня работал слугой в доме у моей матери, периодически катаясь и ко мне, а сам дом...

Стоп. Я встал как вкопанный. Мои родители живы. Причём оба, хотя в большинстве известных мне реальностей я был или полным, или неполным сиротой.

Я взглянул в окно. И это не Москва, хоть университет и назван московским. Так где же я? Кто же я?

— Здорова, барь, — слышался баритон за спиной. — Ну, че ж ты так?

«Барь» — сокращение от «барин», подсказал голос в голове. Я обернулся. Подобное тянется к подобному, вспомнил я. Музыка и культура в мирах развиваются схожими путями, и представители подобной субкультуры встречались мне уже ни раз. Я знал их как конкретистов, черновиков, буззеров, где-то они были даже строго запрещены, но в ветвях Главного Пучка их знали совсем под другим названием.

В общем, передо мной стоял самый настоящий металлиг — косяк сажень в плечах, длинные черные, как смоль, волосы, кожаная куртка с шипами и короткая борода. А лицо было добрым, даже простоватым. На плече висел рюкзак, показавшийся мне знакомым и в обеих руках он держал сумки.

— Ты письма так и не прочитал. Валентина Альбертовна отправила меня скорым рейсом, как узнала о созыве педсовета. Я уж вон вещи твои собрал в общежитии, как узнал.

Валентина Альбертовна — моя мать. Так её зовут или звали во всех посещённых мной реальностях, за исключением одной — в которой мои родные бабушка и дедушка развелись, и она получила другое отчество ещё ребёнком. По национальности я был той ещё гремучей смесью: по четверти русский, немец, татарин-крящен и малоросс.

Значит, я дворянин. Значит, он мой камердинер. Но почему тогда на «ты»?

Я осмотрел вещи в руках Сида.

— Здесь точно всё? Что-то маловато, — интуитивно предположил я.

— А тут только одежда и личные предметы, — пояснил Сид. — Из шкафчика и тумбы. Рихнер отключил и забрал, обернул свитером. Комендант сказал, учебные материалы — Курьеркой после проверки.

Что такое «рихнер» я понятия не имел. А что такое "Курьерка" — догадывался, но с трудом с трудом.

— Ваше благородие, — проворчал охранник. — Если уже решили выписываться, то уж после будете общаться с вашим слугой. Пройдите скорее в канцелярию и получите свидетельство о выписке.

Я последовал за ним. За стеклом сидела типичная тётка-бюрократ в стильном жакете, но ничем не отличавшаяся от подобных кадровиков и методистов в иных учебных заведениях.

— Фамилия?

— Циммер. Эльдар Матвеевич.

— Циммер... знакомая фамилия. Это титулованный или столбовой? — подняла она взгляд исподлобья с небольшим интересом. — А, поняла. Те самые Циммеры. Москвич... Это про вас там сегодня педсовет собирали? Сейчас всё будет.

Из неприлично здорового и удивительно тихого принтера вылез бланк с печатью. Я тем временем осматривался по сторонам. На стене — портрет молодого человека в шапке Мономаха. Николай VI, вспомнилось мне, государь император. Только вот империя, как гласила карта и подсказывали воспоминания, непростая. Федеративная. На столе — компьютер с очень тонким для 2010-го года и весьма стильным монитором, на котором виднелся какой-то примитивный интерфейс, а рядом лежал мобильник. Вспомнив, инстинктивно пошарился по карманам и выудил аналогичный. Тонкий, лёгкий, непривычно узкий, с едва выпуклой физической клавиатурой и двумя инкрустированными кристаллами.

Палец нашёл кнопку питания и нажал. Экран оказался сенсорным. «Звонки, Почта, Городская сеть, Изображения, Таксомотор, Кошелёк, Музыка, Синема...». Ну, примерно соответствует эпохе, подумалось мне.

Но пролистав ниже к описанию телефона, я оказался весьма удивлен названию модели «Циммер-30ба». Мой телефон оказался моим однофамильцем.

Интересно, каким образом это получилось? Фамилия моя была не самая распространенная в России, но и не самая редкая. Что-то подсказывало, что в этом замешаны родственники, но пока что спросить об этом было не у кого. Оставалось только ждать.

Обратил я внимание и на дату. 27 февраля 2010 года. Суббота. Получается, самый конец зимы. Получается, отчислили в начале семестра.

— Если вещи все забрали — ключи от апартаментов сдайте, будьте добры, — сказал охранник.

Я пошарился по карманам и отдал ключ. Просмотрел документ: выяснилось, что я второкурсник на отделении «прикладного камнерезания в промышленности», и что по большинству предметов стояли тройки и четвёрки. Свернул и сунул в нагрудный карман. Мы зашагали по длинным и полупустым коридорам к выходу из здания. Сид некоторое время молчал, затем сказал:

— Ничего. Не страшно. Да, типа, мечта детства была — понимаю. Камнерез-сенситив. Профессия прибыльная. Склонности опять же семейные. Сколько там, говорил, процентов сечение показало? Анализы же сдавал.

— Не помню, — признался я, потому что понятия не имел, что за анализы он имеет в виду.

— Полезно для народного хозяйства. Шанс по-быстрому повысить ранг с пятнадцатого до десятого сразу. Ведущим инженером первого ранга стать в двадцать пять. Но ничего. Других профессий много. Вернёшься сейчас в Москву. Валентина Альбертовна соскучилась. Нинель... барыня Чистякова из соседней усадьбы. Помнишь, рассказывал в первый год, что в трубу подглядывал? Теперь совершеннолетняя... Красивая девица... Ладно, пардон. Заговорился.

— Да не. Продолжай. Интересно, — сказал я, мне и действительно было интересно.

К тому же я почувствовал, что при упоминании этого имени что-то в душе шевельнулось. И это что-то явно осталось от прошлого владельца тела.

Даже отчество всплыло из глубин памяти — Нинель Кирилловна.

— Ну, я к тому, что наверняка по тебе сохнет. Тоже будет рада, что вернулся. Вы же переписывались?

Чем ещё заниматься молодому человеку моих лет, кроме как перепиской с юными красивыми девушками? Всё выглядело логичным.

— Возможно, — неопределённо ответил я.

— Вот. Ты говорил, что даже писала тебе что-то такое личное. А про работу — до осени найдёшь. Ты, главное, Эльдар Матвейч, теперь не переживай на тему того, что у тебя камердинер — студент, а самого отчислили. Как там, по умному... не комплексуй.

Я не ощущал беспокойства. Мне, скорее, было жутко интересно, что вокруг происходит. Но вида я не показывал и глупостей не делал: хватило ошибки на самом заседании. На последней фразе я взглянул на лицо спутника. Издёвки не было. Похоже, этот Сид действительно хотел помочь, приободрить и успокоить. В разговоре не ощущалось никакого лакейского тона и выглядел парень вполне искренним.

— Напомни, где учишься? — решил я всё же завязать беседу.

— Музыкальное же. Заочное. На звукорежиссёра! — Сид неуклюже приоткрыл передо мной парадную дверь, и я увидел город.

Вдаль уходил достаточно широкий проспект с невысокими пятиэтажными домами в европейском стиле. За ними в километрах пяти высился квартал небоскрёбов, напоминавших по стилю ар-деко. Я едва не присвистнул: наибольший был не менее трёхста метров в высоту. Над ними кружило небольшое транспортное средство — не то вертолёт, не то автоклав. Но затем я перевёл глаза на объекты поближе, на сквер, который раскинулся прямо напротив входа, и был удивлен еще больше.

Там росли вперемежку берёзы, сбросившие листву, и пальмы, а вокруг краснели поля тюльпанов, цветков агавы и других тропических трав. Я бы с ходу не назвал.

И это в феврале.

Глобальное потепление? Или та самая магия, о которой говорил Верховный Секатор? Или — и первое и второе? Разгадок пока не было.

Оглянувшись назад, прочитал вывеску.

**“МОСКОВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ КАМНЕРЕЗНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
Николая I. ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ ФИЛИАЛ”.**

И чуть ниже:

“Коллегия Высшего Образования Пермской Губернии”.

Верх-Исетск, подсказал мне парень, чей разум сидел в черепной коробке до меня. Город на уральской реке. Пятый по величине город в Империи. Финансовая, промышленная и культурная столица Урала. Губерния значилась Пермская, но уездный город был больше Перми почти вдвое. Сид подтолкнул меня в бок, указывая правильный путь с крыльца по лестнице.

— Ты куда, вон же автомобиль вашей тётушки. Ты прямо сам не свой. Молчаливый какой-то... Вопросы странные задаёшь. Надо тебя будет лекарю показать...

При слове “лекарь” я вздрогнул и потёр шею. Поскольку память местного Эльдара была частично утрачена и просыпалась случайно — мне ничего не оставалось, как поиграть в амнезию. Трюк старый, избитый и надоевший многим бывалым Секаторами, но мне он всё ещё нравился.

Я остановился у машины и признался:

— Надо будет, надо, Сид. Знаешь, у меня словно память отшибло после этого совета. Очень многое не помню. Тебя с трудом узнал.

Сид опешил на миг, но не растерялся.

— Да и хрен на них всех. Память отшибло, говоришь? Полечим, напомним. Прыгай барь, на переднее, я на заднее сумки кину. Ну или как хочешь, конечно.

Автомобиль совмещал в себе обводы старинных лимузинов: завитушки вокруг круглых фар, узорчатая решётка радиатора и лакированные деревянные ручки. И общая квадратность позднесоветского автопрома из других Ветвей. Рядом со стоящими рядом вычурными иномарками он выглядел так себе. Обшивка салона тоже видала лучшие времена. Ладно хоть нормальный ремень безопасности здесь в своё время изобрели. Видал я один мир, в котором их в обычных автомобилях не предусматривалось.

Когда пристегнулись, завелись и выехали на проспект, Сид протянул:

— Память... как меня зовут же помнишь?

— Сид, — кивнул я.

— А фамилия? — прищурился комардин.

— Вот это не помню, слушай, — признался я.

— Да, дело дрянь. Макшеин я. У меня в предках, я рассказывал, беглые шотландцы были. Как у деда твоего в Казани чуть цех не пожгли, помнишь?

— Дед... Что-то припоминаю.

Деда я помнил очень смутно — в других жизнях он редко доживал до моей зрелости, а в этой, судя по всему, видел его редко. Зато вспомнился его портрет — лихой лысый мужик с короткой бородой и странным ручным животным — не то хорьком, не то лангустром.

— А как год назад к филиппинкам в массажный ходили? Ты испугался, и мне за двоих пришлось отдуваться, помнишь?

В голове всплыли образы — полумрак, ароматические палочки, смуглые голые девушки... Но неясно, были ли это воспоминания бывшего владельца тела или же ассоциации с филиппинскими массажистками из прошлых жизней.

— Звучит очень интересно, но нет.

— Куда хоть едем — понимаешь?

— К... тётке? — всё ещё немного неуверенно предположил я.

Сид кивнул, почесал загривок.

— К Мариэтте Генриховне. Ну хоть на "ты" обращаться разрешаешь, как все прогрессивные, значит, все нормаль. Но вы скажите барин, ежели вам некомфортно сие общение с простолюдином...

— Все нормаль, Сид. Комфортно.

Тут я несколько не врал. Изначальное впечатление было положительным, и по опыту я знал, что близких по духу людей, независимо от статуса и ранга, всегда стоит держать рядом. Тем более, когда угораздило начать свою миссию в возрасте студента.

Была у такой дружбы и обратная сторона. Сколько близких людей я похоронил в тех мирах, которым было суждено погибнуть! Сколько судеб оборвалось, сколько линий жизней пересеклось с моими и разминулось навсегда.

Я прогнал эти мысли. Сейчас я находился в начале нового долгого пути. Уничтожение мира — сложный процесс, и приспешники всегда полезны. К тому же, многие знакомства от мира к миру имеют свойство повторяться. Лицо Сиды показалось мне знакомым, как и фамилия — разве что имя в иных мирах наверняка было другим.

— Хорошо! — Сид приободрился. — Как-никак, сколько уж служу... пятый год. С семнадцати лет. Тебе же четырнадцать было, когда я пришел к вам по распределению от дворянского дома. В шестнадцать подарили.

Дворянский дом, откликнулась память тела. Что-то вроде регионального профсоюза дворян или небольшой корпорации. Крепостные здесь были и земельные, и губернские. Распределяемые всем родам, исходя из статуса и бюджета. А еще были крепостные кремлевские, купечество, служивые люди и еще с десятков более редких сословий.

Начинали вспоминаться и другие факты — взаимоотношения между генерал-губернаторствами. Московское и Уральское друг друга весьма недолго любили, и ведущими отраслями промышленности владели разные дворянские рода. "Ты изгой", — зазвучала в голове фраза. — "Как и твой род". Ничего, исправим.

Я ехал и чувствовал, как душа молодеет. Опасность, военное время и отсидки в бункерах позади. Взгляд вместо признаков возможной угрозы все чаще выхватывал из толпы на перекрестках красивые женские фигуры, бедра в мини-юбках и коротких шортах, цеплялся за декольте.

Поглядывал и на архитектуру главного проспекта. Здания стояли невысокие, в основном в стиле классицизма и псевдо-русском — эдакие терема, покрашенные в яркие, хоть и изрядно выцветшие цвета. Попадались и новомодные стекляшки, слегка выбивавшиеся из общего стиля, а также суровые кирпичные дома без особых изысков. Проезжали трамваи и автобусы обтекаемых форм, современные и тоже бесшумные. Реклама была неброской, вывески стильные, а названия на них — незнакомые.

Мы проехали мимо большой стелы "Екатерининский Районь", стилизованной под заводскую башню и большого терема с вывеской "Горноуральская цивилизация — опора империи".

— Никогда не понимал эту горноуральскую эстетику, — прокомментировал Сид. — Сепаратизмом пахнет. Социалисты эти еще. Хотя музыка здесь отменная, много хороших электроджазовых групп. Эх, завтра концерт банды "Продам Волосы". Помнишь, водил как-то в клубешник?

— Нет, — признался я

— Ладно, потом вспомнишь. Кстати, сейчас включу, нашёл тут хорошую волну, как раз заценишь.

Он поковырялся в магнитоле, настроился на волну. Переключения шли плавно, как в интернет-радио, хотя эпоха еще на такое не располагала. Или, все же, располагала? Пока я не до конца понял уровень развития этого мира. Пропустив пару сладкоголосых певиц, исполняющих на французском и испанском языке, Сид включил достаточно весёлую группу с духовыми и странными текстами.

— "Кобыла и безумные кашевары", — усмехнулся Сид. — Не совсем мой стиль, но...

Договорить он не успел. Под мигающий синий (только тогда я заметил, что здесь он был вместо зеленого) сигнал светофора нам в бок влетел джип.

Мне везло. За все двести с лишним жизней мне доводилось попадать в аварии всего десять раз. И всего один раз я был травмирован достаточно тяжело. В этот раз тоже ремни сработали хорошо. Дёрнуло вперёд и немного вбок, машину развернуло, мы залетели на бордюр. Скрипнули рёбра, стёкла пошли мелкой сеткой, а в задней двери образовалась мощная вмятина. Подушки безопасности не сработали. То ли их не было в этой модели машины, то ли удар был недостаточно сильным для срабатывания. Сид выругался.

— Ты в порядке, барин? Всё нормаль?

— В порядке.

— Первый раз у меня такое... выходите.

Я освободился от ремней и вылез из машины, Сид последовал за мной. Джип, блестящий, лакированный, остался стоять с разбитой фарой на перекрёстке, и из него уже вылез бугай в красной куртке с непонятной надписью. Бородатый, смуглый, с резкими чертами лица и совершенно непонятной национальности. Он прошагал до самого нашего капота, кулаки были сжаты, незнакомец пёр на Сиду с явным намерением начистить ему морду.

— Ты вёл?! Ты чего медленно ехал? Ты кто, твою мать?! Холоп! На кого попёр?

В зажатом кулаке я заметил золочёную квадратную печатку на два пальца, что-то вроде небольшого кастета. Сид, наверняка тоже это заметивший, стоял смиренно. Он был почти на голову выше и крепче, но стоял покорно, спокойно — видно было, что это не в первый раз. И причину тому, как я догадался, было местное сословное деление. Соучастник ДТП наконец-то заметил меня и приподнял кулак.

— Дай я ему врежу, а? Чтобы знал!

— Дима, брось, поехали уже, — слышался женский голос из джипа. — Опаздываем! Оформи упрощёнку и поехали, Дима-а!

Но бугай уже замахнулся на Сиду и его кулак встретился с выставленным локтём.

— Ты на кого руку поднял, шваль! — заорал Дима. — Я тебя на каторгах сгною! Ты у меня!...

Меня он словно не замечал. По весу и силе я был явно слабее, но решил взять ловкостью. Рука снова замахнулась, но я был уже рядом. Перехватил запястье и принялся заламывать руку назад. Затем мой ботинок ударил по его лодыжке. Рука дёрнулась вверх, и морда незнакомца припечаталась к капоту нашей машины.

У меня возникло большое желание сломать ему руку, но разум возобладал — вряд ли у меня на это хватило силы. Поэтому я применил болевой приём, заломив мизинец и придавив коленом к капоту. Удивительно, но навыков хватило — даже при большой разнице в весе удержать удалось.

— Ах ты гнида! Отпусти! Ты кто такой? Ты охренел на меня лезть?! Я второй гильдии! Я тлинкит! Аляска — сила!

Тлинкит? Никогда раньше не слышал такой народности.

— А я дворянин. Московский. Циммер моя фамилия.

После непродолжительной паузы он снова заголосил, правда, чуть потише.

— Грёбанные москвичи! Ты чего тут забыл? Пусти! Плати за ремонт давай! Или что, страховщиков будем вызывать? Давай на месте разберёмся.

Из машины выскочила девица — яркой восточной красоты, на высоких каблуках, в короткой красном платье и с вызывающим макияжем. Подбежав поближе, она встала рядом и принялась орать:

— Пусти! Пусти его, чего держишь?! Нам надо ехать!

Её высокая упругая грудь в платье с глубоким декольте, находившаяся всего в метре от меня, вызвала где-то глубоко в душе и организме позабытый прилив бодрости. Я с радостью вспомнил, что мой организм теперь куда моложе, чем был ещё пару часов назад. Скорей бы им воспользоваться — при столь раннем возрождении держать себя в узде очень нелегко.

Вокруг собирались зеваки, затрапезного вида горожане разных сословий. Я обратился

внимание, насколько различаются лица. Проходили мимо и останавливались люди и кавказского типа, и среднеазиатского, и неожиданно много северного, круглолицего. Было даже двое темнокожих, причём весьма прилично одетых, в сюртуках и шляпах.

Я поймал взгляд одной роскошной молодой дамы, переходящей дорогу рядом с аварией в сопровождении хмурого парня в пиджаке, и невольно посмотрел ей в зону декольте. От всего её тела словно шёл жар, который чувствовался за несколько метров. В ответ она пронзила меня взглядом, полным одновременно страсти и злости, а в голове отзвуком прозвучало: “Что пялишься? Попробуй, завладей мной, юнец!”. На миг мне стало не по себе: что это, какие-то телепатические способности, которые бывают у некоторых из местных? Или какое-то безумие, вызванное юношеской похотью моего реципиента? Ответа пока не было.

Сид тем временем достал из кармана телефон — у него он был куда больше моего, ядовито-зелёного цвета, с чёрными наклейками и выдвижной физической клавиатурой. Местного порядка оформления ДТП я не знал, потому вопросительно взглянул на Сиду. Сид понимающе кивнул и обратился к товарищу на капоте, вежливо наклонившись поближе к лицу.

— Так, сударь, позвольте ваше фио, сейчас свяжемся со страховой службой Уральского Дворянского дома. Не соблаговолите ли отпустить его, барин? Я прослежу, чтобы вам обоим не было никакой физической угрозы?

Я отпустил. “Дима” отряхнулся, скрестил руки и демонстративно присел к нам на капот. Отпустил, как выяснилось, вовремя. Через пару минут вальяжно подошёл местный полицейский — в высокой шерстяной шапке и лацканами. Он, как и тот охранник, был с усами, да и вообще, при усах было достаточно много прохожих.

Видимо, было модно. “Усатые” миры не особо нравились, но выбирать не приходилось — придется привыкать.

— Упрощённое? Раненые есть?

— Упрощенное, раненого нет, ваше благородие, — отозвался Сид.

Полицейский кивнул, выписал какую-то бумажку с крупно написанной датой и печатью, затем выставил её рядом с машиной.

— Производите фотографирование.

Я полез в карман, но Сид странно на меня посмотрел, достал свой телефон, прицелился, щёлкнул. Соучастник последовал за ним, затем пробубнил ему что-то — вероятно, номер, сел в джип и уехал. Затем Сид поговорил с парой зевак, сделал ещё пару снимков и вернулся ко мне.

Мы остались стоять рядом с разбитой машиной. Мой камердинер снова перешёл на “ты”:

— Я тебя, барь, честно говоря, не узнал. Ты где так ловко рукопашке научился?

— Фиг знает. Нашло что-то, — я растёр растянутые запястья. — Да и разве это “ловко”?

— Жалко “Лань”. Хорошая машина. Эх, был бы я выпавшийся! Заметил бы лихача. А то всю ночь летел, толком не спал.

Честно говоря, интуиция подсказала, что поблажек давать не стоит — всё же, я барин, а он, хоть и старше, но мой крепостной. С другой стороны, начинать общение с новообретённым товарищем со скандалов не хотелось. Мне подумалось, что самое время задать пару вопросов.

— Будь осторожнее! Этот парень сказал — чего я, москвич, здесь забыл. И правда, чего?

— Ну... Ты же знаешь. Циммеров не очень любят в Москве, прямо скажу. Тем более, после того, как родители твои развелись. В лицее над тобой... потешались разные ушлёпки. Да и ты сам с детства всё мечтал в камнерезы, “Уеду к тётке на Урал”, говорил. Типа, тут — лучшая школа. Филиал крупнее московского отделения.

Итак, значит, родители мои были в разводе. Что-то подсказывало, что это создаст определённые проблемы.

— И, как я понимаю, здесь я тоже стал изгоем?

— Московских дворян местные не любят, это да. Да и не только местные дворяне. Дворян вообще мало кто любит.

— Я заметил, — усмехнулся я, растирая всё ещё болевшую руку. — Тут какие-то банды в университете были. Не знаешь подробностей?

— Не знаю, ты не рассказывал особо. И обычно в такие дела дворяне своих крепостных не посвящают. Спасибо, что не дал ему по морде съездить. Я бы тоже ему врезать хотел бы. Но меня ж потом, действительно, по каторгам затаскают! Ладно, заболтались мы. Сейчас тебе такси до Мариэтты Генриховны вызову, — сказал Сид. — Не в общественном же транспорте толкаться.

— А это куда? — кивнул я на машину.

— А сам в мастерскую отгону. Только бы... за ремонт сразу денег скинуть, барь. Я запросил в Дворянском доме, все фотографии письмом послал, те сказали, что компенсируют. У них юристы хорошие.

— Так. Давай, показывай, куда.

Я достал смартфон и нажал на кошелек.

“Вас обслуживает Московский Дворянский Банк.

Введите пароль.

Запомнили? Просите звонок”

— Пароля твоего, конечно, я не знаю, — вздохнул Сид. — Никогда не говорил, тебя маменька... то есть, Валентина Альбертовна приучила ещё в юности. Запроси звонок, восстанови.

Приятный женский голос сперва спросил, как обращаться, а когда я назвал ФИО уточнили: “сударь” или “ваше благородие”. Назвал второе — надо привыкать. Затем последовала проверка даты и места рождения, номер паспорта — его я подглядел в бумажке, выданной в Университете.

— Личность подтверждена. Ваш временный пароль будет выслан вам в цифровую почту, ожидайте. Доброго вам дня, Эльдар Матвеевич!

Наконец, после непродолжительного ознакомления с интерфейсом, пока Сид терпеливо ждал, я, наконец, вошёл в платёжный кошелек. Там было две выделенные жирным цифры:

“Платёжный счёт: **255** руб. 12 коп.

Накопительный счёт: **15067** руб.”

Ниже виднелись акции: некие “Газкартель”, “Собрбанк”, “Мангазея”, “Русско-филиппинская компания” и ещё десяток ни о чём мне не говорящих, но внушающих уважение компаний. Общая их сумма была в районе тысячи рублей. Ещё ниже было несколько кнопок: “Свой Двор”, “Своя Недвижимость”, “Свой Транспорт”. Для интереса тыкнул на “недвижимость”. Там оказалось пусто.

Насколько я помнил историю других реальностей, подобные платёжные системы обычно появлялись куда позже, на десятилетие, а то и на два. Пока что оценить местный

курс рубля я не мог. Впрочем, узнать это было достаточно просто:

— Сид, сколько скинуть-то? Ремонт сколько стоит примерно?

— Стекло дорогое будет. Пять. Может, девять — десять в сумме.

— Тысяч?

— Чего?! — Сид выкатил глаза. — Не, барь, точно к лекарю. Как будто с Луны прилетел. Мощно тебя там, в зале этом приложили.

— Хм. А сколько всего машина стоит?

— “Лань” двенадцатая-то? Новая — тысячи полторы, а эта — от силы пятьсот.

И тут я присвистнул. Полторы тысячи за машину и десять рублей за ремонт означали, что на платёжном счету у меня была пара среднемесячных зарплат, а на накопительном... Судя по накопительному — в других мирах я бы считался миллионером уже в девятнадцать.

Подъехало моё такси — лакированная чёрная машина. Сид закинул сумки, приоткрыл мне дверь и сказал извиняющимся тоном:

— Если можешь... объясни Мариэтте Генриховне, как всё было. Я её боюсь, строгая больно. Я за три часа постараюсь уложиться — забегу покушать.

— Квартира! — догадался я крикнуть напоследок. — Скажи адрес. Я же всё забыл, ты помнишь?

— Тридцать пятая, комплекс “Татищевский”! Ну, бывай, барь.

А затем прыгнул на переднее сидение разбитой “Лани” и осторожно порулил, высунувшись в окно.

Мне ничего не оставалось, как ехать знакомиться с тётушкой из этого мира в гордом одиночестве.

В большинстве посещённых мной миров старшая сестра отца Мариэтта Генриховна либо умерла во младенчестве, либо жила где-то очень далеко с толпой моих двоюродных братьев и сестёр и знать нас не желала. Либо, того хуже, спилась и вела маргинальный образ жизни.

Поэтому чего ждать я не знал.

По дороге я ознакомился с контактной книгой и списком звонков. Чаще всего в последние дни звонили контакты: “Мама”, “Тётъ Мари”, “Сид” и “Марк Каюмов”. Я вспомнил, это его потащили на публичную казнь перед залом после меня. Возможно, он был моим приятелем.

Тетка почти не звонила, последний звонок был больше месяца назад. Точно так же, как и отец: от того вообще последний звонок числился в рождество.

В сообщениях чёрт ногу сломит: в основном про обучение, но с парой человек, в том числе с Каюмовым переписывался и на тему каких-то неведомых местных игр, не то цифровых, не то настольных.

Посмотрел галерею фото и слегка разочаровался. Во-первых, качество фотографий не вполне соответствовало эпохе. Ни одной фотографии красивой девушки или чего-то запрещённого. Мой двойник казался мне исключительно скучным и скромным типом. Сплошные фотографии учебников, каких-то каменных пластинок, станков, фрезеров, досок и тому подобного. Пара фотографий из ресторанов, похоже, достаточно дорогих. Много фото из картинных галерей и всего несколько карикатур или мемов на политическую тему, юмор в которых я не уловил.

Мы прокатились по главному проспекту, свернули в сторону невысоких домов, утопающих в зелени, и остановились у длинной яркой пятиэтажки с вычурными колоннами,

арками и вьюнами, доросшими до третьего этажа. Приглядевшись, я понял, что это не вьюны, а это самый настоящий виноград, который уже зацвёл. Виноград на Урале — что-то новое, подумалось мне.

Услужливый таксист, смуглый, похожий на кавказца, в цветастой рубашке, помог погрузить в просторный лифт, а затем молча остановился у дверей, ожидая чего-то.

— Сколько? — догадался я и стал рыться по карманам.

— Ежели наличностью — то полтинник, — немного удивленно сказал таксист. — А так — семьдесят две копейки.

Принятую здесь сумму чаевых я не знал, но на всякий случай решил округлить. Недолго поразбивавшись с механизмом оплаты, я набрал восемьдесят на телефоне, пароль, а затем коснулся телефонами с таксистом. Механизм не очень удобный, но зато защищенный. Таксист мой жест оценил.

— Спасибо, сударь! Сейчас помогу сумки до лифта донести.

В подъезде я сразу обратил внимание на двух парней рабочего вида, кутивших около почтовых ящиков. Когда я окончательно погрузился в лифт, а таксист откланялся и хлопнул дверью подъезда, пара пришла в движение.

— Сигареты имеются, барь? — спросил первый из них.

Ох, как часто я слышал такую фразу во всех известных мне мирах. Какие разные ситуации случались в моих жизнях после того, как кто-то просил закурить. Сломанные руки, переломы, пару раз — выстрелы из огнестрела. Любителей стрельнуть сигарету я не любил, и мне не очень хотелось бы с первых дней оставлять после себя след из смертей и разрушений, хотя при прочих равных — всё равно, как начинать путь. Увы, в этот раз физическая форма была не на моей стороне. Да и руки оказались заняты для мгновенной реакции — правая рука телефоном, а левая — одним из пакетов, поэтому я мягко сказал:

— Нет, не курю, — и нажал третий этаж.

Я и правда не курил ни в одной из реальностей, которую мог вспомнить. Но прозвучало это не убедительно, да и, судя по всему, никто и не собирался курить. Грязноватый сапог встал в створ лифтовой двери.

— Вы куда, барин, почему пообщаться с рабочим классом не хотите? Вы брезгуете?

В дверной проём легла рука. Лифтовая дверь поехала в обратную сторону. Парни стояли ровно, и выглядели не особенно агрессивными. Ростом они были с меня, а по комплекции — не сильно мощнее. Один крутил в руках отвёртку, второй — грыз семечки, бросая кожурки на белоснежный ковролин. Похоже, они просто развлекались, а не планировали ничего серьёзного.

Или нет? Я вспомнил про тот закрытый клуб моих однокурсников из знатных домов. Неужто они подослали?

Я решил поразвлечься, и заодно проверить себя. Первым делом огляделся по сторонам: ничего, напоминающего консьержку или охранника тут не было, что совсем не вязалось с образом приличного дворянского дома. От лифта вдаль уходил длинный коридор, напоминавший коридор отеля или общежития. Да, положение было не самым удачным: по сути, я был загнан в угол. Я бы мог попытаться оттолкнуть их и снова вызвать этаж, чтобы закрыть дверь, но это было бы позорным бегством. Встал в проём двери лифта, чтобы защитить своё имущество.

— Почему же. О чём хотите побеседовать, судари?

— Ты за социалистов, или за дворянское сословие? — спросил второй, не по-возрасту шепелявя.

— За дворянское, конечно же.

— Ах ты... — он шагнул в мою сторону, но его приятель с отвёрткой остановил его.

— Стой, стой. Видно, барь молодой, не шарит, в жизни не разбирается. Ну-ка... А что за телефончик у тебя?

Он шагнул ближе ко входу в лифт, рука потянулась к аппарату, но я коротко показал аппарат и сунул в карман.

— Циммер. Именной. Прости, дружище, не продаётся.

— Именной... — парень разочаровался. — Да, каменный. Циммеры не ломаются. А в пакетике чего?

Жало отвёртки коснулось края пакета, отгибая его и раскрывая горловину.

Я отступил в сторону. Мне и самому было любопытно, что там внутри — я и понятия не имел, что там могло бы быть. Свободной рукой я залез на самое дно... и нащупал то, что совсем не ожидал найти в пакете отчисленного девятнадцатилетнего студента.

— Вот, смотри, что там есть, — не меняя тон беседы, вытащил я со дна блестящий чёрный компактный пистолет-автомат.

— Ой, ...! — выругался парень с отвёрткой и отступил в сторону.

— Да что ты церемонишься! — рявкнул второй.

— Ты идиот, что ли?! У него ствол! Сказали припугнуть, а не трогать! — попытался остановить первый, но тщетно.

Его шепелявый приятель не слушал. Продолжая держать в левой руке семечки, он достаточно ловким движением схватил мою руку с пистолетом, толкая меня внутрь лифта.

— Твою мать, тут камера! Валим! — первый потащил его в противоположную сторону, но шепелявому что-то взбрело в голову — он явно намеревался отнять у меня пистолет.

Вторая рука была занята пакетом. Недолго думая, я бросил его на пол — что-то прозвенело, явно разбившись. Правую руку заламывали вверх и прижимали к стене, а второй лапищей он попытался схватить пистолет, но я оказался чуть проворнее. Моя ладонь разжала рукоять, левой рукой я перехватил выскользнувший пистолет за ствол и наотмашь резким движением врезал рукояткой по переносице.

— А-а! — заорал парень, схватившись за разбитый нос.

Он отступил назад, семечки полетели на пол. Первый подхватил его, оттолкнул в сторону и замахнулся отвёрткой, но я решил, что хватит, следует отступить, и вызвал лифт.

— Вали давай! — крикнул парень скорее для себя, чтобы оправдать своё отступление и обозначить победу. — Барин сказал: и в Москве тебя тоже найдёт!

Значит, заказ. Значит, это действительно какая-то банда, кто-то из той троицы, с которой у моего двойника были разборки в университете, подослал своих крепостных. Я вспомнил значок, который носила та троица: синий единорог на красном фоне. “Единороги”, как же это банально и наивно. Что ж, меня устраивало отступление тех товарищей. Для мести ещё найдётся время, и это далеко не главная моя цель и для начала требовалось накопить сил, знаний и ресурсов. Лифт приехал на третий этаж, и я с лёгким волнением позвонил в дверь.

— Ну, чего, отчислили, значит? — послышался знакомый голос.

Щёлкнул замок, и дверь открылась. Тётушка выглядела на пятьдесят с небольшим лет, как и должно было быть. Короткая, совсем мужская стрижка, суховатое, строгое лицо. Несомненно, аристократические черты. И совершенно неожиданная, совершенно не дворянская серая домашняя толстовка с огромным нарисованным котом.

— Здравствуй, тётушка. Отчислили, стало быть.

Сам не знаю, почему, но мне захотелось перейти на старинные обороты.

— А второй где? За тобой же поехал?

— Второй разбил твою машину, — сказал я и передал пакет.

Мариэтта Генриховна немного небрежно поставила пакеты в коридор и прокомментировала почти без эмоций.

— Вот говнюк. Что один, что другой — ни на что не годные. Что было-то?

Коротко объяснил, что случилось, что виноваты не мы, и что машину отремонтируют за счёт страховой. Мариэтта Генриховна осталась довольна и ругать не стала. Я осмелел и спросил.

— Почему у вас нет вахтёра... дворецкого? Ко мне пристали какие-то типы. Чуть не подрался.

Тётка немного удивлённо на меня зыркнула.

— Как будто не знаешь. Потому что кое-какой дворянский дом жмотится выставить эту ставку в табели крепостных душ. Говорят: зачем, ни одного убийства в районе за год! На первом этаже людские апартаменты, в основном все души наши. Вот и говорят — безопасно. А я откуда знаю, что за шваль там в гости ходит? Камер понаставили, вот и сидим. Целый хоть?

— Целый. Пистолет показал.

— И правильно. Эх, люмпены. Проходи. Там стифадо какое-то Ленка приготовила, сейчас смена закончилась, я пока занята.

Что такое “стифадо” и кто такая Ленка я не знал и решил сразу поставить все точки над “и”.

— Тут такое дело. Мне память отшибло. Что-то переклинило на этом заседании, когда на сцене был... Я с трудом помню, кто вы такая, тётя.

— Не выкай мне тут. Понимаю, тяжело, но кончай придуриваться, ешь иди, — сказала тётка и скрылась в комнате — который, вероятно, был рабочим кабинетом.

Посчитав такую реакцию вполне подходящей, я прошёлся по коридору. Всего комнат оказалось шесть, исключая два санузла и две большие кладовые. Интерьер был минималистичный: белые обои, полное отсутствие декора, лишь пара непонятных тёмных панелей на стене. Бросив вещи в комнату, которая показалась мне наиболее похожей на гостевую спальню, я пошёл в гостиную. Здесь мне предстояло некоторое время разбираться с бытовой техникой, которая несколько отличалась по управлению. Духовка — не то микроволновая, не то индукционная — разогрела тарелку неожиданно быстро.

Еда оказалась удивительно-вкусной и напоминало то ли фахитос, то ли рагу: жареные острые овощи, пара из которых была не вполне знакома, мелко рубленное мясо. Обнаружил я и кофемашину, повозился и приготовил вкуснейший кофе. С этим пока тоже повезло, потому что я знал миры, в которых наблюдался жёсткий дефицит кофе, либо культура кофеварения отсутствовала полностью.

Прислушался к радио, доносящемуся из соседней комнаты. Голос выхватывал разное, что пока едва складывалось в полноценную мозаику.

“Войска командования Норвежской Империи претерпели очередное сокрушительное поражение от бойцов Луизианы на фронтах Виннепегского конфликта. Как мы видим, поставки современного вооружения Североамериканских штатов и Английской империи пока с трудом доходят до столь отдалённого региона...”

“Певица Аямэ Мико в рамках тура посетит Верх-Исетск третьего марта. Билеты в концертном театре “Космос” проданы ещё в прошлом месяце. Как заявляет директор певицы, прозвучат композиции с нового альбома и классические хиты на русском, французском и японском языках...”

“Межпланетный буксир “Воевода-5” приступил к транспортировке новой партии оборудования для сброса на поверхность Марса...”

“Рабочие крупнейших городов Русского Антарктического Союза проведут в следующую пятницу очередную стачку, приуроченную к годовщине Южногорского Восстания. Как утверждает “Голос Антрактики”, общее число участвующих рабочих может приблизиться к двумстам тысячам человек, что рискует серьёзно повредить экономике российского протектората...”

— Держись, Матвейка, — пробормотала тётя после последней новости. — Тяжко тебе там.

Про Антарктику в голове крутились разрозненные факты, не то реальные исторические, не то из местных фантастических сериалов. Когда допивал кружку чуть не подавился. Из коридора мягкой поступью вышла самая настоящая рысь. Небольшая, пятнистая, ростом чуть выше среднего спаниэля, с кисточками на ушах и коротким хвостом. Встала у дверей, поводила носом, потом, осмелев, подошла к столу, поднялась на задние лапы и понюхала тарелку.

— Всё съел. Прости, — сказал я, рискнул и почесал за ухом.

Зверь прищурился, потёрся об руку — видно было, что меня он признал и рад был видеть. В этот миг у меня впервые зазвенел телефон, лежавший на столе. Мелодия была громкой, с писклявым голосом на японском. Экзотический кот испугался звонка и спрыгнул в сторону, болезненно царапнув колено через штанину. Хищник.

Я принял телефонный звонок. Звонила мать.

— Мама!

— Мне пришло письмо из ректората... Получается, всё?

— Получается, всё, — сказал я. — Полная задница.

— Ты как с матерью общаешься?! Да ещё и в такой день! Столько денег вбухали! Полтора года впустую!

— Ну, извини. Я верну. Мам, я очень рад тебя слышать.

Конечно, я уже давно был не столь эмоционален, как во времена моей первой молодости. Но эмоции от общении с родительницей, давно почившей во всех предыдущих моих жизнях, прямо скажем, переполняли. Хотя, судя по тону, я понял, что характер у моей матушки в этом мире был тем ещё подарком — но выбирать не приходилось.

— Вернёшь! Откуда вернёшь? На работу устройся сначала! Думаешь, я тебе позволю в имени сидеть и наследство проедать? У меня тоже с картинами сейчас мёртвый сезон до лета.

Картины... в голове пронеслись образы, оставленные в наследство от моего двойника. Моя мать владела картинной галереей, вспомнил я.

— В общем, дуйте домой давайте. Покупайте билеты на завтрашний рейс. Платить не буду. Пока вакансии в Доме дворянском запрошу. Отцу письмо напиши. Обрадуешь. Теперь точно деревенских не видать, хоть и обещал отписать кого-то. И деду. Чтобы при встрече отхлестал по... как ты выразился? По заднице. Все понял?

— Еще бы.

— И чтобы ни по каким электроконцертам не шлялся! И Сиду запрети, я его после драк лечить не буду.

Звонок завершился. Несмотря на полный разнос от маман, я чувствовал себя радостным — подобное чувство испытываешь всегда. Я рискнул выйти из гостиной. Порылся в вещах — нашёл весьма современного вида ультракомпактный системник с незнакомыми разъёмами и разбитую кружку — именно она упала в лифте. К системнику прилагалась пара дюжин тонких, но весьма тяжёлых пластинок с разноцветными корпусами. Судя по всему, местные носители информации.

После сходил в душ, осмотрелся. Увиденное в зеркале меня вполне устроило. Переодевшись в домашнее, вышел пообщаться с тёткой. Кабинет был просторным, не меньше двадцати квадратных метров, и напоминал небольшой цех. Несколько столов с инструментами. Приличных размеров 3D-принтер. граверы, груда камней, лампы, два наклонных кульмана с чертежами. Одну из стен занимало что-то, напоминающее небольшой

музей электроники. Сотня телефонных трубок, от огромных и квадратных до примерно такой же элегантной, каким был у меня “Циммер-40ба”.

— Чего припёрся? Только не отвлекай.

— Чем занимаешься?

— Браслеты, будь они неладны! Никак пульс не снимают. Не отвлекай. Иди лучше с Эриком Рыжим поиграй, мне некогда было сегодня. Зверь скучает. Ну, или рассказывай, когда по девкам уже гулять начнёшь.

— Начну на следующей неделе, — пообещал я, отчего тётка даже удивлённо оглянулась.

— Тётушка, расскажи вот про эту модель?

Я указал на один из первых аппаратов, напоминавший старинный калькулятор середины века с квадратным табло и большими кнопками.

— А, — оглянулась тетя. — Так ты ж спрашивал уже несколько раз, “Циммер-1976” первая модель. Первый российский мобильник, сделанный за пределами Москвы.

— Мобильник? В семьдесят шестом?!

— Дипломная модель моя. В честь деда твоего, Генриха Кристофорыча, героя третьей Японской. Он же помер за год до этого, да... Если бы ты знал, на каком говне я тогда для него камень резала... но запустился! И потом доработанный в серию в тысячу штук заказали, для пожарной службы. Каждый стоил, не дай соврать, рублей сорок. Ладно, Эль, сейчас шить буду, не мешай.

“Эль” — давно так меня не называли. Я остался в комнате и наблюдал за процессом. Тётя сняла чертёж с кульмана, кинула на стол. Достала из микроскопа пластину, засунула в пластиковый корпус и положила в центр чертежа. Уперлась руками в стол, закрыла глаза и принялась напевать под нос тихую мелодию почти без слов, похожую не то на колыбельную, не то на обрядовую песню.

Мурашки пробежали по спине от этого тихого странного напева. Воздух в комнате словно напрягся. Нечто подобное чувствуешь, находясь в старинных соборах во время службы.

С чертежа снялась и повисла в воздухе тонкая прозрачная пленка — мелкие линии схемы, слова, пульсирующие квадраты. Схема сначала расплелась на несколько слоев, повернувшись и повиснув в воздухе, затем принялась сжиматься в крохотный пульсирующий шарик, который с лёгким щелчком влетел в браслет на столе. Браслет развернулся несколько раз, словно волчок, а Мариэтта Генриховна устало хлопнулась в кресло.

Потерла виски, выпила залпом стакан воды и только затем взяла браслет со стола. Потёрла, коснулась телефона и пробормотала:

— Ну, пробуем...

А затем надела на руку. Экран на браслете загорелся, на нём побежали цифры. Покрутила рукой, поводила, нажала кнопки на краю корпуса.

— Вот чёрт! Опять пульс не измеряет, — сказала она, наконец, выдернула камень из корпуса и ловко бросила в урну, стоящую в углу комнаты.

Я попытался осмыслить произошедшее. Во-первых, я понял, что впервые увидел реальное применение магии в этом мире. Причём не кем-нибудь, а собственной тёткой. Во-вторых, до меня дошёл сакральный смысл местной профессии “камнерез”: это было чем-то вроде мага-артефактора вперемешку с дизайнером, программистом, и, наверное, ещё парой других высокотехнологичных профессий. Видимо, магия здесь была тесно сплетена с электроникой и, возможно, чем-то ещё научным.

И в третьих, что самое ужасное и удивительное, по всему выходило, что мой реципиент учился этой профессии. Следовательно, был склонен к магии. В таком случае, — хорошо, подумалось мне, что его отчислили в момент моего вселения. Абсолютно не хотелось мараться о разного рода магическую гниль.

Хотя что-то подсказывало, что придётся. Еще не раз придётся, и от профессии и способности так просто не сбежать.

Мои размышления прервал звонок в дверь. Пришёл Сид с сумками продуктов, впустивший в дом молодую женщину.

— По дороге Ленку встретил.

Ленка оказалась горничной тётушки — северных кровей и постарше меня лет на пять. С крашеными в разные цвета волосами и весьма дружелюбной на вид. Когда она скинула лёгкую куртку, под ней обнаружилась лёгкая полупрозрачная блузка, ничуть не скрывавшая приятную, слегка полноватую фигуру. Увидев меня, она неожиданно смутилась.

— Добрый день, барин. Давно вас не видела.

— Привет, Лена. Спасибо за... рагу, — сказал я, позабыв затейливое название блюда.

Она вспыхнула и убежала в комнату для прислуги. Эрик Рыжий проследовал за ней, потираясь ухом о ноги в тонких зеленых колготках, как самый заправский кот.

Частота и реакция, с какими я обращал внимание на детали женского гардероба и части женского тела под ними, начинали не то веселить, не то раздражать. Я вспомнил, что сексуальные склонности очень часто наследуются от прошлого владельца тела. Местный Эльдар, судя по всему, не имел никакого интимного опыта, и я заметил подростковую склонность к вуайеризму, фетишизму и острое желание тактильного контакта. Это лучше, чем какие-нибудь неприятные извращения: например, в позапрошлый раз я подсеялся к сороколетнему Эльдару, который с молодости питал нездоровую страсть к старушкам.

Сид коротко отчитался тёте о том, как отдал машину в ремонт, передал документы и ключи. Удивительно, но она совсем не ругалась. Похоже, в рассудительности ей было не занимать. Затем Сид обратился ко мне:

— Ну, барь, как себя чувствуешь?

— Если про память, то все так же. Слушай, а она... — я перешел на полушёпот и махнул в сторону горничной. — Чего так странно смотрит?

Сид хохотнул.

— И это забыл? Ты в прошлом году ветрянкой болел, у Мариэтты Генриховны здесь кантовался, и Ленка напросилась за плату тебя обрабатывать. Она же медсестрой на вторую половину работает.

— В смысл, на вторую половину?

Сид возвел очи горе.

— Все мы, крепостные, после Реформы 1991-го года отрабатываем на дворян не больше двух часов в сутки. Не, ну, кто-то больше, как я, но уже не за губернские деньги, а за плату. А если где на стороне работаешь — комиссию роду десять процентов. Чего ты думаешь, я на звукаря хочу отучиться — чтоб побольше тебе денег зарабатывать.

— Справедливо, — заметил я не то про систему, не то про план Сида. — Так что с Ленкой?

— Ну, как ты рассказывал, тётка вас в ванной запирала, Ленка тебе живот мазала, а когда ветрянка пошла ниже...

— Вынуждена была мазать меня ниже пояса, — продолжил я. — Ясно.

— Я её про это дело, конечно, не расспрашивал. Но ты там что-то говорил, дескать, уговорил её показать грудь, дескать, чтобы проверить, не перекинулась ли болезнь. Дело опасное, знаешь, контакт крепостных и дворян... С тех пор оба и краснеете.

Я не мог сказать, сочинил ли местный юноша историю про грудь гувернантки, но выглядела она весьма красивой. И снова стало немного грустно, что подробностей я не помнил.

— Ну, я свободен? Или по одежде чего посмотреть и подобрать. Можем вместе прогуляться.

— Маман звонила, запретила на концерт идти. И тебе, и мне.

Сид приуныл.

— Эх, служил бы у тётушки твоей, вместе бы с ней по клубам ходили, она ж у тебя молодости сама на басухе играла... Ладно, барыню нужно слушать. Тем более сейчас, когда тебя отчислили. Еще и сессия у меня скоро, много отпрашиваться надо будет.

— Слушай, помоги билеты на самолёт купить? Я если и умел, внезапно разучился.

— Конечно, барь, пошли. Это моя работа. Мариэтта Генриховна, можно воспользоваться вашим компом? У Эльдара Матвеевича он упакованный лежит.

— Рихнером! Или вычислителем! — буркнула тётя. — Терпеть не могу эти ваши молодёжные словечки. Называй нормально. Да, можно. Пароль пусть Лена введёт, она знает.

Лена выпорхнула из комнаты для прислуги — в одной футболке и шортах, быстро вбила пароль и убежала обратно. Поймал себя на мысли, что возникло резкое желание поразглядывать её облачение, но я не успел. Итак, я впервые сел за местную компьютерную технику. Пожалуй, адекватными эпохе в ней выглядели только компактный, с толстую книгу размером корпус системника и монитор — тонкий, безрамочный, с отличным разрешением. На котором открылся совершенно дикий, неудобный интерфейс в стиле поисковика из середины девяностых. Мышь — квадратная и тяжёлая, с перекрестием вместо привычной стрелки, но что самое страшное — клавиатура.

Боги, как многое я бы отдал, чтобы во всех посещённых мне мирах была одна и та же раскладка клавиатуры и одинаковые разъёмы проводов! Привыкать приходилось ко многим изменениям, но к клавиатуре и орфографии — тяжелее всего. К тому же, в местной орфографии сохранились “Ъ” на конце слов и “ижица”, которая, насколько я понял, писалась всего в паре слов греческого происхождения. Ничего, казаться в первые недели безграмотным двоечником было не впервой. К счастью, тут был камердинер. А когда у меня пальцы легли на клавиатуру, меня ждал ещё один сюрприз.

Пальцы помнили клавиши! Я без проблем набрал поисковой запрос вслепую. В большинстве из последних миров развитие компьютерной техники сильно хуже среднего, и мои реципиенты в тех мирах совершенно не помнили клавиатуру. Поэтому учиться компьютерной грамоте приходилось с нуля. Вероятно, мой здешний двойник сидел в местной компьютерной сети достаточно плотно, раз память о расположении букв сохранилась в моторной памяти. Это несколько облегчило задачу, но чего-то более глубокого и цельного я уже не вспомнил, и многое показалось новым.

“Добро пожаловать в сеть Пермской губернии!” — висело в заголовке. Похоже, глобальной сетью тут и не пахло. Либо пахло, но не для простых смертных. Это было как плюсом, так и минусом. Я заметил, что много словечек на главной было с немецким, а не с английским, как в большинстве миров Главного Пучка, происхождением. Сид ловко вышел на сайт — здесь называлось “ресурсом” — местного аэропорта Арамиль и охнул от цен.

— Зимой всегда дороже. Дворянский класс — как половина моего месячного жалования.

В итоге забронировали два билета: дворянский "комфорт" за девяносто рублей и эконом за десять. Когда пришло время платить, возникла куча окошек.

— Как платить? — вынужден был вполголоса спросить я.

Сид засуетился и достал откуда-то с полки странную штуку на шнуре, напоминающую старинный внешний дисковод.

— В кошельке на телефоне пароль вбей и суй туда, барин.

Достал телефон, нажал подтверждение, оплатил и отпустил Сида прогуляться. Уже выключая экран телефона, заметил иконку с двумя письмами. Открыл первое, оно оказалось от однокурсника Марка.

“Представляешь, меня оставили на испытательный. Так жаль, что тебя отчислили. Встретимся? Я обещал кое-что передать”.

А второе оказалось от той самой Нинель Чистяковой:

“Эльдарь Матвеевичь, какъ ваши дела? До меня дошли слухи, что у вас проблемы с учёбой? Неужели вы вернётесь въ Москву?”

Я почувствовал, что сердце забилось чуть чаще. Молодость, ничего не поделаешь!

Пролистал переписку чуть выше: общались с барышней скромно, лишь перекидываясь поздравлениями с праздниками и парой фактов из жизни. “Вот, закончился семестр”, “Ах, какие вкусные персики у нас уродились” и тому подобное.

В день её восемнадцатилетия обнаружилась какая-то странная оборвавшаяся переписка, в конце которой была просьба “всё лишнее удалить”. Ещё раз освежил в памяти отчество — Кирилловна и быстро настроил ответ, стараясь подражать стилю предыдущих сообщений..

“Нинель Кирилловна, возвращаюсь на родину. Отчислили меня с позором. Буду радъ сь вами повидаться, если такое уместно”.

Ответ пришёл быстро и, что удивительно, со смайликами.

“:-) Эльдарь Матвеевичь, я подумаю о встрече. Очень грустно, что вась отчислили.”

Открыл и разглядел фотографию профиля. Молодая, неброско покрашенная, с сочными губками, немного наивными большими глазами и густыми светлыми волосами. Фигура худая, бёдра чуть шире груди. Но что самое мощное — это очки. К своему ужасу я обнаружил, что очки у моего реципиента были прямо-таки железобетонным фетишем.

Чтобы как-то отвлечься от совершенно неуместных юношеских фантазий, я позвонил Марку, чтобы договориться о встрече.

— Привет! Сочувствую... и немного завидую. Ты вольная птица, чувак!

— Да уж. Что передать хотел?

— Эм... не буду по телефону. Ты же не забыл?

— Я сколько-то должен? — на всякий случай спросил я.

На том конце раздалось прихрюкивание, Марк захохотал:

— Нет, ты серьёзно хочешь, чтобы меня посадили?! Исключительно подарок, на добрую память. Как и договаривались. Сегодня можешь?

— Может, я комардина пришлю?

— Не, тут лучше самому... Я твоему парня не доверяю. Давай через часа полтора? — предположил я.

— У "Донна Виноградо"?

— Это кафе какое-то? Можно и там.

— Окай, я сейчас тут практику закончу и скоро выйду.

“Окей” здесь произносили с отчётливым немецким акцентом. Интуитивно, а может и по подсказке моего реципиента, я догадался, что ловушкой это быть не может и что передать должны что-то очень важное. Следом поговорил и попросил у Сида, чтобы он подстраховал в ходе моего пути.

— Я с приятелем встречаюсь. Как раз в этом районе. Без проблем, барь! — ответил он. — Сяду где-нибудь рядом.

Оставшийся час я решил потратить с пользой — изучить что-нибудь на тему мира. Затем заглянул в дверь к Ленке. Она сидела над тетрадками в огромных наушниках за крохотным не то планшетом, не то ноутбуком, пританцовывая в такт звучащей там музыке. Я успел разглядеть на видео пачку полуголых парней, после чего Ленка лихорадочно стянула наушники, выключила видео и немного испуганно спросила:

— Да, барин, что случилось?

— Ничего страшного, помоги кое-что найти в сети.

Мне требовалось найти что-нибудь вроде местной википедии или британники, и она мне подсказала ресурс "Большая Имперская Энциклопедия".

Следующие полчаса я бегло читал историю этого мира, параллельно осваиваясь в пользовании местной сетью. Мой реципиент разбирался в датах и хронологии из рук вон плохо, как, впрочем, и почти всегда бывало: в большинстве реальностей я был склонен больше к точным наукам. Но из-за поставленной цели в политике и географии разбираться требовалось.

Некоторые события и исторические личности до неприличности походили на таких же в Главном Пучке реальностей. Я понимал, почему так бывает: ветвь в ходе своего роста неумолимо перемещается в сектора пространства-времени и на неё оказывают влияние соседние мощные ветви. К примеру, из царства в империю государство переименовал Петр I. Смутное время тоже пришлось на начало семнадцатого века, но прошло куда спокойнее и закончилось установлением династии Годуновых, из-за чего пережитки боярской формы правления дожили до начала двадцатого века.

Годуновы? Я даже вздрогнул. Как одна и та же фамилия может быть правителями в настолько далёких реальностях? Я пока так и не определил, когда случилось глобальное потепление, и когда ветвь отделилась от основной, но явно это случилось раньше, чем правили Годуновы. Но тут же память подсказала ответ. Такие люди-парадоксы, как я, пронизывающие все ветви реальности, случались и во многие другие моменты роста Древа. Значит и здесь могли править люди с фамилией Годунов.

В двадцатом веке все важные для России события тоже случились в восемнадцатом и начале девяностых.

Россия здесь, как и во многих других сценариях, была крупнейшей по территории державой, правда, если считать все колонии и доминионы. В конце двадцатого века несколько приграничных территорий объявили независимость в результате долгой борьбы сепаратистов и дворцовых интриг. Но различий, конечно, было много.

Пётр Первый был Годуновым, а не Романовым, и Санкт-Петербург он основал восточнее: Ладога здесь была продолжением Финского залива, и Невская протока вела из Онежского озера. Часть европейских государств, например, Дания и Голландия, из-за изменившейся береговой линии попросту отсутствовали как самостоятельные державы, зато другие — Норвегия и Новгородская республика, просуществовавшая аж до восемнадцатого века, владели гигантскими территориями, включая обитаемую и лишённую льда Гренландию — загадочное Зеленогорье. Австро-Венгерская Конфедерация, бывшая сначала Империей, а потом Социалистическим Союзом, занимала треть Европы и владела землями на Ближнем Востоке, поглотив распавшуюся Турецкую Империю. Великобритании не было, была Английская Империя, находившаяся уже в некотором упадке.

Североамериканский континент был перекроен на десяток незнакомых государств, включая Республику Ирокезов и Русскую Арктическую Республику, а Африкой, Южной Америкой и половиной Азии владели совместно Франция, Испания, а также Бразильская и Японская империи. Китай был расчленён на полдюжины государств, половина из которых была под Японией. Некоторые из бывших колоний стали независимыми из-за деятельности социалистов, некоторые — остались доминионами. А некоторые до сих пор принадлежали России.

В начале девяностых произошло много изменений: подписание мирного договора с Японией, парад суверенитетов на окраинах и в некоторых колониях, снижение роли

Императора и усиление роли Губернского Собрания. Именно тогда к Империи добавилась новая характеристика — “Федеративная”.

Я заглянул дальше. Два больших моря рассекали Сахару. Большое море плескалось посреди Австралии, поделенной между пятью державами, включая Россию.

Примерно через час я перешёл к обзору последнего материка — Антарктиды и присвистнул.

— Антарктида, что ли, обитаемая? — пробормотал я

На этой фразе Ленка, всё ещё дежурившая рядом в гостиной в обнимку с телефоном сделала удивлённое лицо и молча ушла в комнату. Какая она, всё-таки, молчаливая и замкнутая, подумалось мне.

Ледники занимали только центральное плато, всё побережье поросло лесом, а государств было не меньше, чем в Америке. В том числе тот самый Русский Антарктический Союз, про который говорилось в новостях.

Отец... Антарктида. Что-то шевельнулось в памяти. Время встречи с бывшим однокурсником уже подходило и я не рискнул погружаться в энциклопедию глубже.

Порылся в пакетах, собрался, переодевшись в повседневное: достаточно невзрачный лёгкий свитер и брюки, напоминающие джинсы, нашёл в пакете кобуру и нацепил на пояс пистолет. Затем попросил Ленку помочь разобраться с картой и вызвал такси.

Народа на улице ближе к вечеру прибавлялось. Высыпали группы ярко раскрашенных девушек в странных карнавальных платьицах, ростовые куклы, рекламирующие неизвестные команды. Из дорогих машин выходили в сопровождении мордovorотов представители золотой молодежи: не то родовое дворянство, не то купечество, я пока не разбирался. Все толпы стекались к огромному зданию стадиона, отчего на светофорах пришлось стоять дольше обычного.

— Кто играет? — спросил я таксиста.

— Так ведь, барь, игра года. “Уральский Мастер” и “Бирнингем”.

— Футбол?

Таксист как-то испуганно обернулся.

— Мы ж не луизианцы какие-то. Лапта. Байсболль, как говорят на Европейском Полуострове.

Европейский полуостров — звучало одновременно и свежо, и жутковато. Приехал, расплатился, но однокурсника своего не обнаружил.

— Пробки! — прокричал он мне в трубку. — Ещё минут десять, посиди там у входа.

Кафе “Донно Виноградо” нашёл без труда, сел на скамейки рядом со уличной статуей, изображающей грифона, достаточно правдоподобного. Народ тётк мимо меня, я долго и часто бывал одиночкой, но чувство одиночества в огромной толпе всегда немного дискомфортно, тем более, когда ты находишься в новом мире первые часы. От нечего делать снова поразглядывал девушек. Вечерело и начинало холодать, отчего многие укутались в пончо и платки. Через минут десять позвонил Сиду.

— Мы тут с Тарагуптой в кабаке через дорогу засели. Я тебя вижу, барь, всё окАй. Если что — подскочу.

Я разглядел вывеску “Техасский Рэднек”, и стало как-то спокойнее. После я обратил внимание на то, что ускользало от взгляда из-за своей непривычности. Со многих вывесок, со стен проезжающих автобусов на меня глазели прекрасноликие мультипликационные азиатки. Я вспомнил, что в моих вещах были подобные картинки на носителях информации

и на разбитой кружке. Да и многие девушки на улицах, судя по всему, копировали подобные образы.

Мой реципиент где-то вздрогнул внутри. Аниме — из глубины памяти я с трудом выудил слово, которое совершенно не встречалось в прошлом мире. Там Японию в конце Второй Мировой разбомбили целыми десятками ядерными бомбами, после чего она распалась на три страны, и никакого влияния на мировую культуру не оказала. Здесь же всё было наоборот. Мирный договор, вспомнилось мне. После девяностых японская культура хлынула бурным потоком в неокрепшие умы моего поколения.

Я анимешник, понял я. Анимационный фанат, как тут говорили. Именно поэтому у меня окрашенные в синий цвет волосы.

— Эльдар! — крикнул голос, показавшийся знакомым.

Из припаркованной в пятидесяти метрах машины вылез и заспешил ко мне парень — полноватый, с немного наивным лицом. Я заметил, что пряди длинноватых волос у него окрашены в фиолетовый цвет. К его машине прислонился и закурил бородатый мужик в наколках — типичный бандюган. Поровнявшись, Марк пожал руку и сделал странное и немного нелепое движение локтём, намереваясь стукнуться с моим.

— Мне так жаль, что тебя отчислили... Прямо как Рёико — твоего любимого персонажа “Летающих Кастрюль”. Надо же... совпадение. А мне выговор.

— Забудь. Меня тут переклинило. С трудом вспомнил тётку родную и тебя. И забыл все предыдущие месяцы.

— Ого! — Марк выпучил глаза. — Как Фридрих Кафка из “Проклятого Грязного Города”?

— Возможно. Что хотел-то передать?

Марк воровато огляделся, присел на скамейку и сунул мне прямо в карман носитель информации.

— Никому не показывай, там... — зашептал он. — Почти вся моя коллекция, как ты и просил. Тридцать шесть роликов... Один очень рекомендую, с двумя негритянками — там такое!...

Секунду я обдумывал сказанное, а следом с трудом сдержал смех. Эх, Эльдар Циммер из мира затопленных Империй. Мог ли кто-то из нас предположить, что мне придётся лишиться тебя сознания за день до того, как ты получишь такое сокровище? Я ещё не разбирался в законах, но мог предположить, что передача порнографии здесь была весьма противозаконным и экстремальным шагом. Ну, ничего не поделаешь, мне пришлось принять этот дар.

— Спасибо. Как там у тебя...

— Со стюардессой? — оживился Марк. — Да, снова написал. Я же говорил — она мещанкой оказалась, не крепостной! Значит, можно, получается, да? Как думаешь? Или всё же искать дворянку... Да только кто на меня посмотрит на такого...

— Можно. Пригласи её на свиданку — вот в эту вот “Донну Виноградо”. Всё должно получиться, — посоветовал я.

— А ты как? С соседкой той? — приятель перешёл на шёпот. — Ты рассказывал, что у тебя её фото во французском купальнике спрятано.

Ничего подобного, к сожалению, я припомнить не смог.

— Не помню. Честно. Я же говорю — память отшибло.

— Вот блин. А я хотел тебя про Общество спросить. Может узнал что-то? Как в него

вступить? Получается, ничего не помнишь?

Разумеется, ни про какое Общество — слово, судя по интонации, явно следовало писать с заглавной буквы — я тоже не знал. Но что-то подсказало, что узнать стоит. Подумал спросить в ответ — что он знает про него, но диалог не продолжился, я почувствовал что-то неладное. Народ куда-то спешил, люди выглядывали из подъездов и входов в кафе, а затем прятались внутрь. Поток машин тоже перестал, а привстав с места, я разглядел пару бело-красных полицейских машин, перегородивших улицу в двух кварталах от меня.

— Что за...

— Вот блин! Англичане! — Марк внезапно вскочил с места и помчался в сторону мужика-водителя.

По опустевшей улице разнесся шум толпы, нескольких сотен голосов, сливающихся в громкую песню. Я различил знакомые обороты на английском, в том числе и матерные. Наконец, показался источник звука. Из-за угла вышла шеренгой плотная колонна бритых парней с флагами. Их сопровождал закованный в броню жандарм на лошади, державшийся на расстоянии и всем своим видом являвший полное безразличие.

Удивительно, но во всех мирах, где есть Англия или Великобритания и развит международный спорт, обязательное есть бешеные спортивные фанаты из этой страны.

Народ на улице вымер. Я решил не рисковать и неторопливо, не показывая паники, шагнул в сторону двери кафе, но увидел, как официант с обратной стороны отходит от только что запертой двери и стыдливо качает головой. Мол, прости, не успел.

До следующего подъезда было слишком далеко. Кто-то в толпе тыкнул пальцем, послышалось довольное улюлюканье. Мимо просвистела и разбилась о витрину стеклянная бутылка. Послышался свисток жандарма, но англичане, похоже, его игнорировали. Десяток парней отделились от толпы и помчались на меня, перепрыгивая стоявшие вдоль тротуара скамейки. Они были голые по пояс, в татуировках, фанатских шарфах, повязанных на шее и разноцветных кепках-восьмиклинках. В руках бежавших впереди виднелись бутылки и что-то, завернутое в газету.

Моя рука скользнула на пояс к кобуре. Палец взвёл курок, я навёл ствол на полметра выше головы бежавшего впереди и стрельнул в створ улицы.

Парень, пригнулся, остановился на миг, но затем снова помчал вперед. Почему он так уверен, что ему здесь ничего не угрожает?

— Беги, парень! — крикнул жандарм, поровнявшийся со мной. — Распоряжение — не могу стрелять. Спецназ на подходе.

И я побежал. Нет, я понимал, что смогу выстрелить и попасть два, три раза. Но их было на порядок больше и выглядели они не то законченными нариками, не то...

Зомби, вспомнилось мне. В одном из магических миров я уже встречал зомбирующие чары — конечно, применяемые не к мертвецам, а живым людям. Неужели снова? Или это просто коллективное бессознательное, власть толпы?

Взвизгнули тормоза машины на проезжей части. Это была малолитражка Марка, давшая задний ход и поровнявшаяся со мной. Его бородатый водила приоткрыл заднюю дверь.

— Сюда! — послышался голос моего однокурсника.

Я перемахнул через газон, дернул дверь на себя, прыгнул внутрь. Водитель вдарил по газам, я обернулся назад, подозревая, что толпа оказалась в паре метров от меня. Но она двигалась совсем в другом направлении. Полдюжины "вожаков" мчали поперек улицы к тому самому бару "Техасский Рэднек", из которого вышли две фигуры.

Секунду спустя я понял, кого окружали английские "зомби".

— Тормози! — Хлопнул я по плечу водителя. — Там мой... друг!

Водитель затормози, и тут же ещё пара ультрас отделилась от толпы и побежала навстречу нам. Я решил действовать и быстро пересел к правой двери машины. Разбираться со стеклоподъемником показалось слишком долгим, поэтому я просто открыл дверь, высунулся и пальнул ещё раз.

— Стой, назад! — крикнул Марк с переднего сиденья.

Моя пуля прострелила и отбросила назад кепку ближайшего ультраса, следом послышался свисток жандарма, и я зашагал напрямую в толпу. Второй выстрел, как и первый, толком не подействовал, правда, бегущий на меня всё же отклонился от маршрута. Всё внимание задир теперь было отдано вышедшим из кабака. Одного уже повалили на пол и пинали, а второй — с облегчением я увидел, что это Сид — забрался на подоконник и меткими пинками здоровенных армейских ботинок откидывал шпану, которая тщетно пыталась стащить его вниз.

Оглянувшись назад, я увидел, что пятеро других парней окружили машину Марка и пытаются её раскачать, разбить стекло. Машина медленно набирала ход, водила старался сбросить висящего на капоте англичанина. Путь к отступлению был отрезан.

— Барь, я щ-щас! — крикнул он, заведев меня. — Щ-щас я их уделаю, иди в машину!

Секунды, которые он потратил на то, чтобы отвлечься, хватило противникам на то, чтобы ловким рывком сдёрнуть вниз. Правда, здоровенный кулак моего крепостного тут же встретился с челюстью белобрысого англичанина, а затем с плечом следующего, ему удалось вырваться из окружения, но следом он получил мощный удар под дых, отчего скорчился от боли. Я не стал ждать продолжения драки, а просто подошёл ближе, ловко увернувшись от пробежавших мимо меня парней и прострелил напавшему на Сиду в лодыжку.

Выстрел и крик раненого прорезал шум орущих несвязные песни глоток. Куплеты стали тише. "Зомби" обернулись и принялись молча пялиться в меня, только раненый в ногу продолжал хныкать и материться, корчась на асфальте. Я решил действовать быстро. Подбежал к раненому товарищу Сиду, схватил за руку, потащил буквально из-под ног стоявших рядом противников. Сид тоже вырвался из окружения и принялся мне помогать.

Но спустя пару секунд кто-то крикнул в толпе:

— Фокинг раски!

Толпа загудела. Теперь свистели и орали даже те, кто всё это время сидел в центре толпы и в избиении не участвовал. А затем десятка ультрасов снова пришла в движение. Удар в плечо от первого подбежавшего развернул меня, и я едва не потерял равновесие. Следующего встретил Сид. Третий получил удар прикладом по переносице. Мы медленно отступали, но нас брали в окружение. А затем Сид споткнулся и упал.

Я наклонился, чтобы помочь поднять его и почувствовал удар в спину. На какой-то миг я подумал, что это конец. Но, как часто бывает, именно в этот момент появилась подмога. Секундой ранее серый бронированный автомобиль показался из-за поворота и в момент, когда мне сделали подсечку, оказался прямо у самого края толпы. Раскрылась дверь... а затем мои уши пронзила резкая боль всепоглощающего, твёрдого звука, который, казалось, готов раздробить кости черепа. Закрыв уши ладонями, развернул голову и увидел хрупкую рыжую девушку в бронежилете, стоящую на подножке броневика. Она вытянула подбородок и, казалось, просто пела, но звук, который заполнил улицу, был мощнее всех рок-концертов, на которых мне удалось побывать.

Толпа позади меня корчилась от боли и отступала назад. Парни в брониках выбежали из кузова, половина уткнулась стволами и прижала к стенам ультрасов, половина — подбежала к нам, помогла подняться, увела назад. Позади девушки звука не было слышно.

— Скорую! — крикнул спецназовец в рацию.

Приятеля Сид, кажется, по фамилии Тарагупта, уже осматривал дежурный медик. Вечер оказался таким суматошным, что пронёсся достаточно быстро. Нас с Сидом отвезли в ближайший травмпункт, мало чем отличавшийся от всех подобных. ВИП-отделение для дворян и аристократов оказалось закрыто, и меня принимали в обычном, “людском”, то есть для мещан и крепостных. Осмотрели, сделали пару рентгеновских снимков — или какой-то другой аналогичной технологии. Аппарат был удивительно компактный, бесшумный, и врач находился рядом, когда снимали. У меня переломов не оказалось, а вот у Сиды диагностировали трещину в ребре, пару серьёзных ушибов, травму колена и растяжение лодыжки.

— Легко отделались, — резюмировал Сид, когда мы ехали на такси домой к тётушке. — Спасибо, что пытался спасти меня, барь.

— Ты тоже пытался. И тебе спасибо.

— Знаешь... Я понял, что произошло. Читал о таком в книжках. Ты инопланетянин, да?

— В каком смысле?

Он прищурился и посмотрел на меня, перейдя на полущёпот.

— Вовсе это не амнезия. В Эльдара Матвеевича кто-то вселился. Там, в этом зале в университете. Я помню хорошо барина—фаната мультипликации. А ты совсем другой. Ну вообще нихрена не похож!

— С чего ты взял. Ты бред какой-то несёшь. У тебя же вроде бы сотрясения нет?

Я рассмеялся. Прозвучало убедительно, но не подействовало.

— Не бред. При амнезии человек вряд ли приобретает навыки меткой стрельбы. И так сильно характер меняет. В общем, можешь не признаваться, барь. Кем бы ты ни был и какие бы цели не преследовал — ты нормаль. Мне нравится.

— Ну, спасибо и на том, — усмехнулся я.

Некоторое время ехали молча, затем Сид спросил:

— Как зовут-то хоть? Настоящее имя.

— Имя моё — Эльдар Матвеевич Циммер. Родители — Валентина Альбертовна и Матвей Генрихович. Шестнадцатого октября девяносто первого родился. В... Подольске.

Сид кивнул.

— Всё сходится... Кроме даты. Ты второго октября родился. Видимо, спутались даты, когда вселялся? Календари разные, что ли...

Наш диалог прервал водитель, спросив:

— С какой стороны заезжать? Там ворота откроют?

— Откроют, откроют, слева поверни, — сказал Сид. — Не плати, барь, я сам заплачу, если не сложно, помощи с сумками.

Попрощался с Сидом, дошёл до кровати, услужливо расстеленной Ленкой. В первую ночь в новом мире я уснул быстро. В обрывках снов я видел битву в переулке и свою последнюю схватку в полуразрушенном здании, где подкрававшиеся спецназовцы Западно-Сибирской Хунты накрыли наш диверсионный отряд. Снились вражеский ствол у виска, холод гильотины у горла и звон разбитой бутылки. Две битвы и две смерти в один день — более чем достаточно, чтобы спать крепко. Но ничего, теперь я жив, и этот мир, в любом

случае, выглядит куда безопаснее предыдущего.

Встал рано и до пробуждения домашних принялся готовиться к вылету в Москву. Предстояло ещё подготовить вещи и многое узнать.

Тётушка вышла пить чай, когда в квартиру уже завалился Сид: хромающий, перевязанный, весь в пластырях. Спросил разрешения сесть за общий стол, тётка хмыкнула:

— Я тебе когда-нибудь запрещала? — а затем, бросив взгляд на его лицо, спросила. — Это где вас так вчера? Неужели англичашки? По радио говорили, что на улицах драка была.

— Они самые, — кивнул Сид. — Кто-то остервенение учинил, лезли, как зомби из фильмов. Эльдар Матвейч даже шмальнул в одного — без толку. Сирены только помогли.

— Шмальнул? — насторожилась тётюшка.

— В ногу. Жандарм рядом стоял, ничего не сказал.

Я добавил:

— А перед сообщил, что дали распоряжение «не стрелять». Видимо — какие-то игры подковерные.

— Демидовы, наверное, — кивнула Мариэтта Генриховна. — Они ж в последние годы все оружейные заводы на севере под себя подмяли. А с Англией у нас переговоры о границах в Зеленогорье и в Африке, вот и хотят подогреть ситуацию, чтобы государство побольше у них заказало.

Я решил узнать подробнее.

— Тётя, ты, напомни, за границей где была?

— Да я ж невыездная долго была, только в колониях и союзных. Ну... на Аляске, она тогда наша была, на Филиппинах. Которых в Петрины переименовали. Ещё до того, как они о независимости объявили. А, ну, в Греции десять лет назад, в Сербии. А сейчас обросла народом — всё-таки, пятнадцать душ уже, куда я уеду. Своих детей нет, так эти охламоны вместо... У Ленки вон двоюродная на сносях — опять подарок барский готовить.

А дальше началось то, по чему я в какой-то мере даже соскучился: легендарные «разговоры на кухне», которые встречались мне во всех возможных мирах, при любом возможном политическом и социальном строе. Тётушка немного рассказала про своих крепостных: почти все проживали в Верх-Исетске, только одна семья на окраинах. Про то, что всем старалась дать образование и помочь с жилплощадью.

— Сейчас вашему брату, Исидор, хорошо — тебе и семья помогает, и баре, и Дворянский дом, и государство, и у картелей программы социальные. Пенсия на пять лет раньше нашей. Отработка всего два часа в сутки.

«Исидор» — с небольшим удивлением я отметил, что совсем не предполагал такое полное имя у своего камердинера. Он же немного неуверенно вступил в дискуссию:

— Десятина... Смена жилья при переезде барина.

— Повозмущайся мне! — тётка впервые, похоже, подняла голос. — Ты знаешь, сколько я налогов плачу? У меня у некоторых мещан знакомых дом богаче устроен, чем у меня. Льготные продукты малоимущим.

— Наказания суровей... Ну, и как некоторые баре зверствуют, тоже знаете.

— Знаю, — поморщилась тётюшка. — Ну, мы же не Демидовы какие-нибудь. Не Козицкие. И твоя хозяйка, Валентина Альбертовна — тоже.

— И я это очень ценю, — Сид в характерном жесте приложил руку к груди, но тут же поморщился от боли в ребре. — Болит, зараза!

Тётушка посмотрела на эту картину с сожалением, потом полезла в телефон.

— Вася? Свободный? У тебя же на этой неделе вообще часов отработки не было? Свободен? Задача есть. Тут у меня племян, а у него комардин раненый, да ещё машина в ремонте. В аэропорт доставишь?

Кивнула и продолжила:

— Ну, собирайтесь. Васька поможет.

Вещи мои уже были собраны, поэтому затягивать не стали. Васька, живущий на первом этаже, оказался коренастым и слегка лысым мужичком лет сорока, улыбчивым, но приветствовал сухо. В дороге разговорились: выяснилось, что он управляющий магазинчика электронных девайсов, записанного на тётушку.

— В этом году слабые продажи, цены на конвейерную электронику поднялись, кризис поставок редкоземельных. А камнерезы нарасхват, все на военку выходят. Да и стоят аппараты вроде «Циммера» — впятеро дороже обычных. Вот вы отучитесь... Как у вас, Эльдар Матвейч, с учёбой-то?

Сказал он и осёкся, видимо, понял, почему мы едем в аэропорт, и что сморозил глупость. Но тут же исправился.

— Ну и ладно. Осенью в московских или питерских вузах попробуете. Там, конечно, и конкурс выше, и учат хуже, зато ближе к дому. Вы по стопам отца не думали идти?

— В каком смысле? — осторожно спросил я.

— Ну... он же у вас, насколько знаю, кризисный менеджер в ПУГК? Или сменил уже работу?

— Поволжско-Уральский Газовый Картель, да, — выручил меня Сид. — Где находится Матвей Генрихович — неизвестно. Где-то в колониях, судя по всему.

— Общается только письмами пару раз в году, — добавил я.

Надо будет почитать биографию отца. Наверняка что-то есть в открытых источниках, подумалось мне. Пока ехал, соображал, что скажу матери по прилёту: следовало одновременно и объяснить, почему многого не знаю и не понимаю, и показать себя адекватным, чтобы не спихнули в какое-нибудь закрытое лечебное заведение. Хотя я знал, что психушка — не конец. Переселение сознания — это всегда немного безумие. За несколько сотен жизней мне случалось побывать и в них, и в тюрьмах, и даже в пыточных у безумных учёных. Но если есть возможность избежать, то я бы предпочёл ею воспользоваться.

Снаружи было прохладно: в районе плюс десяти, и я первый раз увидел работающую печку в салоне авто. Всё же, несмотря на глобальное потепление, это был февраль на Урале. Вокруг возвышались леса: в основном, лиственные и в основном с голыми ветвями, но на многих уже виднелись зелёные почки, а лесная подстилка и кустарники и вовсе, похоже, не расставались с листьями на зиму. Вскоре широкая трасса от города закончилась, и показался «Арамиль» — местный аэропорт. Мы свернули на парковку для «ВИПов», для чего пришлось предъявить паспорт, Василий взял сумки и повёл к вестибюлю.

Огромное здание было стилизовано под кирпичную горнозаводскую архитектуру, а внутри, как это обычно бывает, разделялось на несколько зон. Тут же подбежало четверо — трое парней и весьма симпатичная девушка. Никаких особых процедур досмотра не было. Вежливо спросили про оружие и наклеили пломбу на дуло, выдали распечатанные с переносного принтера билеты, а затем принялись регистрировать багаж. Василий передал наши сумки носильщику, распрощался, и нас отправили в зал для почётных гостей.

— Камердинерам тоже можно, — пояснил Сид. — До одного человека на рейс.

Зал оказался похожим на приличный ресторан: со столиками, к которым тут же поднесли какие-то маленькие закуски и воду в пластиковой бутылке. До вылета оставалось ещё около часа, и я решил продолжить разговор, начатый на кухне.

— Слушай, только сейчас сообразил. А ты у меня единственный крепостной, или есть ещё?

Сид усмехнулся.

— Не единственный, но первый. С четырнадцати. На восемнадцатилетие тебе папаша ещё пятерых отписал. Правда, одного из деревни ты проиграл в стрелялках. И что-то говорил про то, что проиграл ещё одну... эту, Ануку, девочку-эскимоску.

— Кому проиграл? — насторожился я.

— Понятно кому — однокурсникам своим. Бывшим уже теперь. Спасибо, что меня хоть не заложили.

Снова нахлынули флеш-бэки. Экран компьютера, то есть — рихнера. Какая-то примитивная стрелялка от первого лица, с мультяшными мифологическими существами или вроде того. Довольная морда Игоря Антуанеску, спросившего: «Ну, кого отдашь?»

И, как я вспомнил, я не отдал никого. Судя по всему, потому и случилась вся дальнейшая травля и побои — мой предшественник проявил неожиданную твёрдость характера и отказался отдавать — точнее, продавать ниже рыночной цены своих крепостных.

Рука инстинктивно потянулась к мобильнику. Сид подсказал:

— Да, там в кошельке должна быть кнопка «Свой Двор». Пару лет назад глобальную общественную сеть сделали. Правда, нормально работает только в столицах.

Не без труда нашёл запрятанную кнопку. Спустя пару секунд открылось окно следующего содержания:

«Помещик: Циммер Эльдар Матвеевич. Статус: Мельчайший (неимущий). Число душ: пятеро. Общая рыночная стоимость душ — 18640 р. Список:

— Макшеин Исидор Васильев, рейтинг — 4,89, 22 г., г. Москва, русский, среднее обр.

— Сергеева Зинаида Сергеева, рейтинг — 3,27, 72 г., г. Москва, русская, среднее проф. обр. (пенс.)

— Анканатун Анука, рейтинг — 0, 14 л., Зеленогорский край, Тунумиитская обл., Кристаллогорский уезд, эскимос, без обр.

— Анканатун Киргина, рейтинг — 4,2, 46 л., Зеленогорский край, Тунумиитская обл., Кристаллогорский уезд, общ. Нануй, эскимос, без обр.

— Берtrand Эрнест Рамосов, рейтинг — 4,1, 62 г., Петриноостровский край, Лузонская обл., Лусенский уезд, г. Лусена, тагал, высшее обр. (пенс.)»

Ниже — «Биржа вашего Дворянского дома (Московский): недоступно. Нет связи. Запросить выписку?»

Нажал на первую ссылку и провалился в досье Сида. Там была куча характеристик — холост, группа крови, заболевания, непонятный, но показавшийся знакомым параметр «сенситивность» — 0,02%, большая кнопка, а также полученный доход за месяц и за всё время. Стояла и весьма сомнительная графа «Рыночная стоимость — 8056 р.». Ниже был ещё ряд кнопок. «Заполнить табель», «Вознаградить», «Пожаловаться», «Выписать вольную»

(выкуп)».

— Неимуший, значит, — хмыкнул я. — Звучит не очень.

— Значит, что меньше десяти. Как и у девяти из десяти у твоего сословия. На четыре миллиона дворян — сто двадцать миллионов крепостных, примерно один к тридцати. У кого-то пять, но у кого-то — сотни тысяч.

— Кто они? — спросил я Сиды, указав на список в мобильнике.

— Сергеева — учительница по французскому твоего отца, да и тебя в детстве учила. Хорошая женщина, на пенсии, живёт в Бирюлёво. Умная, но слегка... выпивает, прямо скажу. Сына похоронила. Но иногда репетитурствует, в прошлом году какие-то копейки десятины перечисляла. Она на пенсии, так что уже формально вольная, если ты об этом, просто осталась закреплена.

— А эти, из Зеленогорья и Филиппин. Что ж так раскидало?

— Дед твой по отцу Генрих Кристофорович в награду от Императора за военные подвиги получил четыре владения: в Подольске, куда мы и мчим, на Чукотке одну деревню, в Зеленогорском крае, на севере самом, где тундра и на острове Лузон, Петринские острова, они же Филиппины. От чукотского имения он при жизни ещё избавился, чтобы детям на обучение хватило. На Филиппинах ещё твой батюшка хозяйничал, там небольшая рамбутановая плантация была, но потом местный Дворянский Дом всё выкупил. Сейчас в крепостных остались только управляющие — вот тебе одного пенсионера и приписал, бывший бухгалтер, сейчас математику в школе преподаёт.

— То есть работающий? А почему тогда десятины ноль за год?

— Ха, не, барин, ты точно.. не с нашей планеты, — Сид достаточно громко поставил стакан из-под фруктового нектара на стол. — Потому что это Петрины. У них после бунтов в девятые льготы у крепостных, все налоги идут в губернскую казну на эти... инфраструктурные проекты. Иногда только при сверхприбылях Дома перечисляют дивиденды, ну, как с акциями, копейки. К тому же этому мужику уже за шестьдесят, там и в наших губерниях льготы полагаются.

— Хорошо, допустим. А Зеленогорье. Ты сказал — тундра?

— О, да. Эти двое мамонтоводы.

Сид прищурился, словно проверял и собирался насладиться моей реакцией.

— Мамонто... что?! Мамонтоводы? Они же вымерли?

— Ага. В шестнадцатом веке ещё, считалось, что вымерли окончательно в Зеленогорье. Но в 1940-ых нашли на острове Врубеля последнюю популяцию, двадцать штук. Сейчас расплодился, уже около сотни фермерств, в основном инуитам отданных. Одним из них владеет ваш батюшка, всего человек пятнадцать там. Вот, двух, мать и девушку, приписал к тебе на восемнадцатилетие.

— Понял. Круто, конечно. Но почему именно их?

— А ты загляни в профили. У девочки сенситивность выше средней среди наших дворян чуть ли не втрое. У северных народностей очень распространена такая аномалия. Как и у японцев, как и у антарктических. Эту девочку бы по-хорошему вывезти да обучить на сенситива... О, смотри!

Сид понизил голос и указал куда-то в толпу. Там я увидел роскошную женщину лет сорока в коктейльном платье без бретелек, с пышной, буквально готовой выскочить из декольте грудью. Признаться, грудь была первым, что я заметил, но после взгляд упал на небольшое, меньше кошки существо, сидящее на плече. Сперва я принял его за странного

попугая, но секунду спустя холодок пробежал у меня по спине.

Я разглядел четыре когтистые лапки и тонкие перистые крылья затейливой расцветки. Морда напоминала одновременно и птичью и звериную. Когда женщина поровнялась с нашим столиком, животное в упор посмотрело на меня, приподняло крылья и выдало громкую, затейливую трель, похожую на голос мармозеток.

— Грифон, — подтвердил мою догадку Сид. — Новозеландский карликовый, если не путаю. Очень редкий, в Австралии, вроде бы, такие не водятся.

Мамонты... Грифоны. Я надеялся, что мир окажется несколько проще и понятней. Но ждать этого, похоже не приходилось.

Остаток времени я провёл, читая переписку бывшего хозяина моего тела. Обнаружилось письмо от управляющего моего деда по матери, Альберта Эльдаровича. Там говорилось о передаче в подарок некоего Ивана Абрамова — молодого сельского фельдшера где-то из-под Казани. Спросил про него у камердинера, тот ответил:

— Вот, его-то ты, барь, своему однокуру и проиграл. Тебе дед его на восемнадцать лет от сердца оторвал, отписал в подарок. А ты его в «Охоту на динозавров» проиграл. Через пару месяцев после получения. Не видел лично, но крепостной дорогой был, стоил шесть шестьсот с копейками. Этот твой приятель его потом работать в какую-то лабораторию секретную пристроил.

— Да уж. Приятель.

Мысленно пожурил своего реципиента за расточительство и продолжил разгребать переписку. Нашёл старые письма и от той старушки-крепостной, Зинаиды Сергеевой. Писала учтиво и на «вы», каюсь в маленьких отчислениях, на что Эльдар Циммер отвечал, что ничего страшного, и вообще, мол, потерпите ещё пару лет и отпущу с вольной и дополнительной пенсией от Дворянского Дома. Пришлось мысленно поставить галочку в задании — накопить денег для старушки. Пусть поживёт перед кончиной мира несколько лет как свободный человек.

Переписка с Берtrandом Эрнестом состояла из одного письма, написанным на жутком русском языке. То ли знания имперского наречия у пожилого филиппинца были не очень, то ли письмо прошло через какой-то очень плохой автопереводчик. Про мать и дочь Анаканатун было только несколько скучных писем из Зеленогорского Дворянского Дома — про порядок начислений и про изменения в профиле — измерении чувствительности со сложной медицинской картой и изменении рыночной стоимости. У Ануки оказалось 6,7 процента.

От «рыночной стоимости» и других крепостных пережитков до сих пор меня немного передёргивало. Во всех прожитых жизнях подобные виды государственного устройства я встречал всего пару раз, и то, в каких-то очень отсталых или постапокалиптических обществах.

Но чтобы торговля крепостными велась через мобильное приложение? Чтобы судьбы людей разыгрывались в дуэлях в компьютерные стрелялки? Здесь всё, с одной стороны, напоминало утопию, а с другой, что-то такое жуткое и неестественное для человеческой природы. Если бы я не знал про существование магии, то подумал, что Верховный Секатор призвал меня для уничтожения мира именно по этой причине.

Ничего, придёт ещё мой час. Для начала надо прожить здесь несколько лет или десятилетий и я найду истинную ахиллесову пяту этой реальности.

После я нашёл ещё в переписке парочку интересных цепочек писем: с девушками из

женского факультета, который тоже был в Камнерезном Университете, только в другом здании, но решил оставить их на потом, на сладкое.

Время вылета приближалось, и я, перекинувшись ещё парой фраз с Сидом, решил посетить «кабинет задумчивости», как называл его давно мой приятель.

Наверное, можно догадаться, зачем я упомянул этот эпизод. В туалете со мной произошла первая моя встреча с врагом.

Это был Игорь Антуанеску с крепким мужичком-азиатом лет тридцати. Оба в чёрных сюртуках, словно только что вышли из того актовго зала, где я реинкарнировался. Я заметил их пару краем глаза, когда заходил в кабинку и было уже поздно пытаться убежать. Собственно, я и не планировал убегать. Но для начала, всё же, воспользовался удобствами.

— Ну что, вот мы и встретились, бамбино, — тихо сказал Игорь, подойдя вплотную к тонкой деревянной дверке. — Цим-циммер, да? Что, снова спрятался, как и в тот раз? Снова бить тебя, да? Думаешь, убежишь в Москву свою?

Тот раз... Простая фраза оказалась такой хлёткой и обидной, что отмирающий разум моего предшественника снова выдал череду болезненных кадров. Мраморный пол туалета — только другого, в универе. Зеркала, писсуары. Запахи. Четвёрка парней и стоящий в дверях Игорь. «Не бейте по лицу, иначе скажут, что это я». Чьи-то руки на шивороте, приближающееся очко унитаза...

Игорь не унимался.

— Про Общество что-то новое узнал, а? Расскажешь? Ты хороший рассказчик.

Я прогнал все эти флешбэки. Промолчал, у меня не было привычки говорить через туалетную дверь. В ответ в косяк моей кабинки врезался кулак, едва не сорвавший щеколду.

— Эй? Ты что, охренел молчать, когда с тобой Антуанеску разговаривает? Ты, падаль немецкая. Ты же понимаешь, что рано или поздно тебе придётся выходить!

Звякнула застёжка моих брюк. Дверь кабинки распахнулась, срывая с петли защёлку и врезав кому-то прямо по переносице. Это оказался сопровождающий Игоря. Он схватился за нос, а я развернулся сзади, дёрнул за ворот сюртука, поставил подножку и уложил на пол. На этом мои силы почти иссякли — умения ещё оставались в памяти, но организм не был готов к таким внезапностям. Но Игорь на миг растерялся: видно было по глазам, что не ожидал такого. Испуг изменил его лицо с физиономии богемного бандюгана-тусовщика на лицо обычного смазливового мальчика-мажора. Мордovorот уже поднимался, но я, не разворачиваясь, врезал ему каблуком ботинком прямо в переносицу и пошёл прямо на Игоря.

— Тебя лишит передних зубов или пальца? — спросил я. — Могу и глаза, но больно уж они у тебя красивые.

— Ах ты!... Да как? — Игорь сделал шаг назад, затем другой, но остановился и истерично полез в карман. — Ладно, если не хочешь, придётся потратить...

В руке у него лежал короткий, меньше ладони шириной каменный кинжал с врезанными в грань лезвия прозрачными кристаллами.

Резкая, отрывистая песня, похожая на скандинавский металл, полилась у него из горла, и я почувствовал, что все мои мышцы деревенеют, слова застревают в горле, становится тяжело дышать, а глазные яблоки тяжелеют, словно под веки залили свинца.

Когда напев закончился, Игорь продолжил:

— Ты сделаешь то, что я прошу. Достанешь из кармана мобильный... В «Своем дворе» Анканатун Анука, я навёл справки — она действительно стоит шесть кусков, и продашь мне её... За тысячу...

С трудом скосив глаза, я с ужасом обнаружил, что мой палец уже шарится по экрану мобильного, нажимая кнопки и запуская процедуру продажи. Вторую руку твёрдо держал на поясе поднявшийся мордоворот Игоря. Дверь одной из кабинок открылась, мимо нас просочился пожилой джентльмен, распахнувший дверь в коридор и тут же закричавший: «Охрана, позовите охрану, там...». На Игоря это не подействовало — в его второй руке уже лежал его белоснежный полупрозрачный телефон, на котором горела большая зелёная кнопка с надписью «Ожидание покупки...»

Дверь в туалет открылась, вместо модры охранника в проёме показалось лицо Сиды.

— Барь, ну что вы так дол... — он не договорил, всё понял сразу и тут же начал действовать.

Рука моего крепостного просто схватила Игоря за воротник и дёрнула назад — прямо к стене. Кристальный кинжал потерял равновесие и едва не выпал из ладони. Мои мышцы всё ещё были закаменевшие, но мне хватило, чтобы с невероятным усилием надавить на кнопку «Отмена» на экране своего «Циммер 30ба». Причём нажать так сильно, что на нём возникла сетка трещин, а картинка исчезла. Мордоворот ослабил хватку, развернул меня, направляясь к Сиду, но он не учёл, что мои силы уже возвращались. Разворот локтя, и я освободился от захвата. Ладонь ударила в шею, заставив охранника сложиться вдвое. Игорь спешно прятал в карман кинжал, а другой, всё ещё удерживая телефон, пытался достать из кобуры пистолет.

— Бежим! — скомандовал Сид. — Посадка закроется через пять минут!

И я побежал — из последних сил, оставшихся после стычки. В зале нас ждал носильщик с высокой этажеркой — тележкой, в которую были уложены наши сумки.

— Спасибо, мы сами! — рывкнул Сид охраннику и добавил мне. — Прыгай!

Я запрыгнул на край тележки, как на странные собачьи сани, а Сид, схватившись за поручни, резво побежал по стрелкам в зале. Свистели охранники, слышались окрики Игоря «Стой!», но уже через минуту мы домчались до выхода на посадку, где предъявили билеты, а тележку перехватил носильщик, который работал на летном поле.

— А куда багаж сдавать? — спохватился я.

— В смысле сдавать? В багажное отделение под местами.

Значит, не изобрели багажные отсеки, подумалось мне. Мы вырулили на лётное поле, слились с толпой и сбавили темп. И тут я увидел самолеты — огромные, двухпалубные, вооруженные четырьмя огромными турбовинтовыми двигателями. Турбореактивных я здесь не заметил, из чего сделал грустный вывод, что здесь их также не изобрели — либо просто не используют в Российской Империи. Что ж, придётся летать чуть медленнее. Самолетов стояло немного, всего около десятка, зато вот вертолетов... их я насчитал не меньше сотни. От небольших трёхместных до огромных четырёхвинтовых, по размеру достигающих среднего самолета. И все это жило, гудело и шумело. Транспорты непрерывно поднимались и опускались, между рядов курсировали заправщики и пассажирские шаттлы.

Нам же далеко идти не пришлось: гигант возвышался припаркованный прямо у выхода. Вокруг разлилась разношерстная толпа, воронками всасывающаяся в три входа самолёта. Тележка ловко подцепилась к поручню самого высокого трапа и поехала наверх, к верхней палубе, где ее подхватил крепкий бортпроводник, совмещавший в себе должность грузчика.

— Оторвались? — спросил запыхавшийся Сид, когда мы встали в небольшую очередь до трапа. — Ох, как плечо болит. Еще после той драки. Я ж ничего не нарушил, а? Я его даже не ударил.

— Откуда я знаю? У меня по юриспруденции тройбан.

— Что такое «тройбан»? А-а, тройка... Барь, — он снова перешел на шепот. — Ты с какой планеты? С альфа-центавры-бэ? Я смотрел кино!

— С земли я, Сид, с Земли. Успокойся. И из России. И зовут меня Эльдар Циммер. И родителей моих также звали... зовут.

Я сам не понял — специально проговорился или случайно. Сид округлил глаза.

— «Потусторонний чиновник!». Что, реально?!

— Ты про что?

— Да роман такой был. У Рыбаченко. И фильм потом вроде бы снимали, с Владом Эммом в главной роли. Про переселение душ из двойников.

В ответ я промолчали это молчание, похоже, всё сказало за меня. Мне стало ощутимо легче, когда я признался. Разумеется, раскрывать всю правду про мою истинную цель я и не думал. Решение признаться местным в своем истинном происхождении — одно из самых сложных в работе Секатора, но легкость, с которым я его принял, говорила о правильности выбора. Задачу мне облегчило то, что в мире оказались развиты философия и фантастическое искусство, и объяснять подробности реального устройства мультивселенной не пришлось.

— Не, все сходится, — сказал Сид. — Поэтому и языками так хорошо владеешь и отдельные факты помнишь. И драться вдруг научился!

— Тише, прошу.

На миг он остановился, спросил строго:

— Получается, разум предыдущего Эльдара Матвеевича — убит?

— Не убит, спит, — ответил я. — Видит сны и периодически общается со мной.

По сути, это было недалеко от правды — все оставшиеся нейронные связи предыдущей личности погружались в состояние, близкое ко сну.

— Хорошо, а то, знаешь, нравственная дилемма. А какой он, твой мир? Расскажешь? Тебе сколько лет?

— Ну, предположим, что немного больше, чем тебе.

— Лет сорок, наверное? — предположил Сид. — По характеру сороколетний... Сороколетние. Может, на «вы», всё же, стоит, барин?

— Перестань, блин, раздражаешь! Решили же, что на «ты». Мне очень многое непривычно, и сословное деление — в том числе. Но только не думай, что я тебе завтра же купчую выпишу или как там это называется.

Сид замотал головой.

— И не подумаю, барь, я тебя ближайшие годы бросать и не думал. Да и невыгодно мне: доучиться надо. Крепостным льготы при образовании. Разве что только после женитьбы, если получится... Но это не в ближайшие годы.

— Так ни разу и не спросил, кто она?

— Ох... Мещанка, барь. В группе вокалистка. Ты её видел. Не помнишь просто.

Очередь поджимала, и симпатичная стюардесса протянула руку, чтобы проверить билеты.

— Сопровождающие из бюджетного класса — пожалуйста, пройдите вниз по лестнице.

Пришло время нам разделиться по разные салоны, и Сид кивнул:

— Позже! После взлёта подходи к буфету, Эль Матвеич.

Эль. Подобное сокращение мне нравилось, хотя допускали его только достаточно близкие люди. Могло быть так, что Сид стал для моего реципиента чем-то вроде старшего брата, которого у меня никогда не было?

«Дворянский» класс самолёта, конечно, впечатлял. Роскошные сиденья, способные превращаться в приличную раскладушку, рядом цифровой экран, подушки, наушники, вода и упакованные в тарталетках закуски. Только я успел расположиться и распахать вещи с тележки по люкам в полу, как мой телефон с разбитым экраном завибрировал и зазвонил всё той же весёлой мелодией. Кто звонил — видно не было.

— Алло? — принял я звонок.

— Почему на письмо не ответил? Отчислили, получается? Узнал от Мариэтты.

На секунду я опешил, услышав этот голос. Но я мог узнать его из тысячи. Связь была плохой, на фоне слышалось не то чьё-то пение, не то крики животных.

— Папа! Привет. Ты где?

— Отвечай на мой вопрос сначала. Отчислили? За драки, серьёзно? Ты — и драки?

— Скорее, за избиение. Они вымогали у меня крепостную, девочку, я не дался. Потом сами и донесли. Циммеры — изгой, что в Москве, что в Верх-Исетске, отец. Я очень рад тебя слышать, серьёзно.

После некоторой паузы отец ответил чуть более ровным тоном:

— У тебя интонация странная. Ты там чего? Выпил что-то? Изгой, пусть. Знаю, сам проходил. Разве это проблема? Два года обучения, сорок тысяч почти — коту под хвост! И главное, что я говорил — вырасти мужчиной. То, что ты сказал — звучит достойно, но я пока всё равно не вижу тебя мужиком. Ты ещё ребёнок.

— Работаю над этим, — сухо ответил я.

Сказать в ответ я мог бы очень многое — но было не время и не место.

— В общем, по делу. Звонки отсюда космических денег стоят. Спутники, ментасвязь, все дела. Деньги за остаток семестра должны вернуть?

— Должны, — предположил я.

— Там в районе четырёх тысяч. Они будут перечислены на мой счёт, поскольку я платил. Я тебе их переведу только в случае, если ты в течение двух недель найдёшь работу. И не какую-нибудь творческую! Нормальную, скучную, достойную юноши твоего ранга. Помни, в приличное... Общество без хорошего послужного списка не возьмут. И не разбазаришь накопления и крепостных. Понял?

Снова «Общество». Оно было произнесено в полголоса и с паузой, как будто произносилось не то в кавычках, не то с заглавной буквы. И, судя по всему, уже приватные разговоры с отцом про Общество уже были. Что это за общество такое? Тайный клан? Тайная масонская ложа?

— Что за общество, отец?

— Это ты правильно. Нет никакого Общества. В общем, сначала работа — тогда подумаем на тему недвижимости и покупки ещё нескольких крепостных.

— Понял. Отец, тут у меня телефон разбился, ничего набрать не могу, как тебя найти?

— Не говори глупостей. Сам напишу. Через две недели. Матери привет, если хочешь. Можешь не передавать.

В трубке послышались гудки. Как и в случае со звонком матери, некоторое время я сидел ошеломленный, отгоняя воспоминания из прошлой жизни. Самолет тем временем медленно двинулся на лётное поле, а в динамиках заговорил пилот, точнее, «капитан самолёта». Вполне стандартное для многих миров сообщение о продолжительности полёта, ремнях, инструктаже по безопасности и прочем. Лететь предстояло три с половиной часа — сильно дольше, чем в более совершенных аппаратах. Взлетели неожиданно мягко и бесшумно, после ряда разворотов разрешили отстегнуть ремни и я решил направиться к буфету, где обещался встретиться с Сидом. Правда, сначала ко мне подскочила худенькая стюардесса с синими волосами, затороторившая:

— Ваше благородие. Напитки, деликатесы, фильмотеку, массажный набор, средства гигиены?

— Спасибо, где буфет, подскажи?

На лице промелькнуло что-то игривое — то ли ей понравилась лёгкая наглость, что я так спокойно перешел на «ты», то ли в моем облике увидела соратника по увлечению японской анимацией. Нет, решил я, с причёской очевидно что-то стоит сделать.

— Задняя лестница на первый уровень.

Сид уже ждал в буфете, вооружённый каким-то коктейлем. За колоннами виднелся эконом-класс. Оказалось, что сидения там идут аж в два яруса, наподобие плацкартных полок в поезде, а вещи беспорядочно разбросаны по полу и пристёгнуты специальными сетками. Народ активно перемещался, беседовал друг с другом, ревели дети, где-то из хвоста самолёта сквозь шум моторов доносился лай пса. Бортпроводники ходили между рядами и приструнили особо активных.

— Что вам, сударь? — обратился ко мне бармен. — Кофе, газированные, слабоалкогольные?

— Пожалуй, чай, будьте добры, — сказал я и развернулся.

— Как тебе? — Сид махнул на всё это разнообразие.

— Впечатляет. Привык немного... к другому.

— На чём вы летаете? На пассажирских дисколётах? На дирижаблях?

— Дисколёты... слышал пару раз, но живьём не видел. Всё то же: самолёты, вертолёты, дирижабли. Но всё немного другое.

О некоторых более изощрённых изобретениях из приконченных мной миров, вроде сверхтяжёлых ядерных ракетопланах-авианосцах я решил умолчать. Пока я так и не разобрался, знает ли местная цивилизация про ядерное оружие и мирный атом.

— А вертолёты — это что такое? — не понял Сид.

— В смысле? Их в аэропорту сотни стояли.

— А. Геликоптеры. А это... ты же, барь, какие-то языки ещё знаешь? На чём у вас там говорят?

— Ну, Английский. Немного немецкого. Немного французского. Немного китайского. Турецкий и испанский учил, но почти не помню.

— Турецкий-то зачем... Разве есть китайский?

— Ну... Китай. Пекин. Шанхай. Чайные церемонии.

— Я понимаю. Маньчжурия? Цин? Они все протектораты или провинции Японии. На

японском разговаривают уже давно. А у вас, получается, со странами совсем всё не так?

Наш разговор был нагло прерван достаточно грубым тычком в плечо.

— Циммер? Реально? Какими судьбами?

Я обернулся. Позади стояла девушка небольшого роста, спортивного телосложения, с чёрными волосами до плеч. Губки бантиком, слегка прокуренный, слишком низкий для её веса голос. И, в дополнение образа — обтягивающее короткое черное платье с нагло торчащей белой лямкой бюстгалтера, несомненно, увеличивающего весьма скромный размер груди. Судя по выражению лица она явно знала меня, а я понятия не имел, кто она такая.

— Только не говори, что не узнал, я обижусь и в морду дам.

— Я точно тебя помню, но не узнал. Сочту за честь получить в морду от такой прекрасной дамы.

Девушка хмыкнула.

— А ты стал посмелее. Compliments научился говорить. Мы же с тобой вместе поступали, на одну специальность. Вместе в Москву летели. Ты меня с Рождеством даже поздравил в этом году. Алка Расторгуева я.

— Блин! Ал, прости, правда, не признал. Ты немного изменилась — в лучшую сторону, конечно. А что летишь?

Алка махнула бармену, приказала:

— Сангрии пятьдесят дай. Сам-то как думаешь? Нераскрытие поставили. У меня же, не при крепостных буде сказано, полтора процента всего. И не повышается.

— У меня две сотых, — пробубнил Сид, развернувшись к барной стойке вполоборота.

Видимо, Сид надеялся, что услышу только я, но слух у моей знакомой был чуткий. Алка вызывающе разглядывала Сиду несколько секунд и вынесла вердикт:

— У тебя комардин шикарный мужчина, я бы, будь кухаркой, с ним сразу на сеновал бы пошла. Но больно разговорчивый. Пушай помолчит, пока мы тут языки чешем.

— То есть, только из-за этого? Из-за нераскрытия?

— А разве недостаточно? Смысл учиться, если за полтора года первый навык даже не намечается? Тогда как у некоторых из курса уже второй вовсю. Даже у двух крепостных, которые по стипендии губернской. Очень талантливые девочки, их кто-то очень мощный нагулял. А я...

— Ещё всё впереди, брось.

Она залпом осушила фужерчик, вставленный официантом в специальный ребристый паз на стойке. Затем предложила.

— Заплати давай за меня. Я же вижу, ты дворянским летишь. А я между старушкой-немкой и гаитянской. Не думала, что ты такой богатый.

— Да уж, богатый. Шиканул напоследок. Ещё вот — телефон разбил. Случился инцидент один... в аэропорту. Сид, поможешь?

Мой комардин тут же понял намек и завозился, доставая свой раскрашенный телефон.

— Сударыня, разрешите мне.

После оплаты мы присели поговорить в холл, где находились специальные «общие места», не особо удобные, но позволяющие пообщаться сидящим. Сид тем временем расположился на одном из первых рядов эконома класса, почитывая книжку. Несмотря на звукоизоляцию, здесь всё равно было шумно. Мне пришлось немного наклониться, чтобы слышать лучше, отчего волосы Аллы касались моего плеча. Не скажу, что меня это завело,

хотя запах девушки пробуждал очень приятные ассоциации и ощущения.

Алла оказалась отличным собеседником для такого незнающего иномирца, как я — почти ничего не расспрашивала, но постоянно рассказывала про однокурсников, родню и подруг и даже про политику, оставалось задавать только наводящие вопросы. Из крепостных у неё оказалась одна пожилая гувернантка, которая летела тем же рейсом. Квартиру в Москве сдавала купечеству, мать была вдовой, и крепостных в семье было с полдюжины где-то под Ярославлем в полуразрушенном имении.

— А у меня пятеро, — зачем-то похвастался я.

— Ого, да ты богач! Напомни, у тебя родители чем занимаются?

— Мать — известная в Подольске галеристка. А Матвей Генрихович работает на серьёзные организации и утаивает своё местонахождение, — продолжил я.

— Вот как!

Дальше у Аллы случилось перемирование косточек родственникам, крепостным, наставнику, преподавателям и бывшим однокурсницам. Отсюда я почерпнул несколько весьма интересных дисциплин, отозвавшихся в памяти моего предшественника — микрогравитация, пси-индукция, биологические основы сенситивности, алгоритмические основы камнерезания, сенситивная аэродинамика, прикладное рудословие и так далее. Интересно, помнят ли руки что-либо из перечисленного?

Признаться, я даже немного устал от потока информации. Главным образом потому что мне приходилось вычерпывать из неё по крупицам то, что может пригодиться в повседневной жизни. Поэтому я даже был рад, когда она спустя полчаса с лишним отошла «припудрить носик». Скоро капитан воздушного судна объявил, что приближается грозовой фронт, отчего мне пришлось вернуться в своё место.

Телефон не работал, переключившись в режим полета автоматически после взлета. Оставалось разглядывать старые фото. На тех немногих фотографиях, где был изображен сам Циммер, он выглядел уставшим и растерянным. Похоже, парень сам не знал, как прожить подаренную ему жизнь. С ворохом недетских проблем, нехваткой денег, бросившим семью отцом и тому подобного.

Похоже, он выглядел счастливым только на фотографий с родными. Тихий, несмелый, домашний мальчик. Возможно, виноваты были сословие, избалованность и чрезмерная опека родителей, возможно, наоборот, строгость, а может — и то, и другое. Такого двойника я встречал нечасто — в большинстве миров двойник до моего прихода пережил достаточно жести — нищету, войну, смерть родных. Здесь все было не так. Работать с таким прошлым, таким обществом и таким окружением было сложно и непривычно, знакомые схемы — обманы, вступление в мафиозные и террористические организации, череда убийств по пути к вершине — просто не сработали бы. Поэтому план был: просто строить карьеру в сфере политики и науки, чтобы максимально приблизиться к одному из возможных вариантов уничтожения мира.

А их у меня в арсенале было предостаточно.

Именно с такими мыслями я закончил полёт в аэропорте Видное. Перекинулся взглядами на трапе с Аллой, та жестом показала — «позвони мне», затем погрузился с Сидом в такси и отправился знакомиться со своей матерью и родовым имением.

Машина недолго петляла по подмосковным магистралям, затем проехала мимо центра Подольска и отправилась в элитный микрорайон, закончив свой путь у кирпичных ворот.

— Цифровой ключ у тебя в брелке, — подсказал Сид.

Я нажал, и ворота распахнулись. Я уже видел это длинное двухэтажное здание в стиле модерн на некоторых фотографиях, но живьём оно впечатлило. Панорамные арочные стёкла, витые шпили по углам, два флигеля и вход. На внутренней парковке стояло два автомобиля: фиолетовый, длинный, с позолоченными завитушками и круглыми фарами и квадратный, маленький, двухдверный. Территория была не сильно большой, но там хватило места и для беседки, и для фруктового сада, и для небольшого бассейна, и для ряда из трёх небольших домиков, по-видимому, гостевых, или для прислуги. В саду распускались первые цветы.

К машине резво подбежал пожилой мужчина, имя которого мне Сид уже напомнил по дороге. Это был Фёдор Илларионович, наш дворецкий, знакомый мне с детства. По совместительству дворник, сантехник, садовник и много кто ещё. С короткой, но ухоженной бородкой, наколкой в форме якоря на предплечье.

— Здравствуйте, сударь, добро пожаловать домой, — сказал он с хорошо поставленным московским акцентом и принялся помогать таксисту вытаскивать из багажника сумки. — Отчего же вы не позвонили, я бы встретил в аэропорту, машина свободная, барыня не выезжала в город.

— Фёдор Илларионович! Рад вас видеть. Мать дома, получается?

Дворецкий немного настороженно глянул на меня, видимо, заметив изменение.

— Дома. Ждёт вас к ужину.

Маман сидела в гостиной и принимала высокую молодую женщину в узком коктейльном платье, которая листала ей альбом с работами. От женщины исходила странная, немного чарующая аура, она взмахнула ресницами, коротко и томно посмотрела на меня. В голове прозвенел тихий голосок: «Какой милый сын... я думала, он моложе, а он в самом соку...»

Подобное чувство я испытал тогда, во время аварии, когда мимо прошла девушка, заглянувшая мне в душу. Теперь я знал чуть больше, и понимал, что это не голоса в моей голове, а мощная телепатия, что эта женщина специально транслировала мои мысли в голову. Но всё продлилось лишь доли секунды, дама отвернулась и продолжила диалог с моей родительницей.

Честно говоря, я не ожидал, что в этой реальности моя маман будет столь дородной. Завидев меня, она достаточно холодно кивнула и сделала характерный взмах рукой в сторону комнат — мол, не видишь, я занята. Вокруг длинного стола уже крутилась, расставляя приборы, кухарка. Я вспомнил — Эльвира, тридцать с небольшим лет, с достаточно хорошей, спортивной фигурой, которую мой предшественник наверняка в силу возраста ещё не успел оценить и воспринять. Внешность портило, разве что, только косоглазие и короткая причёска, которая ей совсем не шла.

Сид быстро провёл экскурсию по дому. Первым делом я заглянул на второй этаж, в свою спальню. Все стены были обклеены постерами с анимационными девочками, на шкафах пылились какие-то игрушки, с которыми девятнадцатилетний парень так и не расстался. В душе при взгляде на всё это что-то шевельнулось, но сентиментальничать я

вовсе не собирался.

Сид порылся в пакетах и выудил рихнер, резво прикрутил к проводам экрана и клавиатуре, стоящим на столике.

— Тут гардеробная, дальше игровая.

Игровая комната оказалась не меньше спальни. Огромный телевизор в полстены, столы с какими-то фигурками и солдатиками для сложных настольных игр, стол для бильярда. Похоже, на развлечения сына родители не скупилась.

— Жаль, не доиграли, — сказал Сид, с грустью указав на один из столов. — Ты, барь, меня обыгрывал постоянно. Правила совсем не помнишь?

— Нет. Если надо — разберусь.

Дальше было два пустых кабинета, оставшихся от отца. После развода отец, судя по всему, вывез всё своё имущество. А на первом этаже располагались покои матушки, комнаты для «дворни» и огромный склад, полный картинами из галереи.

Переодевшись во что-то домашнее, показавшееся подходящим, вышел к столу. Мы сидели у одного конца, вся прислуга — дворецкий, кухарка и Сид — у другого.

— Что ты вырядился? — сказала маман. — Ты это шмотьё чёрное никогда не носил. Мало я тебе приличного купила?

— Во-первых, мама, здравствуй, я очень рад тебя видеть. Во-вторых — Мариэтта Генриховна, возможно, уже сказала...

— Да-да, что ты потерял память. Ты в эти игры ещё в четырнадцать лет играл, помню.

— Валентина Альбертовна, он правда... меня еле признал, — подал голос Сид. — Многого не узнаёт, как телефоном пользоваться — показал.

Мать нахмурилась, внимательно посмотрела на меня, пробормотала:

— А говорить вроде бы умеет. Или совсем дураком стал?

— Нет-нет! — замахал руками Сид. — С соображаловкой у Эльдара Матвейча всё отлично.

— Как будто изменился... — кивнула мать и снова нахмурилась. — Бездарь. Столько сил вложено! И процент такой хороший — пять и две десятых. Лень. Только лень тебя погубила. И твои игрушки!

— Я изменился. Безвозвратно. Обещаю, дальше тебе будет проще. Найду работу и съеду.

Мать прожевала очередной кусок пирога и кивнула, пожалуй, первый раз внимательно на меня посмотрев.

— Съехать?! Что-то ты странное говоришь. Куда ты съедешь? Ты даже готовить не умеешь. С памятью что-то надо делать. Есть у меня среди клиентов один специалист. Светозар Михайлович Кастелло. Живёт недалеко, в Воскресенском, я ему сейчас позвоню... Сейчас... — в руке у неё оказался телефон, такой же, как у меня. — Алло, Светозар Михайлович? Не отвлекаю? Циммер Валентина беспокоит, у меня возникла одна проблема... Можете сына посмотреть? Завтра? Нет, в обед он не может — у него собеседование. Ага, договорились, вечером в семь. Спасибо вам большое, Светозар Михайлович! Про оплату свяжемся позже с вами. Хорошего вечера!

— Что за собеседование? — насторожился я.

— Ты же сам нифига не найдёшь без меня, так? Завтра едешь в Подмосковный офис Императорской Курьерской Службы. Отдел особых поручений. И не думай возражать! Подпоручиком могут взять, если не провалишь стажировку.

Терпеть не мог, когда решали за меня, но пока что в силу возраста и положения

выбирать не приходилось. К тому же «императорская служба» звучало как что-то приближённое к правящему двору и вполне могло сойти за удобную траекторию во властные структуры. К тому же, мать, при всей её резкости, явно хотела как лучше. Следом я подумал о гораздо более серьёзной неприятности — лекаре. От одного упоминания этого слова пробежали мурашки по спине. На что мог повлиять лекарь?

По опыту предыдущих жизней — не на что серьёзное разного рода психологи сделать с моей вселённой личностью не могли. Но я все же решил поспорить.

— Я думаю, я обойдусь без лекаря, маман. Память вернется сама.

— Даже не думай. Пусть хотя бы посмотрит, вынесет вердикт. Все, иди, за рихнером до ночи только не сиди.

После ужина Сид подошел и отпросился до обеда, сначала у матушки, потом у меня.

— Страшно тебя такого оставлять, барь. Но ты уж как-нибудь тут осторожнее.

— Разберусь. Не впервой, — сказал я и тут же поправился, чтобы не вызывать лишних вопросов. — В смысле, одному оставаться. Занятие себе найду.

Для начала я распаковал и разложил вещи. Побрился и, отыскав в закромах чёрную краску, разобрался с инструкцией и выкрасил волосы в чёрный цвет. Пока они сохли, включил Рихнер — благо, в качестве пароля был установлен отпечаток пальца, и залез в Московскую Городскую Сеть. Проверил письма и сообщения — ничего срочного не было, кроме, пожалуй, одного.

«Эльдар Матвеевич, вы прибыли? Как перелёт?»

Нинель Кирилловна явно намекала на встречу, и я решил поддаться лёгкому соблазну. Остатки разума реципиента внутри меня тут же впрыснули в кровь целую гамму гормонов: адреналин, кортизол, вызывавший лёгкую панику, и тестостерон, вызывавший вполне логичное возбуждение. Приятное, позабытое чувство. Главное было избрать верную тактику, чтобы и не напугать, и не показаться слабым.

«Да, я дома, Нинель Кирилловна. А вы?»

Ответ пришёл быстро — видимо, она сидела с телефона онлайн.

«Совсем неподалёку, получается. Я нахожусь в саду для чтений вверх по улице. Читаю очень интересную книжку».

«Я был бы рад увидеться с вами. Возможно, прямо этим же вечером. Это возможно?»

Следующий ответ пришёл чуть позже.

«Мне необходимо привести в порядок макияж, я была не готова к встрече».

«Не переживайте, Нинель Кирилловна: я тоже буду готов только через полчаса. Я сломал в дороге мобильный — связаться будет сложно, я буду ждать вас прямо в саду».

«Я подумаю. Если получится — буду через полтора часа».

Времени оставалось предостаточно, и я отыскал в сети ближайший салон ремонта мобильных телефонов, расположившийся в небольшом торговом центре. Но сам бы я туда не успел, поэтому отыскал дворецкого, который подрезал ветви деревьев в саду.

В руках у него был секатор. Достаточно странное чувство появлялось, когда я видел этот предмет и осознавал, что занимаюсь точно таким же делом, только в более глобальном и метафорическом плане.

Попросил отнести телефон за вознаграждение.

— Эльдар Матвеевич — что за глупости говорите! — улыбнулся Фёдор Илларионович. — Мне в радость будет прогуляться, я как раз думал в продуктовый.

Вернувшись за компьютер, я поддался искушению и открыл носитель, преподнесённый

мне Марком. Честно говоря, я ещё надеялся, что там будет что-то полезное и секретное, но ожидания не оправдались. Взгляд пролистнул по названиям роликов. Фантазией местная индустрия «фильмов для взрослых» не блистала, но говорили они красноречиво. Непонятно, кто их так назвал — не то Марк, не то загадочный дилер, подогнавший такую забористую видеопродукцию, не то сами авторы этих шедевров.

Итак, на носителе обнаружили: «Случайно зашёл в женскую баню», «Юная дворянка ублажает своего водителя», «Графиня заказала двух танцоров», «Вдовушка страстно скучает по мужскому естеству», «Молодая княгиня принимает ванну нагая», «У невесты оказалась слишком большая грудь», «Боец вернулся с войны и застал жену с соседом», «Две сестры разделись в парке», «Специальное устройство для женщин», «Слуга подглядывал за молодой хозяйкой», «Грязная любовь в заброшенном хлеву», «Грубое обращение с помощницей директора», а также два небольших сериала — «Анимационная страсть» и «Скрытая камера в раздевалке училища медсестёр». Последним в списке было иностранное название — «Zwei schwarze Frauen streicheln sich», и открыв файл, я обнаружил именно то, о чём предупреждал Марк — весьма горячее видео про двух негритянок. Качество видеороликов оказалось ужасающим: то ли в этом мире так и не изобрели нормальные кодеки, то ли эти видео были настолько древними, что сжимать видеопоток в две тысяча десятом ещё не научились.

Я решил не увлекаться: всё же, явиться на первое свидание в чрезмерно-приподнятом настроении было бы неэтичным. Да и в принципе я предпочитал реальную близость с женщиной разным изображениям на экране. Мне предстояло прожить ещё не одно десятилетие и эффективно выполнить свою миссию, а это сложно сделать, будучи аскетом. Увы, в таком юном возрасте и в сословии, скованном определёнными устоями, для достижения близости требовалось приложить куда больше усилий. Но первые шаги я уже сделал.

Собравшись с духом и причесавшись, я покинул поместье и отправился на поиски того самого сада, про который говорила Нинель Кирилловна. Вокруг возвышались похожие на нашу виллы и крохотные огородики. Начинало темнеть, приветливая старушка, окучивавшая цветы, помахала мне граблями через оградку и крикнула:

— Эльдарушка, неужели это ты — так вымахал!

Мне осталось только сухо кивнуть — вспомнить, кто это был, я не смог.

Улица уперлась в большой зелёный квадрат. Там начинали зеленеть раскидистые деревья, а под ногами хрустнула скорлупка грецкого ореха.

Я нашёл скамейку и сел. Признаться, у меня были подозрения, что она не придёт. Во-первых, из-за невозможности связаться, во-вторых — исходя из жизненного опыта. Во времена моих многочисленных юностей другие девушки в других мирах частенько не приходили на свидания. По молодости это может объясняться и нерешительностью, и желанием набить себе цену, зачем-то проверить твердость намерений, или даже просто поиздеваться. И чем ближе к тридцати — тем больше у противоположного пола уверенности и тем меньше желания так нелепо подшутить.

Но этого не случилось. Вскоре в сумерках на тротуаре появился тоненький, хрупкий силуэт. Нинель Кирилловна шла ровно оттуда же, откуда пришёл я, ведь мы же были соседями. Она шла немного неуверенным шагом, одетая в домашнюю кофту и лёгкие брюки, прижимая скрещёнными руками к груди большую книгу. Судя по нашей переписке, я был более готов увидеть пышное розовое платье девятнадцатого века с корсетом, но всё оказалось чуть прозаичнее. Но даже такой простой образ сводил остатки сознания моего

реципиента с ума.

А на носу у неё, под слегка растрёпанной русой чёлкой виднелись очки. Чёртовы очки!

Я встал практически инстинктивно. Нет, разум оставался холоден и расчётлив. Общение с женщинами полезно для организма и наполняет мою работу дополнительным смыслом и стимулом. Мне случалось быть на свиданиях тысячи раз с совершенно разными и непохожими друг на друга девушками, в абсолютно разных условиях, с разным исходом. Но в тот миг тело всё равно переполнила целая гамма ощущений — от зашедшегося в безумной пляске сердца до лёгкой дрожи в коленях. Виной тому, конечно, были реакции, оставшиеся от моего предшественника. Парень, несомненно, был влюблён в эту девушку, к тому же, чувствовалось, что она тоже испытывала к нему интерес.

— Нинель Кирилловна! — я отвесил учтивый поклон.

Она скривила губки — не то в ухмылке от моей игры в старомодного джентльмена, не в то в странной застенчивой улыбке. Затем отвела глаза и села на противоположный край скамейки.

— Эльдар Матвеевич, я рада вас видеть, но вы бы могли выбрать более удачное время — соседи могут подумать что-то непристойное.

— Вам есть дело до соседей? Мы так давно не виделись, я, признаться, соскучился...

Она вспыхнула на миг, но тут же раскрыла книгу и погрузилась в чтение, пробормотав:

— Я решила встретиться с вами... как с другом детства. Только и всего.

Многих парней пугают слова о дружбе, часто девушки так дают понять, что не видят в собеседнике мужчину и потенциального партнёра. Но тут был не тот случай — я видел, что тоже интересен ей. Мне всего лишь показали, что надо снизить обороты, и что предстоит игра в долгую.

— Ты... вы говорили о книге? Это она и есть? Что вы читаете, если не секрет?

Она показала обложку.

— Сущая беллитристика, «Изабель и призрачное счастье», известная писательница, Юлия Гладкая. Не имеет отношение к сенситивной науке, зато... про человеческие взаимоотношения, вы понимаете.

— Про любовь? — предположил я.

— И про нее тоже, — потупила взгляд Нинель и перевела тему. — Значит, вы отчислены... Чем вы планируете заниматься, Эльдар Матвеевич?

— Иду завтра на собеседование, буду устраиваться на работу.

— Вы же писали, что у вас получилось раскрыть базовый навык только однократно, на тренировке, не при комиссии? Получился перенос схемы в матрицу, или как вы сказали? Получается... ваше покорение сенситивности не закончено?

Неужели у моего предшественника всё же получилось? Воспоминания, оставшиеся от реципиента, были весьма смутные. После слов ректора в зале я был уверен, что он так и закончил неумехой. С другой стороны, опыт подсказывал, что перед приходом моего разума в тело реципиента у того кратковременно обостряются все органы чувств, навыки и другие способности. Может, и та самая сенситивность обострилась?

Тут я укорил себя, что недостаточно тщательно изучил переписку перед встречей, и поэтому рисковал соврать. Когда-то давно меня учили: если припёрли к стенке, и не знаешь, что отвечать — отвечай правду. Способ совсем не универсальный, и раскрываться полностью я вовсе не хотел, поэтому ответил полуправдой.

Неожиданно в голову пришла отличная гипотеза, которая одновременно и была ответом

на вопрос, и могла бы стать вполне правдоподобной легендой.

— Вы знаете, дорогая Нинель Кирилловна. Мне кажется, на меня совершили воздействие в том зале. Когда человек уходит из столь серьёзного заведения с его разумом делают что-то, чтобы он забыл тонкости мастерства. Я очень плохо помню многие вещи. Признаться, я с трудом узнал даже своего комардина.

— Сидя? — удивилась Нинель. — Того мрачного волосатого парня? Вы же с ним не разлей вода?

Я кивнул.

— Он вовсе не мрачный. Часть памяти возвращается иногда, но управлять этим я не научился.

Конечно, я умолчал, что, скорее всего, и не научусь, потому что так устроен человеческий мозг и так работает моё вселение в двойников. Воспоминания всегда будут непрогнозируемыми и случайными.

— Что вы помните, Эльдар Матвеевич? — она отодвинула книгу.

— Ох... — Я откинулся на спинку скамейки. — Не могу сказать, что из этого явь, а что мне приснилось. Мне казалось, я гораздо старше и опытнее. Помню, как я достиг многого — власти, денег, верности близких людей. Помню, как проходил через множество испытаний, умирал и рождался вновь. Мне грезилось, что я был хорошим руководителем, воителем, полководцем. А возможно, также был и отцом, мужем, горячим любовником. Как пережил множество сражений. Но в одном из последних проиграл. С группой верных мне людей мы пытались совершить что-то вроде государственного переворота, но враг перехитрил меня. Выстрел в висок... Или это была гильотина? Всё смешалось...

Нинель Кирилловна смотрела на меня внимательно, с интересом, широко раскрыв и без того бездонные глаза, затем сказала.

— Вы так ловко смешали свои переживания по поводу отчисления с сюжетами ваших рихнер-игрушек... А что ещё помните?

— Помню, как хотел быть выше этого мира. И всех других миров. Как хотел достичь идеальной красоты — и никак не достигал её. А ещё я помню вас... Уже очень давно. И иногда мне кажется, вы близки к моему идеалу вселенской красоты.

Мне казалось, что в этот момент я явственно чувствовал жжение на коже, как будто от Нинель исходил жанр. Меня это даже слегка напугало: это точно не могло быть самовнушением или эмоциями. Ощущения были примерно те же, что и тогда, при встрече на перекрёстке. Неужели я могу чувствовать других сенсов? Чувствовать наличие у них способностей?

Так или иначе, наступил наиболее идеальный момент беседы — я протянул руку и положил свою ладонь на её хрупкие пальцы, нервно ощупывавшие неровности скамейки.

Прошли долгие две секунды, прежде чем она всё же решилась выдернуть руку, затем встала и медленно направилась к выходу из парка. Я догнал, спросил осторожно:

— Что-то не так? Я вовсе не хотел вас напугать.

— Но вы меня пугаете, — сообщила она чуть более холодно. — Не знала, что в Верх-Исетске так ловко учат комплиментами и искусствам обольщения. Вы уезжали совсем... другим. И я не знаю, нравится мне ли это. Уже поздний час, проводите меня до дому.

Столь быстрое завершение первого тактильного контакта, конечно, немного разочаровывало. С другой стороны, у девушки её устоев по-другому быть и не могло. Поразмыслив, я подумал, что это первое робкое касание и было самоцелью сегодняшней встречи и будет вполне достаточным, чтобы указать на намерения и показать интерес.

Пару минут мы шли молча, на её лице было волнение. Наверное, сложно было бы найти в округе более безопасных кварталов, чем те, по которым мы шли: на въезде в микрорайон я видел блок-посты жандармов, на столбах висели камеры, а в округе не было ни одного лишнего человека. Но проводить её было делом чести, к тому же, сознание моего реципиента подсказала весьма наивную мысль: “вдруг что-то перепадёт”. Нет, с такими девушками на первом недо-свидании ничего не перепадает.

— У меня впереди ещё полтора месяца подготовительных курсов, а затем экзамены, — заговорила она лишь в самом конце пути. — Я собираюсь учиться в Петербурге, в академии при Министерстве иностранных дел.

— На кого?

— Сенситивный психолог-дипломат. Проводившие процедуры измерения сечения специалисты сказали, что, возможно, первым навыком у меня будет телепатия... К тому же, моя способность к языкам...

Мурашки пробежали по спине. Получается, местные могут ещё и читать мысли?

— *Je ne veux vraiment pas couper la communication avec vous* (франц.: Я бы очень не хотел прервать общение с вами), — сообщил я, всё больше чувствуя себя персонажем произведений XIX века. — *Und ich würde dich wirklich gerne zu einem vollen Date einladen* (нем.: И я очень хотел бы пригласить вас на полноценное свидание).

Она остановилась и обернулась. Гамма эмоций на лице была восхитительной.

— Где вы?!... Как вы настолько хорошо выучили французский? Вы же говорили, что едва сдали на “удовлетворительно”? А второй язык... это какой-то странный диалект баварского? Или прусско-норвежского? Как вы... всё это выучили?!

— У меня ещё много тайн. Кажется, это ваше поместье?

Мы остановились у огромных решётчатых ворот. Мои ворота располагались всего в тридцати метрах через дорогу. Четырёхэтажное здание возвышалось почти прямо за оградой, и взгляд на окно четвёртого этажа, где, по-видимому, располагалась спальня Нинель, пробудил в душе какие-то тёплые воспоминания. Если не сказать больше — влажные.

— Идите, — кивнула Нинель. — Дворецкий уже подходит. Спасибо за встречу.

Я раскрыл руки для объятия.

— Спокойной ночи, Нинель Кирилловна. Надеюсь, моя болтовня не сбита ваш сон.

Она промедлила с минутой, воровато оглянулась. А затем коротко, быстро обняла меня свободной от тяжёлой книги рукой, максимально отвернув лицо, чтобы я ещё ненароком не

полез целоваться.

Нет, конечно, я рассматривал этот эпизод общения исключительно как шаг по выполнению побочной задачи. А именно — организации долговременных интимных отношений, благоприятно влияющих на карьеру и выполнение рабочих задач. Но как же чертовски плохо я выспался в ту ночь!

Выбирать не приходилось — утром меня разбудил Фёдор Илларионович, сообщив: — Карета готова, барин. Велено везти вас в Успенское на собеседование.

Матери я дома не застал. После быстрого завтрака, оставленного на столе кухаркой, и не менее быстрых сборов я отправился в дорогу, захватив по дороге отремонтированный телефон.

К собеседованию я не готовился — бесполезно готовиться в ситуации, когда сознание находится в мире всего пару дней. Но, если говорить в целом, то я думал, что всё окажется гораздо хуже.

Ехали мы меньше получаса, хотя, судя по карте, пришлось проехать не меньше пятидесяти километров. Сначала петляли по тесным улочкам Подольска, затем поднялись по длинной эстакаде на высокий аэродук, при въезде на который пришлось постоять в очереди и заплатить. А после втопили по полупустому идеальному шоссе почти под сотню.

— Опять цену на “Дворянский путь” подняли, — пробормотал Фёдор Илларионович. — Когда-то хотели выпускать по квотам крепостных. Всё заглохло.

Беседу о социальных несправедливостях я поддержать не мог по очевидным причинам. Платное подмосковное автомобильное кольцо только для дворян? Что ж, очень в стиле этого мира. Внизу, в метрах сорока, проносились поля, сады, теплицы, пруды, железнодорожные трассы, аккуратные коттеджные посёлки, соединённые другими трассами, а за лесом виднелись небоскрёбы Белокаменной. Мимо проезжали лишь дорогие машины, автобусы и небольшие фургоны. Мы миновали аэропорт, где я поймал взлёт здорового лайнера и весьма крупного двухвинтового вертолёт, поднимавшихся в разные стороны.

Ещё я обратил внимание, как мы проехали над огороженным периметром, ошетилившимся по краям ракетными системами, внутри которого стояли хищного вида вертолёты, прикрытые сетчатой тканью, а также здоровые круглые конструкции, напоминающие тарелки и выкрашенные в защитные цвета. Те самые дисколёты? Надо бы поискать в сети, хотя, подозревал я, информации будет не так много.

Здание местного подмосковного офиса Императорской Курьерской Службы в городке Успенском расположилось очень близко от съезда с платной дороги. Оно представляло собой трёхэтажный особняк середины прошлого века, с затейливыми витражными стёклами, но уже изрядно облезлый и поизносившийся. А рядом, через дорогу, возвышался огромный, в этажей восемь, оптовый склад, каким-то образом относившийся к подразделениям данной службы — я ещё не разобрался на тот момент.

Мы миновали большую парковку с сине-чёрными фирменными фургончиками и въехали через ворота во внутренний двор. У Отдела Особых Поручений, занимавшего целый флигель, был, как это можно догадаться, отдельный вход и огороженная территория. Нас встретила дама. В прошлой жизни я назвал бы её “девушкой”, но поскольку мне теперь было девятнадцать, к этой возрастной категории уже больше подходило “дама”. Лет тридцати пяти, худая, в строгом, но достаточно элегантно костюме. С аристократическим образом не вязались полосатые мелированные волосы и черные бусинки пирсинга в нижней губе и ноздре — пожалуй, я впервые видел такое в этой реальности.

— Эльдар Матвейч? — спросила она неожиданно-низким, прокуренным голосом. — Я, честно говоря, думала, что вы постарше. Ну, идёмте за мной.

— Я вам нужен, Эльдар Матвейч? — осведомился дворецкий.

— Нет, спасибо, можете быть свободны.

— Свободны, ага. Отметьте часы, будьте добры... — несколько несмело намекнул дворецкий, садясь в автомобиль.

На пару секунд отвлёкся в телефон — там вылезло уведомление о фиксации часов работы крепостного, я протыкал пару галок и нажал “сохранить”. После повернулся к девушке, решив сразу расставить все точки над “i”.

— Вы — руководитель?

— Я старший кадровик, — сказала она, не поворачиваясь. — Персонал-референт. Луиза Даниловна Шоц. Вашим руководителем будет один шикарный мужчина. Ну, если вы ему понравитесь, конечно.

Она провела телефоном, открывая внутреннюю дверь офиса, затем мы миновали небольшой холл, открыли ещё одну дверь и вошли внутрь. Внутри обнаружилось просторное помещение, занимавшее почти весь флигель — в некоторых мирах применяли англицизм “опенспейс”. Причём интерьер с золочёными завитушками и строгий мундир выдавали в заведении контору состоятельную, близкую к финансовым потокам. Это показалось хорошим знаком на пути к политическим элитам.

Рядом со входом была кухонная зона, у которой крутился молодой жилистый паренёк. Пара истёртых диванчиков, на которых сидела тройка господ. Дальше — зона, на которой сидело двое тучных господ в расстрёгнутых пиджаках, неторопливо попивавших кофе. Дальше были рабочие столы с рихнерами, большая часть из которых пустовала. За одним из них с огромным, в полтора метра диагональю, экраном восседала полная женщина предпенсионного возраста, а на экране крутились разноцветные шарики, вспыхивающие звёздочками.

Мне вспомнилось, как однажды, примерно пять-шесть жизней назад я уничтожил мир путём доведения всех его жителей до предельной стадии игровой зависимости.

— Фаина Анатольевна, где шеф?

Не оглядываясь и не прерывая игру, женщина указала куда-то в середину зала. Немного покрутившись в лабиринте столов и перегородок, мы оказались в углу помещения. Луиза Даниловна шагнула в проход между перегородками... И тут же отшатнулась назад. Я же по инерции шагнул вперёд — и тут же перед моим носом пролетел, врезавшись в мишень на стене дротик от дартс.

— Осторожнее, сударь, — послышался голос. — Кого привела, Луиза?

— Ещё один. Циммер.

Посреди свободного пространства между столами стояли двое: худой, небритый парень чуть старше меня и высокий, плечистый, но худой мужичок в очках с лихо закрученными усами. Внешне он напоминал атлета викторианской эпохи. Остановился, перебирая в руке дротики для дартса, пытливо поразглядывал меня. Затем спросил Луизу.

— Что думаешь?

— Откуда я знаю? — фыркнула кадровичка. — Я с ним ещё не беседовала. Первый раз вижу.

— Так он же твой? — нахмурился начальник.

— В каком смысле?

— Ну, твой родственник, знакомый, что-то в этом роде?

— Нет, конечно. По вакансии, через дворянский дом. Он сын Валентины Циммер известной галеристки. В досье написано, что отчислен из Верх-Исетского филиала Камнерезного.

— Социалист? — начальник прищурился.

Я не знал правильного ответа на вопрос, поэтому решил брать быка за рога.

— Циммер Эльдар Матвеевич, — я подал руку для рукопожатия. — Девятнадцать лет, холост, вредные привычки отсутствуют. Отчислен по причине неуспеваемости. В политических партиях не состою.

— Ещё бы ты состоял. Дворяне не состоят в партиях, они ими управляют, — усмехнулся начальник и представился. — Кучин Корней Константинович. Начальник Отдела Особых Поручений. Знаешь уже, чем мы занимаемся? На.

Он не глядя пересыпал дротики в руки Луизе, обхватил меня за плечо и повёл между рядами.

— Очевидно, особыми поручениями? — предположил я. — Государственной важности.

— Ну, государственной важности у нас занимается московская канцелярия. Взаимодействие между ведомствами и канцеляриями — это к ним. А мы — подмосковный. Почти все дворяне московского Дома проживают или имеют крупные дачи и поместья в Подмосковье. Мы занимаемся, главным образом, частными поручениями влиятельных родов, доставкой предметов ценности, передачей частной переписки между домами. Так, вот, знакомься. Серафим Сергеевич и Аркадий Сергеевич. Владислава Рафиковна...

Он продолжил сыпать именами-отчествами, я разглядывал лица. Почти все в районе сорока лет, всего пара женщин, все смотрели на меня с долей удивления и презрения. В основном все занимались безделицей: неспешно заполняли какие-то отчёты на рихнере, играли в примитивные игрушки, беседовали. Только один раз кто-то пробормотал про запрос, неспешно подхватил сумку и направился к ожидавшему его у входа крепкому приставу.

— Запоминаешь? — спросил он, когда был представлен уже десятый коллега, и я окончательно запутался.

— Нет, — признался я.

— Ну и правильно. Всё равно — вряд ли будешь видеть чаще, чем пару раз в месяц. К командировкам, получается, готов?

— Разумеется, — я кивнул.

— Процент сечения чувствительности?

— Пять и два, — вспомнил я слова матери.

Будущий начальник хмыкнул и руку с плеча убрал.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что сильно высокий. Тебе тут наскучит, сбежишь поступать на сенситива.

— Вот и посмотрим, — пожал я плечами. — Работать готов и без специального образования.

Корней Константинович толкнул меня к большому столу, стоящему напротив окна. Экран рихнера был инкрустирован драгоценными камнями и покрыт сусальным золотом. Видимо, чтобы всем было понятно, что это место руководителя.

— Ну-ка, покажи ведомость из университета.

Порывшись в бумагах, я выудил тот самый листок, распечатанный в канцелярии. С минуту Корней Константинович что-то бубнил себе под нос, потом подвинул лист обратно. Последовал яростный стук по клавишам, пара энергичных ударов на “Ввод”, и из принтера бесшумно вылезло несколько бланков.

— Садись. Пиши заявление и заполняй анкету. Сенситивные нам нужны. Четверть всех доставок — матрицированные предметы, сам понимаешь, нужен особый подход. Две недели квалификационные курсы, тебе повезло — как раз успеешь на поток, если сдашь, затем — месяц испытательного срока. За испытательный — две-три командировки, в том числе одна зарубеж. Сопровождают или свои из службы приставов или можно крепостных — камердинеров там, мажордомов, мы их оформляем на полставки. Ещё мы тут вводим систему рейтингов и работы через заявки... Игроизация рабочего процесса, так её за ногу.

Дальше следовало описание условий работы. Брала меня стажёром подпоручиком с месячным жалованием двести десять рублей, при этом после испытательного, с учётом премий и командировочных сумма могла вырасти вдвое-втрое. Анкету заполнял длинную, на некоторые вопросы, например — “болели ли тропическими заболеваниями в детстве?” и “имеете ли опыт управления летательными средствами?” я правильного ответа не знал. Нет, конечно, вертолётom и даже истребителем управлять приходилось, но так много жизней назад, что вряд ли могло пригодиться. В графу “крепостные, готовые к совместным командировкам” вписал Исидора Васильевича Макшеина, после чего страницу пришлось переписывать — никаких “Васильевичей” у крепостных не было, а отчества до сих пор заканчивались на “-ев”.

— Ну, всё. Кандидатур приличных пока меньше, чем вакансий. Поэтому если тебя утвердят, то сразу группу на обучение и отправим.

— Когда?

— Со следующего понедельника. Да, забыл сказать — по рукопашному бою у тебя стоит тройка. Это очень плохо. Нужно за месяц с небольшим поднатаскаться. Если не сдашь после квалификационных — приму, но испытательный рискуешь не пройти. В курсы это не входит, потому ищи тренера самостоятельно.

— А рукопашка зачем? — на всякий случай уточнил я.

Корней Константинович странно крякнул.

— Думаешь, почему у нас текучка такая? Потому что драться придётся. И не раз. Частные спецназовцы из опальных родов о-очень любят за нашим братом охотиться.

Он посмотрел с характерным прищуром, наверное, подозревая, что я попрошу заявление обратно. Но я в ответ холодной кивнул и протянул руку для прощания.

— Рад знакомству, Корней Константинович. Буду ждать извещения. Меня проводят?

— Ишь какой! Луиза, проводи!

Пирсингованная кадровичка метнулась ко мне, на ходу доставая из кармана сигареты.

— Не куришь? — спросила она, тоже перейдя на “ты”.

— Нет.

— Молодец. А невеста есть?

— Скорее нет, чем да, — я ответил обтекаемо.

— Тоже хорошо! — в её глазах сверкнул озорной огонёк.

Она остановилась и неторопливо закурила. Я позвонил Сиду — он пообещал меня подобрать по дороге до дома.

— Как вы оцениваете мои шансы? — зачем-то спросил я, решив продолжить диалог.

Глаза Луизы Даниловны округлились от праведного гнева.

— Мы же перешли на “ты”! Тебе надо учиться этикету. Я могу и обидеться. Я тебе не старая дева. Шансы... Неплохие, я думаю. Сенсы нам нужны. Тем более такие молодые.

— У меня... как это называется, не раскрыт первый навык, — признался я.

Она мощно затянулась, а потом пустила дым чуть ли мне в лицо. Запах у табака был отвратительнейший.

— А у кого он в двадцать лет раскрыт? У четверти, наверное. Ну, как минимум — при пяти процентах сечения “нулевой” навык есть от рождения. У меня вот процент — один и два, почти отсутствует.

— Нулевой? — переспросил я.

Луиза Даниловна ожидаемо посмотрела на меня, как на придурка — видимо, потому что это знал даже ребёнок.

— Ну, интуиция. Предчувствие угрозы и определение наличия сенса у собеседника. Ну, и ответная резистивность к сенсу.

— А, это да. Это я умею.

— Как ты думаешь, сколько у шефа? — она кивнула головой.

— Процентов сенситивности? — догадался я. — Ну, предположу, что девять-десять.

Кадровичка не то рассмеялась, не то закашлялась.

— Да уж. Как у Годуновых и Долгоруковых. И у этого... тонмаори тут был один приезжий, с Новой Сибири... Хотя не, у них больше — под пятнадцать бывает. Конечно, меньше у Кори. Шесть и два у него. Как тебе он?

— Харизматичный, — кивнул я.

— Это да, — тяжело вздохнула Луиза, потушив сигарету, и многое встало на свои места. — Есть у него соответствующий навык. Ну, за тобой, похоже, приехали.

На прощанье она коснулась моего плеча рукой. У шлагбаума посигналила знакомая квадратная машина, в которой я заметил Сид.

— Привет! — поздоровался я и сел на переднее сиденье.

— Как прошло? Берут?

— Да, всё отлично. Дорога платная, как я понял, сможешь заплатить?

— Да там всё просто, — кивнул Сид.

Действительно, потребовалось лишь дождаться очереди, коснуться терминала, и шлагбаум открылся. Проверил баланс: с платежного счета списалось около шестидесяти копеек. Затем зашёл в “Письма”, там обнаружилось четыре новых коротких сообщения.

Первое оказалось с угрозой.

“Единороги скачут в Москву. Мы тебя всё равно достанем тебя, немецкий ублюдок!”

Второе — от Аллы Расторгуевой:

“Ну чо, нашёл чего-нибудь по работе? Тоже села вот искать.”

Я заметил, что она пишет без твёрдых знаков в конце слов, как это делали многие. И, наконец, самое длинное — от Нинель Кирилловны. С лёгким волнением я открыл его.

Послание от предмета тайной страсти моего реципиента гласило:

“Эльдарь Матвеевич, я хотела бы попросить не назначать более встреч — тем более поблизости оть дома. Совершенно не нужно, чтобы из-за вашего неуёмного интересу соседи распускали обо мне грязные сплетни. Простите, если обидела.”

Стало слегка неприятно. Нет, конечно, Нинель Кирилловна была не моим тайным предметом обожания, а моего предшественника. Но, увы, так устроен механизм вселения, что все привязанности и сработки основного инстинкта бьют рикошетом и на меня. Я уставился в окно машины.

В подобные драматические моменты очень хорошо помогает вспоминать о своей миссии. О том, зачем я пришёл на эту планету и о том, что все земные проблемы — временные. Поразмышлять, какой метод обрезки ветви более пригоден. Благо, некоторые данные уже были.

Совсем не обязательно было разрушать кору планеты путем цепочки термоядерных взрывов. Хотя это, пожалуй, был самый любимый и часто самый удобный метод. И, тем более, заморачиваться с изменением траектории движения крупных "кентавров" — околоземных астероидов — хотя и такие апокалипсисы я устраивал. Саму Землю можно оставить целой — ну, или почти целой. Достаточно уничтожить только само человечество.

Тут подойдет и биологическое оружие, вызывающее бесплодие. И сценарии с восстанием машин. И заражение всей человеческой цивилизации нанороботами. И подрывы супервулканов с одновременным добиванием зависимой от достижений электроники инфраструктуры. Но чаще всего — достаточно череды из нескольких мировых войн, полного разрушения мировой экономики, сдобренных обезглавливанием всей правящей мировой элиты. Например, путём случайного подрыва какого-нибудь саммита и череды из военных переворотов. А далее — голод, локальные ядерные войны, крах энергетики и скатывание в уютный постапокалипсис и вымирание. В этом случае успешным усекновением Ветви считалась даже Земля, в которой через век после такого останется налёт из пары сотен тысяч человек, бегущих с копьями и арматурой. Эти жалкие ростки совсем не вредили Древу, и такая популяция всё равно сформирует уже совсем новую, отличающуюся Ветвь. Но это будет забота совсем другого поколения Секаторов, которое трудится в кроне Древа через тысячи лет после нас.

Эх, подумал я, взглянув в облака, хорошо было бы подгадать подобную операцию под ближайший природный катаклизм. Например, мощное землетрясение или извержение вулкана. Тогда разрушительный экономический эффект усилится. Такие события повторяются каждый десяток лет и расписание подобных событий я давно держал в голове. Ближайшее было совсем скоро — в марте, это был один из исландских вулканов с труднопроизносимым названием. Но, конечно, так рано начинать операцию я не мог: у меня было слишком мало ресурсов, воли, сил и знаний о настоящем устройстве мира. Да и случай был особенный — магия и глобальное потепление. В таких условиях и расписание извержений могло быть совсем иным.

В общем, оставалось вернуться из мира грандиозных планов в мир вполне себе реальный.

Я снова уткнулся в телефон и перечитал этот десяток строк на узком экране. На самом

деле, я не сильно расстроился. Сообщение от Нинель Кирилловны ужалило своей холодностью, но я мысленно улыбнулся. Если бы мне было девятнадцать не только биологических, но и психологических лет, я бы, наверное, счёл это окончательным и бесповоротным поражением. К счастью, я был чуть опытнее, и холодный анализ говорил о другом. Формулировка про “свидания в близости от дома” очень напоминала старинный анекдот, который я слышал в нескольких мирах.

“Девушка, вы пьёте? — Нет, я не пью. — Вы пьёте виски? — Нет, я не пью виски. — Вы пьёте виски со льдом? — Нет, я не пью со льдом”. Я был почти уверен, что интерес Нинель не пропал, просто она решила поиграть в игру “ближе-дальше”, измерить длину поводка и обозначить границы. В общем, сделать всё правильно, исходя из собственных убеждений. Либо, что ещё более вероятно, сделала так просто потому что её отругали строгие родители.

Я быстро написал сообщение:

“Нинель Кирилловна, следующая наша встреча, заверяю вас, обязательно состоится в более изысканном месте”.

Ответил и Алле:

“Вроде бы берут меня в Подмосковную Курьерскую Службу.”

Что до анонимного сообщения — оно было вполне ожидаемым. Игорь Антуанеску, первый из встреченных в это мире врагов, вызывал впечатление человека настойчивого. Отвечать, конечно, я не стал, к тому же — оно было анонимным, и я подозревал, что отправка ответов в этом случае не сработает. Закончив, я уткнулся в окно. Пару раз нас обгоняли кареты скорой помощи, один раз — на скорости под сто пятьдесят — кортеж, сопровождаемый бронированными футуристичными джипами и мотоциклистами.

— Ты что-то молчаливый? — спросил я Сиды, когда мы уже подъезжали.

— Да... с Софьей поругался, — вздохнул он. — Говорит — работаешь много, получаешь мало, всё с барями. Найди нормальную работу гражданскую, а то вечно мальчиком на побегушках у дворян будешь. А я рад на тебя и на матушку твою работать, вторая семья моя, но, признаться, за переработанные часы она платит столько же, сколько и четыре года назад. А требовать с барей я как-то не умею. Я уж тебе прямым текстом, Эль Матвейч, доверяю я тебе.

Прозвучало это достаточно жёстко, с другой стороны, честно. Всё равно, играть в тирана и ругать за такое неповиновение я не собирался, тем более с ним. Дружеские отношения выглядели ценными, и нужно было договориться.

— Я сам только что беседовался на должность мальчика на побегушках, — усмехнулся я. — Тебя, кстати, вписал в список доверенных крепостных. Говорят, могут устроить на полставки. Если, конечно, ты согласен? Если нет — поговорю с матерью, скажу, чтобы подняла ставку, или как там это делается. Или отпустила.

Сид помедлил какое-то время, пожал плечами.

— Согласен, барь. Конечно согласен. Я за любую движуху. Там же надо будет по миру кататься, как я понимаю? Особые поручения. Хотел я мир повидать, это да.

— Надо будет, — кивнул я. — А я вчера вечером ходил на свидание.

Коротко, без особых подробностей рассказал Сиду про встречу и про сообщение.

— Сенситив-дипломат, — хмыкнул он. — Очень перспективная работа. Их очень мало, а Империи очень нужны. Но — тоже будет перелётной птицей. Из одного угла империи в другой.

— Я правильно понимаю, что это что-то вроде боевого мага на переговорах?

Мой спутник первый раз за час рассмеялся.

— Ты прямо как в деревнях — “маг”. Сенситив, сенсей, если калька с японского. А ты что, раньше не встречался с таким?

— Практически нет. В других мирах магия или отсутствует вообще или под строжайшим запретом. Поэтому очень надеюсь на твои консультации по таким вот глупым вопросам.

Мой спутник кивнул.

— Ну, я не силён в этом всём: сам понимаешь, среди крепостных сенситивную науку почти не преподают. Потому что проценты тех, у кого сенс есть — очень низкие. Но я смотрел тут документальное кино про Японию, говорилось, что она половину Азии захватила именно благодаря сенсеям-дипломатам. Местные короли вассальные грамоты императорским послам подписывали в начале века только так. Конспирологи говорят, что Камчатку до сих пор держат нейтральной, русско-японской, и не забирают тоже поэтому... Правда, тут я не верю — Годуновы не лыком шиты.

Мы тем временем подъехали к воротам усадьбы, припарковались, и я направился в гостиную. Там меня встретил Фёдор Илларионович, облаченный в парадный сюртук, и незнакомого вида мужчина странной внешности и совершенно не парадно одетый — в растянутый джемпер. Судя по цвету кожи, он был не то мулат, не то индус по виду. Мрачноватый, налысо бритый, с короткими усами и редкой бородкой. Эдакая помесь гуру-садху с полинезийским ведуном.

При взгляде на него стало тревожно.

— Эльдар Матвеевич, это Светозар Михайлович Кастелло, известный дворянский сенситив-психолог, о котором говорила ваша матушка.

Холодок пробежал по спине. Почему-то при разговоре о враче я подразумевал обычного, общечеловеческого специалиста-психолога, а не “мага”, как говорили в деревнях. В двух предыдущих магических мирах сверхспособности не имели такого проникновения в общество, и мои контакты с магией были весьма ограничены.

Парша магии имеет очень разную природу и силу воздействия. Вдруг этот товарищ сделает что-то с моей, вселённой личностью?

— Я думаю, мне не нужны ваши услуги, — холодно проговорил я. — Фёдор Илларионович, проводите гостя, будьте любезны.

После короткого замешательства дворецкий покачал головой.

— Простите, барин, не могу. Распоряжение Валентины Альбертовны для меня первостепенней.

Предатель, подумал я. Врач расплылся в улыбке и протянул руку.

— Вас зовут Эльдар Матвеевич, так?

Я кивнул и рискнул — принял рукопожатие. В конце концов, подумалось мне, с этой мастью сенситивов мне придется сталкиваться еще не один раз.

— Присядьте, — гость махнул на кресло, а сам по-хозяйски пододвинул пустой стул.

Возможности отступить назад не осталось, и я приземлился рядом с ним. Фёдор Илларионович учтиво поклонился и покинул гостиную.

— Не возражаете, если я закурю? — гость выудил из-под халата толстую сигару.

— Возражаю, доктор. Вы мне сейчас неприятно напомнили одного типа.

Светозар Михайлович тут же убрал курево и прищурился.

— Напомнил? Значит, память, всё-таки, сохранилась. Хорошо! Очень хорошо.

— Сохранилась, да. И я не очень хочу это обсуждать.

Чувство тревоги нарастало, готовясь вырваться из груди. Интуиция у меня всегда была на высоте, независимо от того, магическим мир был или обычным, и сейчас она просто кричала — беги, уходи из комнаты. Но я продолжал сидеть. Нет, этот бой я выиграю.

И попытаюсь выудить максимум пользы. Я вдруг подумал: а что если он действительно пришёл помочь? И память местного реципиента восстановится полностью, добавившись к моей? Звучало безумно, но стоило попробовать.

— Вас беспокоят какие-то трагедии из прошлого? Какие-то... травмирующие воспоминания?

— Тревожат, доктор, — я кивнул. — Меня недавно отчислили из учебного заведения. Отчислили за провинности, в коих не было моей вины.

— Вы испытали физическое насилие? Вас били... сверстники?

— Да, доктор, испытал. Много раз. Я был слаб. Сейчас я сильнее.

Наверное, в этот момент я сжал зубы, потому что на миг на лице доктора отразились растерянность и даже испуг.

— Я вижу. Это очень хорошо. И ещё, простите за нескромный вопрос: я так понимаю, что у вас также есть... странные, возможно, ложные воспоминания, от которых вы хотите избавиться? Не замечали?

— Что вы имеете в виду?

Доктор снова прищурился.

— Молодой человек... Поверьте, я хорошо разбираюсь в людях. Вы общаетесь вербально и невербально вовсе не как человек, которому двадцать лет.

— Нет, доктор. У меня нет ложных воспоминаний.

Светозар Михайлович провёл рукой.

— Позвольте мне закончить. Поверьте, я не хочу причинить вам вреда. Вы можете себе не отдавать отчёта, но внутри вас продолжает сидеть Эльдар Матвеевич Циммер, однако телом завладела совсем другая, новая личность. Выдуманная вами личность, на которую вы хотите быть похожим. Эдакий “потусторонний чиновник”, Влад Мэ. В нашей терминологии это называется “диссоциативная fuga”, мда. Но вы не расстраивайтесь — существует множество способов, как избавиться от этого недуга.

— Просветите, какие.

— Ну, как вы понимаете, очень многие державы испытывают дефицит в сенситивных кадрах. И им ничего не остаётся, кроме как использовать изобретения классической науки. Пилюли, уколы. Электрошоковую терапию. В Австро-Венгрии, например, вы не поверите, до сих пор практикуют лоботомию! Вы знаете, что такое лоботомия?

— Имею представление, — кивнул я.

— Вы чрезвычайно образованный молодой человек! — расплылся в улыбке Светозар Михайлович. — Так вот, о чём же я...

— Вы говорили о державах, в которых мало сенситивов. Я так понимаю, в нашей Империи таких проблем нет, как нет и причин использовать подобные методы?

Доктор быстро закивал.

— Да-да, именно так. Именно так, дорогой друг. У нас совсем, совсем другие методы. Гораздо более гуманные и щадящие. Позвольте...

Я сам не заметил, как его холодные подушечки пальцев или же это были не подушечки, а какой-то тонкий каменный напёрсток? — коснулись моих висков.

А после моё сознание покинуло это тело и этот мир.

~конец первой части~

Часть II. Вторая попытка

Глава 10

В этот раз мне не понадобилось помощи, чтобы встать. Моё тело было точно таким же, как и секунду ранее, разве что, чуть более плечистым, “усреднённым” по отношению ко всем моим двойникам во всех мирах.

— Ну? — от стенок зала гулко отразился голос Верховного Садовника.

На этот раз я не мог определить, какое у него выражение лица — сердитое, удивлённое или насмешливое.

— Тяжёлый случай, — признался я.

— Я вижу. Сдаёшься? Отдаю задачу твоему коллеге? В момент твоей смерти у меня свободны и не пересекутся двое — Горемысл и Камиль. Кому лучше отдать?

— Отдай задачу мне. Я на пути к разгадке. К тому же я... мой реципиент — сенситив.

— Что такое сенситив?

Я даже слегка удивился.

— Думал, ты можешь видеть всё о текущем мире. Это маг. Человек с врождёнными способностями. Магия на этот раз гораздо глубже вшита в общество. Предположу, что только человек из моего рода сможет разрушить этот мир.

На самом деле, на тот момент я сам не знал, блефовал я, или же говорил правду.

— Хм, — рука собеседника почесала едва видимый подбородок под капюшоном.

— Это обусловлено генетически, судя по всему. У вас есть достаточное количество данных о Горемысле и Камиле? Точно ли у их двойников обнаружатся такие же способности?

Десяток секунд на раздумье и фигура в капюшоне кивнула.

— Звучит убедительно. Но две осечки подряд... В предыдущем мире и в этом. Тебе пора в долговременный отпуск, Эльдар. Либо, может, совсем на покой?

Последняя фраза прозвучала угрожающе. Когда-то давно мне говорили, что были те из Секаторов, кто не вернулся с задания или те, кто остался умирать в Бункере. Попасть в их число мне не хотелось.

— Ещё рано. Я успею отдохнуть. В процессе выполнения задания. Боюсь, ближайшая пара десятилетий и так превратится... в череду высокосветских развлечений.

— Повеселись. Можешь даже завести семью, я думаю. Спрятать в бункере, когда всё закончится. Имеешь право.

— Они колонизируют Луну и Марс, — вспомнил я. — Возможно, мне понадобится помощь коллег, знакомых с работой во внеземных колониях. Я слышал, что у тебя есть такие.

— Ты не беспокойся. Главное не забудь навести мосты в первые несколько месяцев, иначе Суть Бункера истечет из организма. Пока что попасть в реальность могут только Секаторы. Ну... — тут он похлопал меня по плечу, и я на миг даже увидел его кончик носа, — ступай к Лекарю.

Снова путь по спирали вниз. На этот раз спираль чуть короче, потому что верхние этажи, словно годовые кольца деревьев, ещё не приросли. Последняя, верхняя табличка — 2010 год. Мне кажется, что так рано я в Бункере ещё не появлялся. Лифтёров за столами

значительно меньше и многие из них непривычно стары. Видимо, в более ранние этапы развития Древа работы у них было поменьше, и они умудрялись жить подольше. Одна из семи дверей в зале приоткрыта. Внутри горит свет очага.

— Ты новенький, — говорит Лекарь.

Она сидит на кушетке и выглядит моложе на лет десять, чем я её видел. Чуть постарше моего биологического тела. Но плечи уже всё так же мускулисты, а на голом теле — всё такой же окровавленный фартук, что и раньше. Опыт уже есть.

Неужели именно сейчас она меня видит впервые?

— Я не новенький. Ты меня видела здесь уже много раз. И убивала множество раз.

— Ясно, — кивнула она. — Значит, ты старенький, просто помер слишком рано. Акела промахнулся? Старый скакун сделал осечку?

Лекарь хлопнула мозолистой ладонью по кушетке.

— Скидывай одежду и садись рядом. Обойдёмся минимумом кровопролития. Уж больно ты... молоденький.

— Я тороплюсь, — сообщил я, но рясу всё-таки снял.

Только я двинулся в её сторону, рука ловко ущипнула меня за ягодицу. Наверное, точно так же мясник треплет за бочок упитанного поросёнка.

— Торопливый он... Не торопись. Всё равно окажешься в идеальной для твоего двойника точке.

Внезапно её фартук тоже полетел в сторону, а на мои плечи легли настойчивые и неожиданно холодные ладони. Я понял намёк и притянул горячее тело девушки к себе, усевшись на окровавленной кушетке поудобнее. Лёд и пламя, подумалось мне. И то, и другое несет смерть.

Она очутилась сверху, а ее крики и стоны, наверное, были слышны на самом верху, в зале Верховного Секатора. Последний миг промежуточной жизни мог наступить когда угодно, а орудием убийства мог оказаться любой предмет, попавшийся под руку. Я не знал, доживу до окончания акта, или нет. Именно этим любовные утехи с Самкой Богомола страшны и одновременно азартны.

Но скоро все прояснилось. Несмотря на безумство страсти, у суккуба, этой безумной любительницы убивать, был план. Тонкие жилистые пальцы карабкались все выше и выше по моему туловищу, пока, наконец, не оказались на моей шее. Ледяные подушечки пальцев сдавили артерии. К такому я не был готов, подобный вид изощрений точно не казался мне приятен, и она могла это понять. А значит, решила меня душить вовсе не для придания ощущениям остроты.

Ситуация становилась скорее пугающей, чем возбуждающей.

— Нххет, м-м!

Я захрипел, задыхаясь, принялся инстинктивно ворочаться, пытаюсь скинуть наездницу, но она оказалась сильнее меня. Укол с Сутью Мира, который она незаметно вколола перед процессом, добавил мне слабости. Сознание гасло, медленно сворачиваясь в туннель. Я услышал приглушенный финальный стон и увидел, как Лекарь, не разжимая хватки, наклонилась и подарила финальный поцелуй моим мертвеющим губам, наверняка очень горячий и сочный...

И я неожиданно почувствовал его, от испуга открыв глаза.

Прямо передо мной было личико Нинель Кирилловны. Крепко зажмуренная, покрасневшая, с дрожащими от волнения губами, еще более беззащитная без очков. Я

полулежал на больничной койке, прикрытый одеялом и осторожно обнимал ее за спину.

Не открывая глаз, она тихо прошептала:

— Это был мой первый поцелуй...

Я улыбнулся. Вот же подлец мой реципиент! Успел как-то после меня.

— А я словно... снова потерял память, — я быстро нашёлся, что сказать.

Она немного отстранилась, неловкими движениями привела причёску в порядок и надела очки.

— Только не говорите, что не помните, что сказали только что... Если это правда — нам надо что-то придумать.

— Правда, — кивнул я. — Это чистая правда.

Я уже догадывался, что сморозил парень в моё отсутствие — что-нибудь про любовь до гроба. Никогда, ни в коем случае не стоит говорить такое девушкам в самом начале отношений: в девяти из десяти случаев это просто отпугнёт и покажет тебя романтичным слабаком, который вынуждает их принять решение. Видимо, это был тот самый один случай из десяти, когда объектом обожания оказалась такая же влюблённая романтическая барышня.

— И про то, что вашим сознанием владел монстр, желающий уничтожить целый мир? И что только мы вместе сможем его остановить?

— Это было... художественное преувеличение. Я думаю, наш... первый поцелуй уже окончательно убил монстров в моей душе.

— И... — тут она замялась, долго подбирая слова. — О том, что так же невинны, как и я?

— Моё тело не знало плотской любви, — кивнул я, ничуть не обманув — про душу и сознание я умолчал.

В этот момент меня слегка шатнуло, то ли виной тому препараты, которым меня кололи, то ли мой предшественник всё ещё отчаянно лез наружу.

И его можно было понять. На какой-то миг я даже испытал лёгкое чувство вины — надо же было мне прервать своим возвращением такой момент!

— Вам следует отдохнуть... — она осторожно провела по моей руке, лежавшей под одеялом. — Я чувствую, что вы нервничаете, вам нельзя нервничать. Выздоровливайте, Эльдар Матвеевич, мы... с вами увидимся, когда вам станет легче.

Она быстро подобрала сумочку и выскочила из комнаты.

Теперь оставалось выяснить, где я нахожусь, и как из этого выбраться. Решёток на окнах не оказалось, а интерьер палаты выглядел вполне современным, значит, эта была не дешёвая психушка, а что-то подороже. За полупрозрачным коридорным окном изредка проходили люди в белых халатах. Пошарил взглядом по сторонам и обнаружил телефон, лежащий на стуле рядом с небрежно сложенной одеждой. Подгадал момент, пока никого не будет, вскочил с кровати и подобрал телефон.

Во-первых, я обнаружил, что уже вечер четверга — то есть прошло почти три дня. Во всех верхних диалогах мессенджера творился кошмар. Я успел написать десяток сообщений вроде “Я свободен! Моим разумом теперь никто не управляет!” и тому подобного безумного бреда. Удивительно, что многие реагировали достаточно спокойно. Заинтересовало сообщение от Аллы:

“Ну, зашибись. А у нас из-за тебя теперь группа не набирается.”

Посмотрел звонки: одним из верхних был звонок от Корнея Константиновича. Недолго думая, я позвонил ему.

— Ну, чего? — голос показался недовольным.

— Хотел бы уточнить, есть ли решение по вопросу моего трудоустройства?

После некоторой паузы он ответил весьма эмоционально:

— Парень, я вообще не понимаю, что с тобой не так? Я же, блин, сказал тебе, что тебя берём, что ты принят, начальство одобрило стажировку. А ты выдал какую-то тираду, что тебя заставили, что в жизни к нам не пойдёшь, и бросил трубку. В итоге все твои бумаги о зачислении на стажировку я порвал, выкинул в урну и приказал собеседовать новых. Ты и дальше так будешь мозги нам сношать? А?!

— Корней Константинович! Я не могу сказать точно, что именно я сморозил, но причина была в том, что я попал под воздействием мощного сенситивного психолога, который вызвал у меня приступ агрессии. Моя матушка решила, что моё умственное здоровье следует проверить после внезапного отчисления, и отвела в какую-то шарлатанскую клинику. Уверяю, что сейчас я нахожусь в полном здравии и принял решение. Я хочу на вас работать.

После моей тирады снова последовала некоторая пауза, где было слышно приглушённое бормотание с парой бранных словечек.

— Ладно, хрен с тобой. Без тебя минимальная группа на стажировку от подразделения не складывается. В понедельник к двенадцати с документами и с постиранной формой во второй московский офис! Рост у тебя какой?

— Метр семьдесят пять, — прикинул я.

— Хорошо. Завтра вышлем форму курьером.

В трубке раздались гудки.

Следом я позвонил Сиду и чуть не заорал в трубку:

— Сид! Это я. Вытаскивай меня отсюда!

— Барь, я сейчас не могу. Я в ресторации с Софьей заседаю. В Москве.

Голос показался каким-то непривычным, даже обиженным.

— Скажи хоть, где я? И что с тобой?

— Эльдар Матвейч. Ты меня вчера на три буквы послал за то, что я помогал какому-то злодею внутри тебя, и пообещал продать первому встречному скупщику душ.

— Исидор Васильич, I assure you that I'm back. Ich bin dieser mysteriöse jenseitige Beamte Comment... comment, en plus de connaître les langues, prouver que tout ira bien maintenant? Lirú, wǒ kěyǐ shuō yī zhǒng zài zhège xiànrú zhōng méiyǒu bèi jījí shǐyòng de yǔyán... (Я заверяю, что я вернулся обратно. Я тот самый загадочный потусторонний чиновник. Как... как ещё кроме как знания языков показать, что теперь всё в порядке. Например, могу продемонстрировать язык, который активно не используется в данной реальности.)

Похоже, это подействовало. Мой комардин перешёл на шёпот.

— Ого! Вернулся, значит. Хм... Верю. Сейчас буду думать. Но не раньше, чем через часа два.

— Где я? — повторил я.

— А ты сейчас... в частной клинике какого-то хмыря, который заходил к твоей матушке. В Климовке, это в двух километрах от дома.

— Сам отсюда я выйду?

— Не знаю. Вроде не тюрюга. Вещи завозил позавчера, видел, что там садик небольшой, и люди гуляли. Оградка... Я бы перелез, ты — не знаю, что у тебя там с силой. Да и Валентина Альбертовна явно будет против. Она убеждена, что тебя теперь годами лечить

придётся.

— Ясно.

Новость слегка огорчила — я не особо представлял, что можно ожидать от моей маман, но всё говорило том, что домой лучше не возвращаться. По крайней мере, пока. К тому же, более идеального момента, чтобы выпорхнуть из-под материнского крыла в ближайшие месяцы — не было.

В телефонной трубке послышался женский голос, сказавший что-то недовольное, вроде “ну долго ты ещё?”. Сид ответил:

— Слушай, барь, там недалеко от тебя есть шикарное луороветланское кафе. Иди туда. Я тебе помогу и оттуда тебя вытащу. Только просьба одна небольшая...

— Продавать тебя я не буду, — сказал я, на ходу натягивая обнаруженную в шкафу куртку.

— Очень надеюсь. С недвижимостью бы помочь... Надоело уже в барском домике куковать.

Сначала мне подумалось, что Сид откровенно наглеет, но потом я подумал, что помочь будет вполне резонным в моей ситуации.

— Помогу, — кивнул я. — Хоть завтра.

— Спасибо! — обрадовался он. — У меня есть одна идея, и деньги есть кое-какие, но пока не решил. Хотя, конечно, буду всё по закону — куда ты, туда и я.

— Собирайся и выезжай ко мне уже, — прервал я его диалог

Вещей в комнате было немного: пара книг, гигиенические принадлежности и одежда. Натянув и расставив по карманам всё, что можно, а часть оставив, я вышел в коридор.

Где нос к носу столкнулся с крепкой тёткой в халате, тащившей капельницу.

— О, какой живчик! Вскочил. Эй, санитары!

Я толкнул её, повалив на пол вместе с подвеской для капельницы. В руке я заметил ключ, потянулся, чтобы схватить, но мою руку под локоть схватила мощная лапища медсестры.

С противоположной стороны с табуретки неспешно поднялся крупный мужик. Недолго думая, я подхватил свободной рукой стойку от капельницы и врезал сначала по державшей меня руке, потом в бок. “Только без увечий”, — прозвучало в голове. Не стоило оставлять после себя разные попытки причинить вред здоровью. Развернулся и ударил в плечо санитаря, оттолкнул его к стене, подлез под руку и вынырнул в дверь. Пока всё складывалось удачно. Теперь я оказался в небольшом холле. По центру было что-то вроде пункта медсестры, за столиками сидели больные, главным образом пенсионеры, а в больших панорамных окнах виднелась зелень сада.

— Куда! — воскликнула тётка, сидевшая в островке. — Светозар Михайлович вас не выписал!

От неё исходила неприятная, напряжённая аура, а в сжатой руке мелькнул амулет. Как только я взглянул на него — вмиг ноги стали ватными, расслабленными. Мне хватило воли отвести взгляд в сторону, и тут же эффект прекратился.

Рванул через весь зал к большим закрытым дверям. На стекле виднелась надпись: “Клиника доктора Каstellло”, а табуретка рядом пустовала — видимо, охранник очень удачно отлучился. Долгих две секунды понадобилось, чтобы повозиться с замком, за это время толпа из трёх моих преследователей уже почти настигла до меня, зазвенела сирена, но я выскользнул наружу и закрыл дверь на ключ.

В крохотном внутреннем саду, ограниченном с двух сторон флигелями, а с третьей — забором, тоже сидел дежурный санитар. Совсем молодой парень охранял парочку кемаривших на лавке пенсионерок и сам неспешно читал книгу. Услышав шум и приглушённую сирену, как-то совсем рассеянно поднялся со стула и направился ко мне, достаточно неспешно.

Я побежал по дорожке в противоположную сторону, мимо скамеек, а охранник зачем-то полез первым делом открывать дверь своим коллегам, видимо, посчитав, что это куда важнее. Видно было, что он сталкивается с побегом пациента впервые.

У одной из старушек рядом стояла четырёхопорная трость, я пробормотал:

— Мадемуазель, разрешите позаимствовать...

— Беги, милоч! — услышал я.

Подставил к ограде, как короткую лестницу, и уцепившись за ветви акации, я перекинул туловище через ограду, оттолкнулся и перелетел вниз, больно саданувшись плечом.

Меня встретила тесная грязноватая улочка, на которой в вечерний час почти не было прохожих. Мимо проезжала машина, я махнул рукой, заставив притормозить, и спросил водителя:

— Луо... луорветланская закусочная в какой стороне?

— Так это... “Лелекай”, что ли? Вон туда и полтора квартала в сторону церкви.

И я спешно зашагал навстречу свободе.

Сид приехал скоро. Я успел только найти нужную вывеску, сесть за свободный столик и попросить меню.

Кафе было оформлено в стиле северных народностей, подошедший круглолиций официант был одет в грубую рубаху не то из льна, не то из конопли. Блюда в меню показались мне, прямо скажем, внезапными. Вялено-тушёное мясо гагарок с проросшим ячменем — шестьдесят копеек. Ножки леммингов в соусе из клюквы — сорок девять копеек. Стейк из морской коровы — рубль с полтиной, строганина из оленины — семьдесят пять копеек, чайник кипрея с можжевельником и вареньем из морошки — двадцать копеек. Для начала заказал последнее. Как только официант отошёл от столика — мой комардин ввалился в кафе с видом опоздавшего на вызов пожарника. Сопровождала его хрупкая, на две головы ниже девица. В чёрном корсете, в бледном макияже и с множеством колючих браслетов на руках. Взгляд карих, немного восточных глаз был суровый и одновременно какой-то страстный. Она напомнила не то пантеру, не то в меру агрессивного той-терьера. Заговорила первая.

— Барь, отругай его, он гнал как очумелый. Оно того не стоило, — бросила она и небрежно протянула руку таким жестом, что её можно было и поцеловать, и пожать. Я выбрал второе.

— Это Софа, — представил Сид немного растерянно. — А это Эльдар Матвейч.

— Мы ж знакомились уже. Месяца три как, — девушка посмотрела на него с ухмылкой. — Так, мне тартар из оленины. И чтоб крови побольше.

— Я угощаю, — кивнул я подскочившему официанту. — Друзья мои, мне понадобится помощь. Домой я ехать опасаясь, хочу залечь на дно хотя бы до начала следующей недели. И нужно где-то переночевать. Съёмом квартиры озабочусь завтра.

София сверкнула азартным огоньком в глазах.

— Восемь рублей! И кресло-кровать твоя на ночь.

— Софочка, может, лучше сниму ему постоянный двор? — встрял Сид.

Предложение от неё прозвучало весьма внезапно, а мне не очень хотелось бросать тень на их взаимоотношения, поэтому я засомневался:

— Мне кажется, восемь — это очень много. Гостиницу я сниму дешевле, если вы подкините до ближайшей.

— Хорошо, давай за двушку, — Софья отвела взгляд и добавила. — Наличкой! За риск. Нам деньги просто очень нужны. Квартира у меня съёмная, старушка негодует, если придёт с проверкой, а я кого левого привела. Сиды и то недолюбливает.

Подумал — и согласился. Одной проблемой меньше.

— Хорошо, уговорила, если Сид не против. Только у меня нет налички. Совсем. Я даже не помню, где она может быть? — я вопросительно взглянул на Сиду.

Тот ответил.

— Ох, с этим проблемы. У тебя в комнате под шкафом был небольшой сейф, я видел. Кода не знаю. Если только целиком везти. Но как матушка ваша отнесётся...

— Очень хотелось бы забрать мои личные вещи из имения. Но пока, возможно что-то придётся позаимствовать у тебя, Сид. Про мою маму не беспокойся. Когда уляжется, я найду и объясню, почему мне нужно съезжать.

— Дело не в этом, — усмехнулась Софья. — И не прикидывайся, что не знаешь. Твоя маменька приплачивает ему за работу в имении. И домик у него там. И машина. Если он сейчас пойдёт поперёк барыни...

— Из домика я собираюсь съехать. Если, конечно, будет куда, и если работа будет, — Сид виновато потупил взгляд. — видно было, что парень чувствует зависимость от меня, но просить не хочет.

— Ничего. Завтра же начнём решать мои и твои проблемы.

Нам принесли блюда. Порции оказались здоровыми, и мы ненадолго замолчали, смакуя странную луороветланскую кухню.

— Луо... луороветлане — это где? Не припоминаю, — спросил я, ковыряясь зубочисткой.

— Сид, твой барь — двоечник. Чукчи это, — вполголоса сказала Софья. — Я и то знаю.

— Недавно отмечали столетие покорения луороветланского княжества, — Сид поднял палец для важности. — Воздвигли Золотую Ярангу для примирение двух народов в Анадыре и даровали дворянский титул десяти семьям... Вот чёрт...

Договорить у него не получилось. С соседнего столика поднялась малозаметная фигура, мужчина подошёл к нам, на ходу вытирая рот салфеткой. Черты его лица стремительно менялись, и вскоре он превратился в Светозара Михайловича Кастелло.

— Сбежали от меня, Эльдар Матвеевич, ай-яй-яй... — сенситив расплылся в ехидной улыбке. — Так жаль, так жаль. Такой интересный случай... Ну, вашей матушке я уже сообщил. Как вы думаете, сударь, почему я сейчас не ассервировал ваше сознание?

Ассервировать... подчинить, поработить — подсказала память.

— Сударь, я вам за барина морду начищу! — Сид поднялся с места, вставая в боксёрскую стойку, но тут же снова резко приземлился на стул от лёгкого касания по полечу.

— Не касайся его, не касайся! — завизжала Софья, оттаскивая обмягшего Сида за рукав.

Официанты испуганно попрятались за барной стойкой. Светозар Михайлович встал у края стола прямо напротив меня и продолжил:

— Причин несколько. Наша клиника частная, удерживать против воли лицо дворянского сословия, дееспособное, не признанное официально душевнобольным будет вредно для репутации. До комиссии вы не дотянули всего пару дней, да и, правда сказать, не факт, что таковое признание бы произошло. Я вижу, что ваше сознание успешно вернулось... в норму? Или нет?

— Вернулось. В норму, — сухо кивнул я.

— Другая причина — гнев вашей матушки. Не думайте, что она не любит вас и не желает добра, но её опека, если бы вы не предприняли попытку от неё освободиться, стала бы для вас губительной. Как ваш лечащий врач я не могу этого допустить. Но главная причина другая. Совсем другая. Нам будет гораздо интереснее наблюдать за вами, дорогой Эльдар Матвеевич, так сказать... в вашей естественной среде обитания.

— Нам. Общество. Вы из Общества, так? — предположил я.

В глазах Кастелло мелькнул странный огонёк — не то испуга, не то злости. Затем он усмехнулся.

— Вы серьёзно думаете, что я связан с этими... фанатиками? Я спешу. Мне ещё нужно оформить документы по вашей выписке. Успешной вам... жизни, или что бы у вас там ни было, Эльдар Матвеевич.

И он неспешно покинул кафе.

— Что, разрешилось? — предположил Сид, растирая затёкший загривок.

— Не знаю. Вообще пока не знаю. Пока следуем предыдущему плану. Домой я пока возвращаться не хочу.

Мы доели блюда, обговорив план действий и понаблюдав за вылезавшими из укрытий официантами. Вышло, что у Сида была работа в имении рано утром, потому приходилось возвращаться домой и оставить нас с Софией в квартире одних. Я расплатился, и пока София отошла в уборную, я спросил у Сида:

— Если тебя её идея про переночевать напрягает — вопрос с гостиницей всё ещё открыт.

После небольшой паузы он ответил:

— Не напрягает, барь. Тут в округе приличных гостиниц нет, а в Москву ехать — то же самое. А если ты про это... то я любую измену или намёк на неё учую загодя. Надо уметь доверять ? и ей, и тебе. Ты, конечно, теперь для меня тёмная лошадка... Мир ещё уничтожить хочешь, говорят...

Он выразительно на меня посмотрел.

— Мало ли чего мой прошлый разум сказал в бреду, — отмахнулся я. — Бедный парень... Не знал, что такое возможно. Уверен, что после ухода переселившегося сознания обычно наступает безумие.

— Это всё потому что, как ты выразился, “магия” у нас в мире? Непривычно? — усмехнулся Сид.

— Непривычно, — кивнул я, и мы прервали разговор, потому что подошла София.

— Ну, парни, сначала до банковского аппарата, мне тут кто-то наличность должен, а потом — поехали меня подвозить.

Прогулялись, и с подсказками Сида я обналичил пару рублей. Затем погрузились в тесную машину, и я поехал в сторону Москвы, где жила София.

Москва, если взглянуть на карту, здесь, как и в большинстве других миров имела круглую форму, правда, слегка с неровными краями. Одним из таких краёв на самом юге был район Чертаново, куда мы и направлялись. Мимо проплывали пейзажи, тысячи похожих на которые я видел во всех предыдущих моих воплощениях: безликие одинаковые многоэтажки, разбавленные крестами редких церквушек, коробками вычурных торговых центров и редкими скверами. Только вот колорит всё равно чувствовался — то тут, то там попадались белые стволы эвкалиптов и каких-то морозоустойчивых пальм, на плодовых деревьях в феврале виднелась яркая зелёная листва и цветы, а стены домов то и дело украшали странные и загадочные граффити.

По дороге позвонила мать. Уговаривала вернуться — сначала в больницу, потом в имение, говорила, чтобы не устраивал глупостей, и что “взгреет этого Сида, пусть только подумает перечить”.

— Это моё решение, мам, — сказал я спокойно и твёрдо. — И он — мой крепостной. Я обязательно вернусь к тебе, когда всё уляжется. А пока что мне надо подготовиться к работе.

— Да какая работа, тебе голову надо лечить!.. — зашла маман в длинной тираде, но я не выдержал и положил трубку.

Дом Софии оказался сравнительно-новой шестиэтажкой с тесной парковкой и кричащей вывеской “Пивная 24” на углу. Сид помог выгрузиться, обнял свою подругу и о чём-то тихо с ней побеседовал. Она хихикнула, взглянув на меня, поцеловала моего

комардина и повела меня наверх.

Хорошая пара, подумалось мне. Совсем неправильным было бы её разрушать.

Именно поэтому последующие несколько часов явились определённого рода испытанием. Софья быстро переделалась в ультра-короткие шорты и футболку-пижаму с розовыми мишками и безо всяких признаков предметов нижнего гардероба под ней. Включила музыку — тяжёлый “электроджаз”, как здесь говорили. Квартира оказалась достаточно просторной, однокомнатной, но с большой гостиной, в которой мне развернули кресло-кровать. Вокруг царил типичный беспорядок молодой студентки, лишь недавно почувствовавшей свободу от родительского контроля. Разбросанные тут и там предметы нижнего белья, стены, украшенные многочисленными плакатами музыкальных групп: в чёрном гриме, позирующие с косами и мечами. На одном из постеров изображалась полуобнажённая девушка в коже, привязанная к пыточному средневековому механизму в окружении четырёх музыкантов с гитарами. Мрачная, но весьма интересная эстетика.

Стол с невзрачным экраном рихнера, заваленный учебниками и конспектами и одинокой банкой не то пива, не то какого-то безалкогольного напитка. И здоровенное, в шесть октав электропианино со встроенной микрофонной стойкой, стоящее по центру комнаты.

Софья общалась мной общалась коротко. Видно было, что слегка стесняется и даже, возможно, боится.

— Жрать будешь? В ресторанах этих ваших хрен наешься, — спросила она, после того, как я переоделся в домашнее.

— Не откажусь. А можно воспользоваться рихнером? — спросил я.

— Угу. Садись.

Она достала из холодильника какую-то похлёбку, бросила в “быстропечку”, как тут называли микроволновки. Затем поставила тарелку, наклонилась через плечо, чтобы ввести пароль, на миг коснувшись грудью через футболку и тут же отстранилась. Я покосился на неё, и она поймала мой взгляд. Признаться, в этот момент я подумал — уж не проверка ли это на вшивость?

В этом теле у меня ещё не случалось ничего с девушками, а тут мы были совершенно одни и организм мой — возможно, вместе с прошлым владельцем — просто орал: давай, опробуй меня в действии. Никто не узнает, а она не будет против, подсказывал чёртик на левом плече. Всплывали в голове разные неприличные исторические аналогии про барское “право первой ночи”, включился азарт, и...

— Ты чего так пыришься на меня? — вдруг прямо спросила она. — У тебя, Сид говорил, девки не было ещё, да?

— Не было. Но... нет, — выдавил я из себя.

— Да я и не думала, — сказала она. — Ещё чего.

И тут же быстро ускакала в ванную мыться.

Возможно, об упущенной возможности поучаствовать в интрижке и стал бы переживать любой прыщавый подросток. Но я со своим многовековым опытом циника-Секатора знал: предавать близких людей — глупо. У Сида ещё много раз придётся попросить помощи, а заполучить врага в близком окружении я не хотел.

В общем, я попытался войти в рабочий режим. Некоторое время я искал в разных городских ресурсах цены на недвижимость и был слегка разочарован — на мои деньги купить что-то приличное в Москве не представлялось возможным. Садиться на иглу

съёмного жилья тоже не хотелось, поэтому оставался один вариант — что-нибудь в Подмоскowie. На первые года сойдёт. Тем более, учитывая, что половину рабочего времени мне предстоит быть в разъездах.

Выбрав несколько вариантов, я лёг спать и попытался уснуть. Софья не выходила из ванной больше часа, отчего юношеские фантазии продолжали переполнять голову. Но силы воли хватило — я вспомнил Нинель Кирилловну, наш первый поцелуй, у которого я застал только самое окончание. Смог переключиться и благополучно уснул.

Проснулся я от разговора на повышенных тонах прямо над моим ухом. Как это предполагала София, и как это бывает в несмешных водевилях — в квартиру заявила хозяйка и обнаружила меня, спящего в гостиной.

— Мужика что ль сменила, Софья? — спросила сухая старушка, глядя на меня сверху наподобие утреннего кота, просящего пожрать. — Или подработку нашла? Трусы опять по полу разбросанные, ай-яй-яй.

— Это не то, что вы подумали, это барь моего парня! — возмутилась Софья.

— Вот, правильно девка делает! — захихикала старушка и отошла в сторону. — Настоящая мещанка. Опытная. Нечего с крепостными, надо уровнем выше — сразу с барями. Куда перспективнее. Сенситивный, поди? Да-а, чую, нормального нашла, с силушкой.

— Олимпиада Степановна! Пожалуйста, не говорите так! Просто парня выгнали из дома, негде было заночевать.

— А своей квартиры нет, получается? — прищурившись, старушенция посмотрела на меня. — Какая досада! Хочешь, сдам. У меня в Химках есть, в Саларьево есть. Будешь эту гулёну к себе водить...

— Олимпиада Степановна, кажется? — уточнил я и поднялся с кровати. — Я попрошу вас обойтись без инсинуаций. Я здесь всего на одну ночь, вёл себя с вашей квартиранткой прилично и вольностей себе не позволял.

— А! Так вы с этим... с Сидом, поди, пожениться планируете? Что, право первой ночи? — старушка подмигнула, продолжала не то иронизировать, не то фантазировать. — Ладно-ладно. Не буду. Вижу, парень приличный. Я с тебя, даже, Софья, ни копейки за него не возьму — пушай себе сидит.

С этим видом собрала манатки и отправилась из квартиры. Я думал улечься спать обратно, как вдруг услышал грохот разбившейся об стену кружки, а затем сдавленное всхлипывание на кухне.

— Ты чего? — подошёл я к Софьи, которая скрючилась над столом.

В такие моменты не знаешь, что будет сделать правильнее — приобнять или оставить в покое. Учитывая ситуацию — предпочел вариант "просто дать выговориться".

— Она... она права. Я себя как последняя шлюха повела. Вчера подумала... мысль такая промелькнула, мол, ты приставать будешь, денег за амур предложишь, вы там дворянские богатые все. А я тебя шантажировать буду. Нет, я бы Сиду не изменила, нет. Не смогла бы, всё равно. Да и не нравишься ты мне.

— Не смогла, — подтвердил я. — И я бы не смог. Сид мне как брат.

— А Сид... он хороший, просто всё замуж не зовёт... Я ему правда ни разу не изменяла. Так, хотела, чтобы поревновал немного.

— Могу поговорить, намекнуть, — начал я.

— Не надо! — она строго зыркнула на меня мокрыми глазами. — Пусть сам додумается!

— Не переживай — ты не совершила ничего непристойного. Твоя честь и верность вне сомнений.

— Майка ещё эта... — она нервно дернула за ворот футболки, отчего я снова увидел чуть больше, чем она планировала. — Вырядилась как не знаю кто. Да и пригласила — чтоб Сид заревновал!

— Да чего я там не видел. А Сид у нас умный, не заревнует. Сейчас квартирный вопрос решим, и заживете нормально, сам тебя замуж позовет. Я вам помогу.

— Мне теперь ещё больше стыдно! Ты не такой урод, как я думала!

Она снова зашлась в рыданиях, и я решил, что меня это начинает раздражать — планов на день было достаточно, и затягивать не хотелось. Налил воды в кружку и сунул в ладони.

— Значит, так. Нам скоро звонить Сиду. Если не хочешь неприятных вопросов — тебе нужно себя привести в порядок. Выпей медленно короткими глотками, а потом завари чаю. Я сейчас приготовлю поесть.

В замызганном старом холодильнике обнаружили яйца — неприлично-крупные и, возможно, даже не куриные. В шкафчике нашлись масло и специи. Готовить я умел, хоть и предпочитал, чтобы этим занимались профессионалы.

Тем не менее простая глазунья из четырех яиц получилась превосходной. Софья вскоре окончательно успокоилась и уплела свою половину за минуту, пробормотав что-то вроде:

— Однокурсницам хвастать буду, что мне дворяне завтрак готовят!

— А вот это — не прощу!

Сид отзвонился и примчал через полчаса с парой здоровых пакетов.

— Рихнер твой вывез. И револьвер — опечатанный, передали матери из лечебницы. Сейф — нет, Илларионыч, зараза, упёрся. А! Тебе ещё тут форму прислали, будешь примерять?

Итак, утром того дня я впервые примерил китель курьера-подпоручика по особым поручениям. На удивление, форма подошла, разве что в плечах была чуть великовата: всё же, нынешнему телу физическую форму лишь предстояло улучшать.

— Хорошо сидит, барь. Куда теперь?

— А теперь... мы поедем тратить мои деньги и решать квартирный вопрос.

Сложно посчитать, сколько всего квартир я сменил и сколько домов, вилл, коттеджей я построил за свою жизнь. Жил в землянках, и в бункерах, и в роскошных дворцах. Последнее, правда, обычно приходилось уже ближе к старости, когда удавалось пробраться поближе к власти, стать владельцем корпорации или видным государственным деятелем, например, генералом или главой промышленного военно-промышленного холдинга. Но иметь своё собственное отдельное жилище я любил. Из-за склонности к мизантропии тесные апартаменты в многоквартирниках были мне противны.

Именно поэтому, прикинув свои финансовые возможности и оценив рынок недвижимости, я решил начинать с малого. Сначала мы с Сидом закинули Софью на работу — работала она продавцом париков в супермаркете — и покинули Москву. Спустя час мы прибыли в Успенское и посмотрели полузаброшенную избушку. Первый вариант мне не понравился. Следующим стал посёлок Голицино, расположенный в десяти километрах от офиса Курьерской службы и в паре километров от магистрали “Дворянский путь”. Там нашлась небольшая контора недвижимости, продающая участки “для мещан, мелких дворян и купеческих детей” с крохотными коттеджами под ключ.

Долго выбирать я не любил и остановился на третьем из осмотренных вариантов в посёлке. Далее последовали семь часов проверки у нотариуса и подписания договора, бумажной волокиты, выписки, регистрации и прочих бесконечных поездок по конторам. Вечером того дня я заглянул приложение “Кошелёк”.

“Платёжный счёт: 104 руб. 82 коп.

Накопительный счёт: 3170 руб.”

Удивительно, но на всё нам хватило одного дня. Тут сыграла и простота оформления, и отсутствие необходимости брать кредит, и приятные бонусы сословия, вроде прохода в различные жилищные бюро без очереди. Я стал беднее на двенадцать тысяч, но в руке лежала связка ключей. Первый ключ открыл хилые, скорее, символические решётчатые ворота. Перед ними распахнулись мои двадцать соток голой, поросшей мелкими сорняками земли, огороженные забором. Прошёлся по короткой парковке и воспользовался вторым ключом, открыв вход в жилище — крохотный моноблочный дом с черновой отделкой. Тридцать с небольшим квадратов: символическая прихожая-тамбур, небольшая гостиная, совмещённая с кухней, крохотная спальня, тесный и холодный санузел. Бонусом был чердак, неотопливаемый и всё ещё пахнувший свежесрубленным деревом стропил.

Включил электричество в щитке, проверил котёл, плитку и сантехнику — всё работало исправно. Как часто это бывает, обнаружилась небольшая трещина в штукатурке — но иного за такую цену я и не ожидал. Сид приехал ещё раз, привёз откуда-то старый матрас, постельное бельё, немного из посуды и распрощался — солнце уже закатилось, а путь до имения предстоял неблизкий.

Я прогулялся по грунтовой дороге к небольшому универмагу, стоящему на въезде в посёлок, у пары многоэтажных домов. Успел перед самым закрытием купить еды и что-то из недостающих предметов быта. Приготовил “быстролапшу” в “быстропечке”, принял душ, обнаружив, что вода имеет слабо различимый болотный аромат. Расстелил кое-как постель и вырубился в своём собственном доме мёртвым сном.

В субботу меня растолкал Сид, которому я дал связку ключей.

— Вставай, барь, веселье продолжается.

И — снова разъезжали весь день, заказывали и возили мебель, бытовую технику и одежду.

В перерыве между разъездами, когда Сид отлучился за очередной покупкой, а в одиночку собирал шкаф, к дома подъехал роскошный длинный “Кадиллак” — удивительно, но марка автомобилей с таким названием была даже в этом мире. Выбежавший шофёр приоткрыл дверцу, и из машины вышел высокий, под два метра ростом мужчина в чёрном пальто, лет тридцати пяти, с короткой, немного агрессивной стрижкой.

— Извините! Циммер здесь проживает?

— Да, — я выглянул из окна, на всякий случай нащупав револьвер, оставленный на окне.

Мужчина прищурился — солнце было яркое, и разглядеть что-то в окне наверняка было непросто. Затем немного неуклюже заковылял по грязи к дому, а водила засеменил рядом.

— Что вы хотели? Вы кто?

— Вы меня не помните? Леонард Эрнестович Голицин. Сын владельца... вот это всего. И ваш новый сосед. Вон моя усадьба.

Он махнул рукой в глубины посёлка, медленно спускающегося к реке — там дома становились крупнее, и между ними виднелся роскошный особняк в псевдорусском стиле, частично скрытый в строительных лесах. Голицин продолжал.

— Я работаю с вашим, получается, отцом? — он подошёл к окну и протянул руку. — Увидел знакомую фамилию среди новых покупателей и решил проверить, тот ли это Циммер.

По мере приближения я буквально кожей почувствовал, насколько мощная у него аура. Голицин явно был сенситивом, весьма мощным и опытным. Но интуиция, мой “нулевой навык” на этот раз подсказал, что руку пожать будет вполне безопасно — никаких вредных сенситивных эманаций не ощущалось.

— Тот, — я протянул руку в ответ. — Не помню, но будем знакомы.

Гость посмотрел целину в участке.

— Строиться будете? Или плодовое садоводство? Могу поделиться саженцами абрикосов и нектаринов.

— Пока не решил, — признался я. — Возможно, что буду.

— Ваш отец... не проявлял себя? — осторожно спросил Голицин.

— Нет. И вы же знаете, что я не могу дать ответ на этот вопрос. К тому же, если вы работаете с моим отцом — должны лучше меня знать, где он находится.

— Вы мне нравитесь, Эльдар Матвеевич! — Голицин указал на меня пальцем, изобразив выстрел из пистолета и направился обратно к машине. — Обращайтесь, если будут какие-то вопросы.

— Непременно.

Первое впечатление могло быть обманчивым, но знакомство показалось полезным.

До прочтения сообщений в телефоне дошёл только ближе к ночи. Писала мать — уже менее ультимативным тоном, приглашая на ужин, я ответил спокойно, мягко отказался и пообещал приехать через неделю. Сообщил, что недвижимость я нашёл, обустроился и всё в порядке. Пусть она и ведёт себя как тиран — всегда лучше попытаться успокоить, чтобы не было лишних волнений и ненужных попыток “причинить добро”. Ещё написали несколько однокурсников, включая Марка, который спрашивал, как у меня дела — коротко ответил,

что всё в порядке и поблагодарил за коллекцию видео. Которое так до сих пор и не посмотрел. Угроз, вроде бы, не поступало.

Следом была парочка куда более интересных сообщений.

“Чё, как ты там? Вылечился? Работу ищешь? Мне сказали, что стажировка всё же будет”, — писала Алла.

И от Нинель Кирилловны.

“Дорогой Эльдаръ Матвеевичъ... Какъ ваше здоровье? Изъ головы не выходить тотъ нашъ поцелуй. Мне грустно это говорить. Это былъ порывъ... Я не готова. Мне нужно хорошо закончить гимназию и успешно поступить въ академию. Мне страшно, что наше съ вами увлечение вскуржитъ мне голову и испортитъ учёбу”.

Сперва перечитал переписку с Аллой и присвистнул. Выяснилось, что она тоже собеседовалась в Курьерскую службу, тоже принята на должность подпоручика и собирается проходить стажировку.

Неужто она меня преследует, подумалось мне. Мы не были настолько близко знакомы, поэтому сделал вывод, что просто решила идти по пути наименьшего сопротивления. Благо, моему реципиенту хватило мозгов не наговорить слишком много фантастической чуши. Сказал лишь, что решение идти работать было не его, что он отказаться от вакансии и находится в больнице — благо, не уточнив диагноз и специфику заведения. Поэтому сейчас я просто ответил:

“Ну, в таком случае, увидимся в понедельник — я решил пойти”.

Второй же ответ я обдумывал и писал куда дольше.

“Милая Нинель Кирилловна. Я выписался изъ больницы и сменилъ место жительства — мы больше не соседи. Намъ совсемъ не обязательно торопить события. Но я очень хочу встречи с вами, и уверен, что это вовсе не навредить. Я бы предложилъ увидеться завтра, как вы смотрите? Скажемъ, часовъ въ пять, въ ресторане Лелекай?”

Поскольку городская сеть у меня ещё не была подключена, а искать с телефона адреса более подходящих ресторанов я ещё не научился — назвал уже знакомое место.

“Я подумаю”, — первый ответ пришёл почти сразу.

И чуть позже:

“Терпеть не могу луороветланскую кухню. Васъ устроить японский ресторанъ “Сытый Сумоистъ”?”

Разумеется, я согласился. Воскресенье — законный выходной даже у такого вечного трудоголика, как я. Встал я рано, и без будильника — вокруг было тихо, лишь монотонно шумел аэродук "Дворянского Пути" и тихо кричала лесная птица где-то на окраине поселка. Попугай? При таком климате — вполне возможно.

Позвонил Сиду и спросил, где находится этот ресторан. Тот объяснил и добавил:

— Я сегодня не могу, барь. Только в самом крайнем случае. Если что — могу знакомого таксиста подождать. По дешевке возьмет.

— Не откажусь. А, ещё, Сид, — я вспомнил об указании Корнея Константиновича. — Не поищешь на досуге, где можно найти подходящего тренера? Чтобы улучшил форму и рукопашку поставил, как надо.

С последним, как я подозревал, особых проблем быть не должно — навыки частично сохранялись из предыдущих жизней, что показала схватка в туалете аэропорта. Только вот мышечная память сохранялась от реципиента, поэтому для пробуждения навыка всё равно требовались тренировки.

— Не подскажу, Эль. Знаю некоторых по русскому рукопашному бою, но тебе-то надо сенсетивов. Спрошу у Софьи. А ещё — позвони своей тётушке, она должна знать некоторых — в молодости занималась.

Маргарита Генриховна ответила, проворчав что-то про “ранний час” — хотя в Верх-Исетске было на два часа больше. Объяснил ситуацию, и всё решилось достаточно быстро.

— Сейчас скину тебе телефон. Был у меня в девяностые один хахаль — специалист по кобудзюцу. Барбарискин Сергей Сергеевич. Скажи, что от меня.

Ближе к обеду, позанимавшись домашними делами и забронировав столик в указанном кафе, позвонил по указанному номеру.

— Меня зовут Циммер Эльдар Матвеевич, я племянник Маргариты Генриховны, она просила...

— Вот чёрт! Ритка? Она ещё жива? — голос был живой и молодой, хотя я догадывался, что носителю гораздо больше лет. — Чего хотел?

— Несколько тренировок и уроков по кобудзюцу. Где вы находитесь?

Обычно, если верить литературе, сенсей в таких случаях отвечал, что всё это в прошлом, и что он больше не берёт учеников. Я уже приготовился уговаривать и трясти кошельком, но дядька ответил:

— Я тружусь физруком в третьем энергетическом техникуме. На Каспийской. Ну... приезжай. После занятий, вечером. Вторник, четверг или пятница. Форму возьми, все дела. Как зовут, говоришь?

— Эльдар.

— Помню! Помню тебя ещё мелким засранцем, гостили вы с родителями как-то у Ритки на родниках. Эх, молодость. Ну, бывай.

Затем пришло время созвониться с Нинель Кирилловной. Ответила нескоро и говорила полушёпотом, слегка запинаясь от волнения.

— Эльдар Матвеевич, не стоило звонить... Матушка будет недовольна, если узнает.

— Я подъеду к вам на машине через час с небольшим...

— Не стоит! Я буду не одна. Со мной будет Альбина.

— Кто это?

— Моя гувернантка. Она посвящена в наши... В то, что случилось. Мы будем ждать вас у въезда в парк. Прощайте.

“Не, нам кузнец не нужен”, — вспомнилась крылатая фраза из какого-то знакомого кино. Свидание стремительно превращалось в странные посиделки с старушкой-дуэньей. Конечно, наличие постороннего человека на свидании казалось чем-то диким, но обратного хода я давать не собирался. Собрался, причесался и погладил парадный мундир подпоручика — как мне показалось, выглядел он весьма сносно и для торжественных мероприятий вполне годился.

На улице прогудела машина, и послышался громкий баритон:

— Эй, здесь проживает Эльдар Циммер?

Я выглянул в окно и мысленно выругался. Это была совсем не та машина, которая годилась для романтического свидания: здоровенный внедорожник, грязный, как будто на нем парой часов ранее устраивали тропическое сафари. Знакомый Сида с труднопроизносимой фамилией высунулся из окошка. Голос максимально не соответствовал внешности, потому что он оказался щуплым, каким-то не по годам сморщенным, и носил круглые черные очки. Протянул руку и представился:

— Осип Егорьев сын Волкоштейн-Порей, барин. Вас следует на "вы"?

— Да можно и на "ты", — я прыгнул на заднее сиденье.

— Окай.

— Слушай, может, заедем в автомойку? Невозможно же грязная.

— Танки грязи не боятся!

Мне показалось, что я слышал это выражение в совсем других мирах. Мы рванули с места, а в машине заиграл жесткий тяжеляк на смеси немецкого и норвежского, перемежаемый весьма интересными саксофонными вставками.

— Я серьёзно, Осип. Мы едем на свидание, и мне вовсе не нравится, что мы выглядим как после охоты на бизонов.

Машина резко затормозила на самом выезде из коттеджного посёлка.

— Щ-щас всё будет, не бойсь! — сказал водитель и выскочил из автомобиля.

Я увидел, как он подходит к дородному мужчине, который мыл на парковке свою старенькую машину при помощи портативной автомойки.

— Любезный сударь... Позвольте воспользоваться? Мой барин спешит на свидание, а я не успел заехать в автомойку. Буквально чуть-чуть.

Повезло — мы попали на весьма добродушного соседа. Мужчина улыбнулся и протянул ручку автомойки, и Осип направил струю на борта — я едва успел поднять стеклоподъёмник. Пять минут — и машина стала значительно чище.

Мы заплатили за “Дворянский Путь” и помчали в сторону Подольска.

— Если не секрет, барь, Сид как-то упоминал, что ты интересуешься “Обществом”? — спросил Осип, видимо, чтобы разбавить неловкое молчание. — Просто я тоже по призванию историк, и мне очень всё это интересно. Если, конечно, какие-то серьёзные секреты, которые крепостному знать нельзя — не говори, но вдруг...

— Интересуюсь, — кивнул я. — Для начала хотелось бы узнать, что ты знаешь сам?

— Ну... Общество. Существует то ли с семнадцатого, то ли с восемнадцатого столетия. Стояло у истоков сенситивики — “силознания”, как тогда говорили — как науки у нас в стране. Да и на Европейском полуострове вообще. Проработало первые способы определения процента сечения. Возможно, объединяет наиболее сильных сенситивов и скорее всего контролируется не то государем, не то бывшими боярскими родами. Скорее всего, помимо задач сугубо научных — ещё и какие-то функции “магического спецназа”, как пишут в желтых газетёнках.

— Спецназа? Очень интересно.

— Ну, это логично, потому как враги у государя и правящих родов есть как внешние, так и внутренние.

— Почему же тогда о них так мало известно? И почему ты об этом всё знаешь?

Вопрос был глупый и скорее провокационный — об ответе можно было догадаться самому. Осип усмехнулся.

— Барь, ты же с хорошим процентом сечения? Я вот крепостной, но у меня в роду евреи были. А у них он от природы приличный, вот мне и досталось по наследству ноль девять процента. Вряд ли даже первый навык раскрою, но зато многое чувствую и понимаю. А у Общества, по слухам, есть способность скрывать своё существование от людей с низким процентом сечения. Ну, к этому — СМИ, все сетевые ресурсы, прочее под их контролем.

— Внутренние враги — это кто же? Демидовы?

— Возможно, они, да. Польские рода ещё — Потоцкие, Мнишеки. Весьма серьёзные. Не

даром Республика Польская у нас Российское Конго отжала.

— Российское?! Конго?

— Ну да. Новости не читаешь, барь? Ещё в декабре. Юрисдикция и верховные органы Империи, а преимущественное право на землю, компании и разработку ресурсов — Польша. В обмен на статус Варшавы как свободного порта. Уж больно нам короткий выход в Северное Море нужен.

Мы поговорили ещё про политику — парень оказался весьма образованным и интересным, хотя многое из того, о чём он говорил, пахло конспирологией — например, утверждал, что сенситивы способны менять группу крови и проникать в сны. Пока я не понял, насколько глубоко парша магии способна воздействовать на человека, но опыт показывал, что такие убеждения складываются из баек и слухов.

С другой стороны — удивительно было, как крепко держится местное общество. Внутренних противоречий было предостаточно — и сословия, и национальности, и, главное, деление на сенситивных и “нечувствительных” — и, всё равно, Империя располагала колониями на четырёх континентах.

— Слушай, а про род Антуанеску что-то знаешь?

— Это который барон? Слышал, вроде бы он управляющий колониальными месторождениями в Западном Газовом Картеле. Они, говорят, под контролем Австро-Венгерской монаршей клики в изгнании. С другими картелями бодаются за месторождения в колониях.

Мы проехали по знакомой улице мимо нашей усадьбы и дома Нинель. В душе что-то шевельнулось — но я знал, что это не моя ностальгия, а ностальгия моего предшественника, увидевшего моими глазами знакомые стены. Доехали до парка и припарковались, я написал сообщение “Нинель Кирилловна, я на месте, ожидаю вас”.

Пошли волнительные минуты ожидания. Сколько бы тысяч свиданий не было в предыдущих жизнях — ожидание каждого последующего вызывает волнение. Но это волнение, конечно, исключительно-приятное. Буквально за пару минут до прибытия я спохватился и спросил Осипа:

— Цветы! Здесь принято дарить цветы девушкам на свидании?

— Что значит — “здесь”? В вашем сословии? Конечно, принято. Сейчас организуем.

Он метнулся куда-то в глубины парка, а спустя минуту вылез с букетом из смеси весенних лесных цветов и сорванных где-то на клумбах ирисов.

И очень вовремя. На улице как раз возникло два силуэта — знакомый худенький сюжет Нинель Кирилловны и силуэт её “дуэньи”. Честно говоря, я представлял кого-то постарше и потучнее — эдакую семенящую позади старушку в переднике. Всё оказалось совсем не так. Упомянутая гувернантка Альбина оказалась двухметровой смуглой мулаткой лет тридцати — тридцати пяти. В коротких тряпичных шортах, делающих её ещё более похожей на баскетболистку, с рюкзаком, в коротком спортивном топике и короткой стрижкой. Нинель же оделась в лёгкое белое платьишко, а волосы уложила в два задорных пучка, что превращало её образ в персонажа японской анимации.

Я галантно принял руку и поцеловал. Протянул букет.

— Как красиво!

— Присаживайтесь, — я приоткрыл заднюю дверь автомобиля.

— Это Альбина, — представила Нинель свою компаньонку. — Пусть лучше она сядет сзади, а я — спереди. А то ещё цветы помну.

Ни в одном из миров я не был выше метра восьмидесяти пяти, и женщины, которые значительно выше, всегда вызывают некоторую оторопь, смешанную с азартом и интересом. Насколько я мог вспомнить, мне приходилось иметь близкие контакты с высокими спортсменками, более того, я припоминал, что один раз даже получил некоторую травму в ходе таких развлечений. Пикантности добавляла весьма фривольная одежда, практически не оставлявшая простора для фантазии. Тем не менее, нынешним объектом моего внимания была совсем другая девушка. И сидеть рядом с двухметровой мулаткой вместо зазнобы совсем не возникало, но меня опередили. Альбина резво прыгнула в приоткрытую дверь, пробормотав:

— Хорошая машина, главное, что высокая.

Голос оказался красивым, с контральто. Я повёл Нинель к передней двери автомобиля, как вдруг услышал бешеный рёв двигателей и визг резины со стороны улицы.

На парковку влетел, развернулся и закрыл нам проезд яркий, жёлто-красный спорт-кар, из которого резво выпрыгнула троица бритых парней в чёрных кожанках. Глядя на биты и стволы в их руках, я понял, что свидание будет безвозвратно испорчено.

Я инстинктивно и немного грубо нажал на плечо Нинель, заставляя её нырнуть внутрь машины и пригнуться. Захлопнул дверь.

Все трое были похожими друг на друга — крепкими ребятами с короткими стрижками. Один был кавказцем, второй походил на азиата, а третий, высокий, был подозрительно безоружным и остался стоять у машины.

— Какие-то проблемы? — спросил я, но в ответ кавказец замахнулся битой и пошёл на меня.

— За Игоря! — рявкнули из спорткара — получается, там был четвертый.

Рука легла на ствол. В машине у Осипа переключилась песня, вокалист запел зычным гроулингом под глухой бласт-бит на барабанах с неизменным саксофоном на фоне — до чего же музыка в параллельных мирах бывает похожей! Откуда-то сбоку вынырнула Альбина и словно шар боулинга снесла идущего на меня кавказца с битой.

Я включился в игру. Пистолет вынырнул из кобуры, перевернулся в руке, и движением снизу вверх я въехал прикладом по подбородку азиата, увернувшись от дубинки. Удар отозвался болью в руке. Все же, стычка с ультрас и драка в туалете аэропорта были совсем недавно. Рядом возник Осип, из голенища его сапога показалась короткая телескопическая дубинка. Похоже, приятель Сиды тоже был не промах и повидал всякое. Взмах — и пошатнувшийся от удара азиат схватился за руку с перебитым запястьем.

В этот момент стоящий поодаль высокий выстрелил, пуля просвистела в паре сантиметров от глаз. По звуку я определил, что это пневматика, оглянулся: боковое стекло машины Осипа пошло мелкой сеткой, но не разбилось. Хорошо, что не огнестрел, промелькнула мысль, но расслабляться не стоило. Мне приходилось в прошлых жизнях терять зрение, и повторять этот опыт не хотелось.

Осип увидел в чем дело, отступил за машину и рявкнул:

— Швайн, у него ствол!

Альбина сидела верхом на кавказце, вбивая его голову в асфальт и не замечала угрозы. Я увидел, как стреляющий целится ей в голову и не раздумывая выстрелил в него.

— А! Твою мать! Он меня ранил! — высокий схватился за бедро, из которого хлестала кровь. — Огнестрел!

Признаться, я был одновременно и рад, и огорчён, что не убил его. И удивился, что в принципе попал. Видимо, минимальных мышечных навыков стрельбы у реципиента хватило, чтобы успешно наложить на них мои. Азиат медленно отступал к машине. Похоже, они не предполагали, что я буду с оружием и не один. Нет, они не были бойцами, не были профессионалами, понял я. Все, на что хватило бюджета у Игоря — банда подмосковных недобандюганов, мелких рекетиров, не имевших дело с нормальными стрелками.

Я продолжал держать раненого на мушке, но он больше не думал стрелять. Доковылял до двери и рявкнул:

— Отступаем!

Азиат с перебитым запястьем пробормотал:

— Хозяин сказал: «надо»...

И снова пошёл на меня, утерев кровь с носа и перехватив дубинку здоровой рукой. В этот миг Осип взобрался на багажник своего джипа, затем вспрыгнул на крышу, а затем

словно пантера обрушился на идущего на меня азиата. Повис на плечах, молотя трубой по спине, затем, когда они оба повалились, резво поднялся и наподдал сапогами.

— Прекратить... — слышался ровный, но властный голос из спорткара.

Стекло опустилось, в окне показался лысый, сухой старик. Он держал в ладони блестящую безделушку, покачивая её из стороны в сторону.

— Вы отпустите наших людей. Ты подойдёшь к машине...

Я не запомнил, что ещё он бубнил под нос, но очнулся только тогда, когда стоял всего в метре от его двери, держа в руке мобильник. Трава и воздух вокруг меня словно расцвели, а протянутая рука старика с мерно-качающимся амулетом звала к себе, звала. Но я нашёл силы оторвать взгляд и обернуться. Вокруг меня стояли четверо — двое нападавших, Осип и Альбина. Все забыли о травмах и ссадинах и молча глядели в глаза старику, истекая кровью.

— Стой! — прорезался тонкий голосок позади, повторивший распевно. — Оторвись, оторвись...

Дальше всё закрутилось снова. Еще один мой выстрел — сам не понял, куда. Больше не стрелял, берёт патроны. Удары — ощутимые, но не причинившие большого вреда — в бока и плечи с обеих сторон, я молотил в ответ кулаками и прикладом, меня держали и толкали вниз, распахнутая дверь машины со вжавшимися в угол раненым стрелком, мощный кулак Альбины, пролетевший мимо меня и врезавшийся в окно, в морду старика. Выстрел из травмата, вскрик Осипа и в финале — свисток полицейского и рёв двигателя мотоцикла со стороны улицы. Двое недобитков запрыгнули на заднее сиденье, спорткар сорвался с места и помчал с парковки, едва не сбив спешащих на выстрелы жандармов. Один успел развернуться и отправился в погоню. Второй подъехал к нам.

Я оглянулся. Альбина помогла Нинель выбраться из машины. Бедная девушка всё ещё сжимала в руках изломанный букетик цветов, выглядела при этом ещё более измученной, чем её побитая компаньонка-телохранитель.

И тут до меня дошло, что произошло. Только второй сенситив мог прервать поток гипноза, который своим амулетом навёл на нас старик. И этим вторым сенситивом оказалась дражайшая Нинель Кирилловна.

— Спасибо... — проговорила она. — Я, похоже, раскрыла первый навык... Вы спасли меня, мой рыцарь, а я — вас. Жаль, что не получилось свидания...

На миг она остановилась и потянулась в мою сторону, не зная, обнять на прощание, или нет, но её удержали за плечи.

— Мы идём домой, Нинель Кирилловна, вы устали, — буркнула Альбина, оглянувшись на Осипа и сказала, усмехнувшись. — С тобой, красавчик, я ещё повидаюсь. Больно хорошо дрался.

Они пошли обратно по дороге к поместью. Мотоцикл жандарма проехал мимо них, не обратив никакого внимания.

— Ни с места! — рявкнул полицейский на нас. — Документы!

Дальше была рутина: опрос, оформление, осмотр повреждений машины, страховщики... Выехали обратно мы спустя два с лишним часа. Более всего я волновался о том, не дошли ли новости до матери, но всё обошлось.

На обратной дороге Осип давал непрошенные советы по общению с девушками — я слышал их уже тысячу раз и знал всё не сильно хуже. А ещё мой водитель восхищался Альбиной и весело комментировал произошедшее.

— Какая крепкая, прекрасная женщина. Смуглая, горячая. Как прекрасно поставлен хук

справа! Я почти влюбился. Ты же спросишь у своей зазнобы, барь, как у неё телефончик? Я даже с тебя ничего не возьму. Правда, ни копейки. Классное же приключение получилось, согласишься? Ну и что, что свидание обломилось...

Не любил чувствовать себя сводником, но обещание выполнил и вечером спросил в переписке у Нинель Кирилловны. Она ответила со смайликом и телефон дала, но после выдала то, что мне вовсе не хотелось услышать — свою старую шарманку про необходимость учиться.

«Намъ пока стоитъ прекратить общение. Но только живьёмъ. Вы мне очень нравитесь и близки. Но я вижу, что рядомъ съ вами происходятъ какие-то неприятности, а мне нужно набраться силы для учёбы. Я буду счастлива продолжить переписку с вами, Эльдаръ Матвеевичъ. Пишите мне чаще...»

Мне ничего не оставалось, как писать.

Следующее утро меня разбудило шумом строительной техники прямо под окном. Выглянув, я обомлел. Над моим забором возвышалась стрела здорового передвижного крана, которая спустя пару минут подняла с погрузчика и плавно понесла через забор... домик Сиды. Мой комардин уже крутился на земле в углу участка, подкладывая с рабочим какие-то блоки и подкидывая щебень. Пока я производил утренние процедуры и готовил завтрак, всё уже было закончено.

Накинув халат и нацепив уличные тапки, я почапал через целину к своему новому соседу.

— Привет. Это чего за самодеятельность? Круто, конечно, но мы это не обговаривали.

Сид пожал мне руку и довольно улыбнулся во все тридцать два зуба.

— Всё во исполнение кодекса о крепостных. «При смене места жительства барина более чем на тридцать километров крепостной, исполняющий обязанности дворового из перечня „А“, обязан...» и далее по тексту. Ты же не написал бумагу о разрешении не менять место жительства? Вот я и перестраховался. А то потом вдруг случится чего...

— Так откуда я знал? И я как-то жил же в Верх-Исетске, пока ты оставался в усадьбе.

— Матушка твоя ещё была до совершеннолетия поверенной, она писала бумагу.

— Ну, — я почесал легкую щетину на подбородке. — С другой стороны, я обещал вам с Софьей решить жилищный вопрос. Будем считать, что он пока временно решён. Сколько за переезд отдал?

— Не дороже денег, всё из своих накоплений. Тебе, барь, платить без надобности. Сейчас электричество и трубы осталось подвести. Счётчик отдельный заведу, платить буду исправно.

— Подготовь счёт, или как там это делается, с электрикой помогу. Отвезёшь меня?

— Сейчас, перекушу только.

Один серьёзный минус у этого мира, всё же, присутствовал. Сервис доставки готовой еды, заказываемой в одно нажатие с мобильного, здесь развит не был — как я надеялся, пока. Видимо, при достаточном числе крепостных и людей, готовых работать у состоятельных мещан надомными работниками, эта потребность у людей отсутствовала.

Ну, ничего, подумалось мне. Наверняка ещё доживу до периода расцвета подобных сервисов. Разрушать страну мне хотелось всё меньше, к тому же, она идеально подходила для того, чтобы разрушить весь мир целиком. Оставалось только построить правильную карьеру и быть взаимовыгодным тем, кто помогает мне в осуществлении цели. Завтраком я со своим камердинером, конечно же, поделился, но заодно задумался о получении прав — благо, с

прошлых жизней я помнил, как водить машины.

Садовое кольцо у Москвы здесь тоже присутствовало. Меня встретили вполне знакомые шумные магистрали в тисках старинных каменных строений и офисных высоток. С Садового мы свернули на набережную Яузы, где раскинулся достаточно скромный ансамбль зданий центрального офиса Курьерской императорской службы.

— Всё, барь, дальше пускают только с синими номерами, — Сид притормозил у небольшой парковки.

— Со служебными, то есть?

— Дипломатическими, служебными, личным автотранспортом крупных родов.

Распрощавшись, я направился к нужному подъезду. У входа стояла толпа людей, человек двадцать в такой же форме, что и у меня. Все чуть постарше меня и парочка «возрастных», ближе к сорока. Примерно дюжина мужчин и вдвое меньше женщин. Все парни выглядели вполне прилично, хотя серьги в ушах, бородки и чуть более длинные волосы выдавали в некоторых достаточно неформальных личностей. Одна из девушек была роскошной «афророссиянкой», причём, по-видимому, нилотом: стройная, с чёрной, как уголь, кожей и пышными волосами, совсем не вязавшимися со строгой формой и вполне красивыми чертами лица.

Другая девушка обернулась и, завидев меня, тихонько взвизгнула, подбежала и набросилась на шею, коротко обнявшись. Я даже не сразу сообразил, что это была Алла — уж больно отличалась одежда и причёска.

— Здорова. Забыла сказать спасибо, что навёл на вакансию! Похоже, тут круто. А я тут уже со всеми познакомилась. Смотри, вот это Лукьян, он тоже в наш офис будет работать, — тут она перешла на шёпот, сказав. — Тот ещё зануда, ещё и не дворик, но надо привыкать.

«Дворик». К такому жаргонному сокращению наименования собственного сословия я готов не был. Лукьян оказался высоким скуластым блондином, почти альбиносом, с выпученными рыбьими глазами и весьма надменным выражением морды лица. Он выглядел недовольным — то ли оттого, что Алла своими короткими обнимашками спровоцировала его на ревность, то ли в принципе тем, что она так вольно себя повела.

— Лукьян Мамонтов. Ты, полагаю, Эльдар? Алла мне про тебя уже все уши прожужжала.

Он смерил меня оценивающим взглядом, но руку всё-таки пожал.

— Тот самый. Мамонтов... это те самые Мамонтовы?

— Те самые? Что ж, сомневаюсь, что ты про нас слышал. Мой отец — купец второй гильдии, занимающийся продажей ассенизаторных систем. Ты так сказал, чтобы польстить мне, так делать не нужно.

Я не растерялся.

— О, мне как раз нужен септик для контейнерного домика моего комардина. У вас же есть магазины, куда я могу обратиться?

Лукьян фыркнул.

— Для комардина. Личный камердинер? Что же он сам не занимается своей сантехникой? Признайся, что это ты тоже сказал, чтобы похвастаться своим дворянским титулом. Между тем, как ты понимаешь, многие купцы гильдии отца куда состоятельнее малоземельных дворян и занимают большее положение в обществе. И, да — частными системами канализации мы не занимаемся, только промышленными, для микрорайонов и заводов.

Парень всё ещё казался мерзким, но начал мне нравиться: люблю людей, которые честны и указывают на соперничество с первых минут общения. К тому же, он неплохо разбирался в психологии, а такие соперники куда интереснее дубоголовых идиотов. Но градус я всё-таки решил понизить.

— Что же ты тогда пошёл в курьерскую службу? Меня и Аллу вот отчислили из вуза, подозреваю, похожая история?

Лукьян поморщился.

— Я закончил энергофакультет филиала Экономической академии в Туле, — парировал парень. — Мне странно, что ты считаешь наши должности не престижными. Попадание в столь серьёзную структуру, в отдел особых поручений — очень поможет энтерпризе моего отца. К тому же, я хотел повидать мир...

В этот момент ворота открылись, и толпа начала медленно всасываться в помещение. Учебный центр состоял из раздевалки, скромного буфета и достаточно небольшой аудитории с одиночными партами. Впустивший нас пожилой дядька со здоровенными усами оказался штабс-адъютантом и методистом курсов. Как выяснилось, нам предстояли и часы практики, и загадочные «мероприятия по нейропрограммированию», стоящие пару раз в неделю, при упоминании которых по залу прошёл одобрительный шум. Обрисовав план, проверив состав и выдав комплекты из тетрадей и ручки, штабс-адъютант впустил первого из преподавателей.

Молодой мужчина выглядел как самый настоящий эльф из соответствующей литературы. Худой, с утончёнными чертами лица, высоким аристократическим голосом. Преподавал он курс «Деловой этикет и основы дипломатии». После нескольких вопросов в аудиторию, выяснивших средний уровень познаний, он прошёлся по истории сословного этикета и основам психологии.

Из зала, откуда-то с задних рядов поступил резонный вопрос:

— Прошу простить великодушно, а зачем нам психология?

Преподаватель улыбнулся:

— Рад, что вы старательны в учтивых оборотах. Представьте, что вам предстоит доставить ценный груз в наше представительство на другой континент. Конечно, в силу возраста в первых ваших рейсах, доставка будет производиться в команде. Однако какова вероятность, что основного нашего курьера настигнет беда, и понадобятся дипломатические рычаги по вызволению его из сложных ситуаций.

— Для этого есть сотрудники посольства или консульства, — парировал человек из зала.

Я посмотрел на него — под тридцать лет, худой, в круглых очках и с копной волос до плеч, форма мятая, как будто он снял её с предыдущего хозяина. Эдакий не то хиппи, не то панк из Основного Пучка.

По залу от его реплики прошли смешки. Кое-кто, по-видимому, понимал, что о некоторых из задач и интересов клиентов Курьерской Службы идут вразрез с интересами кланов, управляющих колониями и посольскими ведомствами. Дворянские дома — дело хитрое.

— Хорошо, давайте устроим небольшой практикум. Я — глава полиции городского района Кейптауна. Вашего старшего товарища забрали в тюрьму за незаконный провоз предмета искусства.

— На территорию Южноафриканского Союза или с территории?

— Разумеется, с территории. Вы находитесь у него в кабинете. То есть, у меня в кабинете. Ваши действия.

«Хиппи» сдвинул стул в проход, чтобы лучше видеть преподавателя, упёрся ногой и принялся его раскачивать.

— Ну, для начала — уточнить, имеются ли в помещении сенситивы, — сказал он и добавил вполголоса. — Кроме меня.

Он принялся напевать что-то себе под нос. Аудитория замолчала, в воздухе повисла напряжённая пауза. Преподаватель кивнул.

— Ну, хорошо, допустим, у вас есть на то навык и достаточный процент. Допустим, сенситивов нет — в Южноафриканском Союзе процент их крайне низок. Что дальше?

— Дальше всё просто. Вы берёте ключ. Встаёте с места... Идёте к камере с моим товарищем и открываете её...

В зале повисла гробовая тишина. Я увидел, как парень гладит красивый резной браслет у себя на запястье. Преподаватель покорно кивнул. Поднялся с места, нашарил где-то в ящике под столом ключ. Прошёлся через половину аудитории к большому стенному шкафу и открыл дверцу. На пустых полках среди стопок бумаг стояла полупустая бутылка какого-то спиртного, не то коньяка, не то виски.

Над аудиторией пролетели робкие смешки. Рука преподавателя потянулась к бутылке, но вдруг нырнула куда-то глубже, выудив короткий острый кристалл. А затем аудиторию пронзила яркая вспышка света, заставившая всех закрыть глаза и дёрнуться назад.

Послышался грохот. «Хиппи» не удержался на стуле и с грохотом опрокинулся вниз. Преподаватель-эльф же превратился в разъярённого орка и попёр на курсанта, который неуклюже поднимался со стула.

— Как вас зовут?

— Тукай Коскинен, ваше благородие.

— Вы наверняка читали Дворянский Кодекс. Одним из известных постулатов оно, знакомых даже гимназисту, является правило не применять индивидуальные средства парализации воли без угрозы для жизни по отношению к другому дворянину либо человеку высших сословий. Что было бы, если бы на мне не было предметов защиты, и я совершил что-либо противоправное?

— Ваше благородие, это же был практикум! — оправдывался Тукай. — Я полагал, что внутри курса применение сенса вполне допустимо.

— Допустимо. Но не в аудитории, а на индивидуальных занятиях и по предварительному разрешению. Это всё равно, что махать пушкой со взведённым курком посреди площади, говоря, что учишься стрельбе. Не говорите, что не догадывались об этом.

— Догадывался, — сокрушённо сказал «хиппи».

— Я в шаге от того, чтобы поставить вопрос о вашем отчислении с курса, — преподаватель продолжал рвать и метать. — Откуда это у вас? Оно задекларировано? Это аккумулятор и матричный парализатор с векторным усилением, правильно понимаю?

— Нет, это... простой источник с небольшим зарядом и без программы, — Тукай растерянно приподнял рукав, обнажив артефакт. — От дедушки достался. Я сам транслировал матрицу в ходе сеанса. И сам выставлял вектор... на вас.

Преподаватель замолчал. По залу прошёлся одобрителный шёпот. Даже Лукьян за соседним столиком пробормотал:

— Недурно.

— Вопрос о вашем отчислении снимается, — преподаватель поджал губы и, развернувшись, зашагал обратно к кафедре. — И молитесь богу, или богам, чтобы ваши навыки не заинтересовали разведорганы. Они вас с потрохами съедят. Итак, продолжим...

Далее был академический час практики, в ходе которого мы писали дипломатические письма — достаточно скучная и рутинная процедура. После наступил долгожданный перерыв. Первые лекции после десятилетий, проведённых вне стен учебных заведений, всегда тянутся вечность.

Группа окружила Тукаю и задавала нескромные вопросы: сколько процент сечения, где учился, где купить артефакты и тому подобное. Кто-то даже предложил обменяться

крепостными и расчехлил мобильное приложение “Мой двор”. Лукьян держался в стороне, всё ещё надеясь, что будет центром внимания. Поняв, что это безнадежно, снизошел до общения с нами.

— Ну и что, что у Тукая высокий процент. Сенс ещё никогда не был панацеей. Все мои предки носили не выше одного процента и ничуть не страдали — достигли высот, как видишь.

— Применительно к системам канализации правильнее сказать — глубин? — сказала Алла и задорно хихикнула, а затем пихнула его кулаком в плечо. — Да ладно, чо ты, я шучу. Высоты, я вижу.

После обеда началась лекция по «Международной логистике и геополитике». Вел её высокий дядька со странными чертами лица, представившийся Иваном Ивановичем Кузнецовым. Хотя определить настоящую национальность, как и звание господина, представлялось крайне затруднительным — не то северянин, не то индеец.

— В общем, забудьте всё, о чём вас учили в ваших учебных заведениях. Все учебники истории про крупнейшие мировые конфликты исходят из другой расстановки блоков, нежели сейчас.

Он включил проектор, отобразив карту.

— Вот Европейский Полуостров. Центр мировой цивилизации. Здесь вы видите отмеченные представительства Курьерской Императорской Службы. Скажите, командировка в какую страну выглядит наиболее безопасной?

— Норвежская Империя! Минимальный уровень уличной преступности! — выкрикнули с места.

Лектор усмехнулся, видимо, это была шутка, и она ему понравилась. По новостным передачами и историческим энциклопедиям уже понял, что Норвежская Империя является одним из давних врагов империи Российской.

— Кастилия? — предположила Алла. — Мне всегда нравилась Кастилия.

Преподаватель кивнул.

— Страна дружественная, конечно, но... Нравилась?

— Ну, или Греция. Или Каталония. На худой конец — Сицилия.

— Пляжи? — усмехнулся Иван Иванович.

— Пляжи! — кивнула Алла.

— Под Саратовом на Каспии пляжи ничуть не хуже. А уж Трабзон... Или, на худой конец, Сочи. Ещё варианты?

— Австро-Венгрия, — предположил Лукьян. — С ней же вроде бы сейчас достаточно союзнические отношения?

— Скорее, вооружённый до зубов нейтралитет, — усмехнулся один из сороколетних. — Как будто она нам с Малороссией не помогла. Тогда уж Пруссия. С ней официальный военный союз. Как и с Люксембургом.

— Он же отмёл Грецию, — немного небрежно махнул рукой в сторону преподавателя второй «возрастной». — И Сицилию, а с ней тоже союз. Какой-то другой критерий должен быть.

— Истамбул? — предположил Лукьян.

Преподаватель покачал головой.

— Де-факто он на треть принадлежит нам. Проливная Территория в совместном владении с Грецией и Австро-Венгрией. И я бы не сказал, что при этом город безопасен.

— Швейцария, — не унимался Лукьян. — Абсолютно-нейтральная страна. За всё время существования ни одного признака агрессии в нашу сторону.

— Ну неужели Бавария? — предположил Тукай. — Она же союзник Норвегии. Или что социалистический блок?

— Сербия, — предположил я.

Опыт подсказывал, что даже в столь отдалённой от Основного Пучка реальности Сербия окажется союзнической. По залу разнеслись смешки, но, неожиданно, я угадал — преподаватель тыкнул в меня пальцем с кафедры.

— Ваш вариант самый близкий к истине, молодой человек! Да, Сербский Деспотат возглавляется уже второй десяток лет националистической военной хунтой. Да, расстрелы несогласных. Рабские условия для рабочего класса, как говорят социалисты. Север страны в руинах после войны с Австро-Венгрией. Но даже самый последний бандюган с автоматом или «закованный в кандалы», как пишут некоторые газеты, работяга там не тронет российского дворянина при исполнении. Скорее отведут в дом и накормят досыта.

— Обожаю сербскую кухню, — добавил Тукай.

— В общем, я рад, что среди ваших вариантов не оказалось ни Английской Империи, ни Франции. С первой у нас до сих пор не подписан мирный договор и есть споры в колониях, а вторая всегда будет рада воткнуть нож в спину, даже если закупает у нас газ. Есть ещё один вариант, близкий к истине — Эстляндия. Островное карликовое государство, население меньше ста тысяч. У них по договору отсутствует армия, и нас там за века угнетения настолько сильно ненавидят, что боятся. Ни одного случая ареста российского дворянина. В случае какой-либо оплошности вас просто посадят на катер и отправят в Петербург.

— Так какой правильный ответ, ваше благородие? В какую страну безопаснее всего командироваться?

— Да по большому счёту, ни в какую. Везде есть свои риски. И сейчас мы их разберём.

Лекции по географии и геополитике я люблю. Да что любил, обожал. Как иначе нежели через них нащупать болезненные точки в этом мире. Честно говоря, когда всё закончилось, и все засобирались домой, я даже слегка расстроился, что всё так быстро закончилось. В гардеробной, когда я уже готовился вызвать такси, подскочила Алла.

— Так, ну что, в кабак? Отметим начало курса. Лукьян, эй, может тоже? Я знаю тут поблизости отличный баварский ресторанчик. С шикарными коктейлями, подруги водили.

Лукьян поморщился.

— Терпеть не могу ресторанную еду. Готовить нужно дома. Без химикатов. В крайнем случае в домашних сельских столовых.

— Ужас, какой он скучный, — прошептала она и бойко схватив меня под локоть, скомандовала. — Пошли!

— Пошли, — недолго думая, согласился я.

По дороге Алла пару раз попыталась подсунуть мне ладонь под локоть, чтобы идти под руку, но я старался держаться на некоторой дистанции. Поскольку я от природы молчалив, говорила много, навроде:

— Нет, ты не подумай, я вообще не любительница по кабакам. Просто когда ещё в Москву выберемся. Погода хорошая.. Как тебе Тукай? Не, ну нельзя же так прямо в аудитории. В преподавателя ещё. Дичь какая-то.

— Угу.

Когда уселись в кабаке и я заказал «Ингольштадскую колбаску из стопроцентной

говядины с горчичным соусом» за бешеные два рубля, монолог продолжался.

— Я вот думаю, а не придётся ли мне девицей лёгкого поведения в поездках трудиться? Вот зачем они симпатичных девушек берут на работу курьером? Наверняка же чтобы легче бюрократические препоны проходить, да? Я же красивая, да?

— Красивая, — кивнул я.

— Спасибо! Мне кажется, раньше ты более разговорчивый был. Что случилось-то? Девица какая-нибудь, да?

— Да как сказать... — я решил ответить уклончиво.

— Есть девушка, да? Или в Верх-Исетске осталась? Я с купчишкой там одним встречалась. Под тридцатник уже, третьей гильдии. У папаши у него торговый центр был. Брюлики подарил, на горячие источники свозил разок. А потом узнала, что он ещё с двумя роман крутит, прикинь, какой козёл? Послала я его, в общем. Как раз перед отчислением.

На этих словах она излишне громко забулькала трубочкой от коктейля, а в словах зазвучали слёзы. Что-то слишком часто рядом со мной девушки плачут, подумалось мне. И снова это паскудное желание приобнять, обогреть и успокоить. И воспользоваться, тем более, судя по всему, она был была вполне не прочь? Я отогнал эти мысли, мотивировав тем, что мне ещё придётся с ней работать. Да и Нинель Кирилловна... каким бы циником я не был, привязанность из мозга выкорчевать очень тяжело.

Впрочем, плакать всерьёз она не собиралась, а я решил, что стоит проявить минимум участия.

— Колбаску вон хочешь? Половину оставил.

— Хочу! — она изменилась в лице и бодро принялась за остатки моей порции.

— Козёл он у тебя был. Всё нормально будет, вон сколько мужиков на курсе, наверняка кого-то найдёшь.

— Да ну, с коллегами как-то не того, — сказала она с набитым ртом, но я заметил хитрый огонёк. — То есть я красивая, да?

— Ну да, считаю, что вполне красивая.

— А что у меня более всего красивое... Хотя ладно, о чём это я.

Она всё же разговорила меня, и разговор проходил на той тонкой грани, за которой можно скатиться в достаточно рискованный флирт, но мы вовремя остановились.

— Расскажи о ней, давай. Я же рассказала. Кто она?

Я взвесил все за и против, оценил то, что могу говорить, а что нет, и решил всё же немного раскрыться.

— Ну... Выпускница гимназии. Дворянка.

— Целовался хоть с ней?

— Ну...

— Ладно, не говори. Сенс? Тоже, поди, мощный процент какой-нибудь. Подобное к подобному тянется.

В этот момент Алла как-то грустно вздохнула.

— Не помню точный процент. Возможно, и не говорила. Но в районе пяти.

— Крутяк. А я тут бесталанная сижу.

Неужели ревнует? Или просто завидует? Разумеется, я по-прежнему мало понимал е сенситивике, но захотелось приободрить. А заодно расспросить кое-какие вещи.

— Да ну брось. Из полутора процентов тоже можно сформировать отличные навыки. Ты бы какой навык себе хотела?

— Конечно, артефактное матрицирование. Что, зря, что ли, училась?

— Ну есть же другие. Тоже полезные.

— Ага. Всякие стихийные? Которые спонтанно у невыявленных возникают? Нет, есть, конечно, гипноз и бителепатия... Тоже у нас распространено и востребовано. Телекинез, пирокинез, но это очень редкое. Термоконтролинг. В средневековье всех перевешали, кто склонен был, а потом по дурдомам рассовали. На северах только остались всякие мансюки и эти...

— Алеуты? — предположил я.

— Ага! В общем, сейчас лишь бы меня взяли после курсов. А то я квартиру сняла, а мамка сказала, что помогает только месяц.

— Где сняла?

— Во Внуково. На окраине, на выезде в сторону Голицыно. За сорок в месяц.

— Голицыно? Я сейчас там живу.

Я даже не знал, рад ли я, что мы оказались соседями. Рассказал, как приобрёл участок и обосновался, и как Сид перевёз свой домик. Алла воодушевилась и резюмировала просто:

— О, отлично! А тебя сейчас твой этот... волосатик заберёт?

— Нет, Сид занят, на такси поеду.

Она громко звякнула стаканом, позвала официанта и потянулась к телефону.

— Значит так. Я сейчас плачу за ужин, а ты вызываешь такси, и по дороге меня закидываешь, идёт?

Пришлось согласиться, хотя такси из центра Москвы вышло дороже ужина. По дороге разговорились про политику, но разговор быстро перешёл на курорты, оказалось, что в детстве родители возили её в Грецию.

— Там я первый раз видела, как работает матричный предмет, — сказала она. — Мальчик начал тонуть, и мужик с пляжа его взглядом поймал, скоординировал и правильно грести руками заставил. У него браслетик был. Я тогда прямо увидела, как он засветился. Хотя, может, и показалось.

Мне вспомнились два предмета: короткий костяной нож в руке Игоря и амулет в руке того худого деда на «Свидании».

— Слушай, а не знаешь, где... амулетики прикупить?

— В Дворянском доме, конечно, — она странно посмотрела на меня. — Или ты про черный рынок? Ха, тут надо спросить у наших будущих коллег. Говорят, в Курьерской очень многие приторговывают. А зачем тебе?

Я рассказал, стараясь упоминать минимум терминов, деталей и предыстории, о том, как меня преследует какой-то тип с мощным парализатором воли.

— А тип — мощный сенсей?

— Вряд ли, — я пожал плечами. — Мой ровесник.

— Либо вундеркинд, либо у него слишком много ассигнаций. Ну сам подумай, откуда у ровесника способности перебить твой щит какой-то дешёвкой?

— Мой щит?... — не понял я, и вдруг в голове стрельнули, словно легкая мигрень, воспоминания. Воспоминания не мои, а моего сокамерника по черепной коробке.

Шестнадцатилетие. Лицо отца. Возможно, тогда я его видел в один из последних разов. «Мы теперь будем редко видеться, сын. Носи его с честью и не применяй сверх меры. Хотя он и сам не даст...»

Итак, мой пистолет был артефакторным. Заговоренным на точность в моих руках и

осечку в чужих, на малозаметность, а также на защиту от психического воздействия. Именно поэтому я, девятнадцатилетний балбес, стрелял так точно, и поэтому он так часто помогал мне в драках.

Дальше я ехал молча. Когда машина выехала в город, миновала пару развязок и припарковалась около достаточно унылой старой девятиэтажки, она на миг остановилась, приоткрыв дверь.

— Вот думаю. Позвать тебя полку прибить. Или, всё-таки, попрошу Галю. Пожалуй, Галю. Ей завтра четыре часа как раз отрабатывать.

— Галя — это твоя гувернантка?

— Ага. Ладно, счастлива.

Она коротко ткнулась носом мне в щёку и убежала, не дав принять решение. Впрочем, я и сам не спешил к ней в жилище, всё-таки, моим объектом внимания была совсем другая дама.

Пара километров по дороге и я оказался в коттеджном посёлке. Там меня ждал сюрприз из неприятных. Сид стоял рядом с двумя жандармами, а в одном из стекол его домика виднелась значительная дыра.

— Поджечь пытались, барь! Камень кинули, обернутый тряпкой, ладно он между рам застрял, и я на участке был. Не знаю, с чего мне мстить?

— Это не тебе мстили, — мрачно констатировал я. — А мне. Сообщил в жандармерию?

— Сообщил, придут, осмотрят. Да я уж тоже подумал, что это те же ребята, которые тогда в аэропорту. Просто не разобрались, где твой домик, а где мой.

— Либо просто припугнуть. Это ты ещё не видел, что сделал тот старик, когда мы с Осипом на свидание ехали.

— Барь, может, позвонишь в Дворянский дом? Попросишь чего-нибудь. Я, кстати, звонил в жандармерию по той перестрелке в Подольске. Поймали одного, говорят, Осипа на дознание вызовут.

Решение проблемы, предложенное Сидом, выглядело рабочим. Наскоро поужинав полуфабрикатами, как истинный студент, я нашел в адресной книге мобильного телефона «Двор.дом» и приготовился к сложному разговору.

«Здравствуйте. С вами говорит автоматон Московского Дворянского Дома. Если ваш вопрос касается работы мобильного раздела „Мой двор“ и носимых цифро-сенситивных устройств — извольте нажать один. Вопросы про десятину и крепостных, нажмите два. Если ваш вопрос касается поместья, производств и недвижимого имущества — три. Касаемо брачных договоров, наследства и помощь нотариуса — четыре. Ветеранам, участникам боевых действий и для записи в офицерские корпуса — пять. Вопрос, касающийся безопасности и сенситивных воздействий — шесть. Для записи на аудиенцию к великому князю и министрам...»

Не дослушав, я нажал на шестерку.

На самом деле, инстинкт требовал решить всё самостоятельно, не прибегая ни к чьей помощи. Например, просто слетать обратно в Верх-Исетск и открутить этому Игорю башку. Но опыт показывал, что это не последний мой противник. Что это только цветочки, и будут и ягодки, и лучше приберечь силы на них. На войне все средства хороши, к тому же, под угрозой были здоровье и жизнь Сиды. Если есть возможность разобраться чужими руками — это будет куда проще и эффективнее.

Автоматон продолжил. «Если ваш вопрос касается словесного шантажа, нарушения чести и достоинства — один. Если вопрос касается сенситивных воздействий или прямой угрозы для жизни — два.»

Выбрал двойку. Ответили на удивление быстро, девушка затараторила:

— Алло, добрый день, угроза представляем вам в данный момент?

— Эм, нет. Вроде бы нет.

— В таком случае — представьтесь, пожалуйста.

Я подтвердил личность, и диалог продолжился. Обрисовав ситуацию с нападениями и шантажом, правда, не назвав личность своего врага, я спросил, что делать. Перед тем, как ответить, девушка грустно вздохнула — похоже, история была частая.

— Вы не верите в традиционные правоохранительные органы, я правильно понимаю? В первую очередь, я могу предложить вам услуги частного детектива и телохранителя — сенситива. Они помогут вам решить найти виновных и обезопасить вас от негативных пси-воздействий.

— Сколько стоит такая услуга?

— Так... Двадцать пять рублей в день — это детектив и пятьдесят пять — телохранитель. Можно пару телохранителей — за восемьдесят. Оплата минимум за пять дней.

Прикинув, я понял, что моя зарплата подпоручика будет съедена меньше чем за неделю, и вежливо отказался.

— Есть какие-либо более бюджетные инструменты?

— Если вы знаете вероятного участника преследований, мы можем составить заявку в комитет межродового взаимодействия. С просьбой повоздействовать на молодого человека при помощи старших родственников. Однако, вы говорите, это Уральский Дом...

— Тот самый.

— В таком случае, я бы рекомендовала вам приобрести средства сенс-защиты из последней коллекции дома Фаберже...

Разумеется, платить за амулеты и красивые статуэтки стоимостью в годовую зарплату я был не готов. После пяти минут диалогов мы дошли до преискуранта более бюджетного камнерезного дома «Соколов», и я заказал три предмета за бешеные триста пятьдесят рублей.

Во-первых, кольцо Моментальной Защиты с зарядом на три срабатывания, гарантирующее «стоцентную защиту от пси-воздействий и парализаций, распространённых в традиции российской сенситивики». Во-вторых, статуэтку «Пожарник» с автоматическим пожаротушением в радиусе двести метров. И в третьих, цепочку «от слабого ментального воздействия» за двадцать рублей, которая, как я уже потом

предположил, была простой бижутерией.

Доставку пообещали произвести на следующий день.

Вечером ко мне в домик постучался Сид. Выглядел взволнованным и слегка неуверенным.

— Барь, тут такой вопрос. Я могу... Софью сюда привести, а? На ночь... Шуметь не будем, обещаю.

— Да хоть бы и шумели. Прямо сегодня? Сегодня не стоит.

— Нет, ты что. Мне прибираться ещё и прибираться. В какой день тебе удобнее?

Я вспомнил, что собирался потренироваться в рукопашке и разрешил приехать на следующий день, во вторник.

— Спасибо! И ещё. Я тут халтурку нашёл, звукорежиссёром в пролетарском театре. Подмену знакомого до лета. Когда заплатят, десятину скину, как полагается, только есть одна загвоздка. Получается, на курсы мне с тобой по пути, а вот возить тебя на работу в Успенское, возможно, не всегда будет получаться. Такси придётся. Ты... водить-то умел? Ну, раньше?

— Умел. Надо вспомнить и купить какую-нибудь машину. Потом подскажешь, как права получить.

В самую темень Сид убежал куда-то и пришёл с двумя рабочими, которые залезли на столб и прокинули два тонких кабеля: до моего домика и до домика Сиды. Подмахнул договор — удовольствие стоило два рубля в месяц — и наконец-то на моём рихнере появилась полноценная Московская Цифровая Сеть! Ознакомившись с порталами, я нашёл раздел «Классика российской кинематографии» и решил посмотреть два фильма с самой высокой оценкой и числом просмотров. Очень легко попасть впросак, когда не знаешь популярных фразочек из фильмов, которые смотрели все. Качество, как я и ожидал, было жутким, но для просмотра хватало.

Первый фильм 1965-го года состоял из трёх серий и рассказывал о незадачливом, но умном камердинере-очкарике. Сперва он подрабатывал на стройке поместья, где ему попался вредный пьющий батрак из вольных крестьян, которого он приучил, замотав в линолеум и избив веником. В следующей серии барин отправил очкарика учиться инженерному делу в Москву. Назревал экзамен, и главный герой, которого звали Шурик, случайно в парке подсел к студентке-мещанке с отличным конспектом, да так увлёкся, что дошёл вслед за ней до её дома и даже лёг с ней в одну кровать, при этом оба ничуть не замечали друг друга. Дальше повторная случайная встреча, свидание, и долгожданный поцелуй. В третьей серии рассказывалось, как дворецкий подговорил трёх бандитов устроить липовое ограбление, чтобы скрыть растрату и выбить у барина денег на охрану. Однако в этот день консьержка — «божий одуванчик» — попросила подменить Шурика на посту. В итоге троица бандитов была благополучно схвачена и отправлена в жандармерию.

Ближе к середине я уже начал вспоминать сюжет, показалось, что видел его уже несколько раз в других мирах, а взглянув на фамилию режиссёра, я понял, что не ошибся.

— Леонид Гайдай, — пробормотал я. — Где-то я уже видел твои фильмы.

Да, среди творческих людей часто встречаются люди-парадоксы, протыкающие своей сущностью всю Крону Древа. Время было уже за полночь, но я открыл следующий фильм. «Мир и Война» рассказывал о войне России с Наполеоном — ещё одним таким парадоксом. Здесь меня ждал сюрприз. Сперва я подумал, что этот фильм является более поздней интерпретацией событий: дворяне разъезжали по Петербургу начала девятнадцатого века не

только на лошадях, но и на паровых повозках. По полю боя шла не конница, а медлительные угловатые танки, а в небе зависли дирижабли. Пришлось остановить просмотр и углубиться в историю науки и техники. Здесь ждала прямо уйма открытий.

Нет, конечно, я знал, что в ветвях, отличных от Основного Пучка, может случаться всякое, и что ряд отдалённых древнеримских реальностей пришли к ядерному апокалипсису ещё в средние века. Здесь же всё было по-другому. Первый в мире паровой двигатель — конец семнадцатого века, Строгановы. Первый в мире пароход — тоже Россия, эпоха Петра Первого. Первый в мире двигатель внутреннего сгорания — 1830-й, Польша, находившаяся тогда в составе России. Первый самолёт, правда, изобрели в Луизиане, но тоже очень рано — в 1860-м году. Первый полёт человека в космос состоялся в 1929-м. Россия участвовала в ожесточённой гонке с Норвежской Империей и проиграла каких-то пару дней. В общем, местная Россия прошла очень похожие этапы истории, обгоняя своих двойников на полвека в плане технологий. Я дочитал до «первого публичного полета на дисколёте» в 1978-м и решил прекратить исторические изыскания, потому что клонило в сон.

Уже лёжа в кровати ответил на пару сообщений. Матери о том, как прошёл первый день на стажировке, и Нинель Кирилловне, та тоже спросила, как мои дела, и я достаточно коротко, но ёмко описал свой день, рассказав о поимке подозреваемых и пожелав «сладких снов».

Утренний будильник я встретил неожиданно бодрым, видимо, попал в ту удачную фазу сна, когда даже небольшое число часов дарит бодрость.

Машина Сиды, трассы, Москва. На этот раз чуть не опоздал, и Алла встретила меня у входа, легонько стукнув в плечо:

— Мог бы и забрать! По дороге же.

— Прости, не подумал.

— Да ладно, я тоже постеснялась что-то позвонить.

Первые лекции были по артефактам и матрицированию. Некоторые термины вызывали у меня отклик и казались знакомыми — «блок-образ», «мыслеалгоритм», «интуитивное структурирование» и так далее. На обеде Лукьян пытался разговорить меня и Аллу, и, возможно, исправиться за вчерашнюю надменность, хотя получилось это не очень хорошо.

— Ты говоришь, отчислили тебя? Было за что, получается?

— Не было, — немного резко ответил я. — Межродовые тёрки, знаешь ли.

— Что, прости? Не понимаю твой диалект.

— Трения. Непреодолимые разногласия со сверстниками.

— Ясно. Эти дурацкие подростковые банды — попытка поиграть во взрослых. Гормоны... Тем, кто чуть умнее и менее похож на животного приходится нелегко.

— Точно.

Я даже слегка удивился такому сочувствию, но Лукьян не преминул напоследок уязвить.

— Не удивительно, что вы не справились с ними. Вы, наверное, еще увлекаетесь... этими восточными мультиками?

— Было, но это в прошлом.

Алла разрядила обстановку, спев с набитым ртом какую-то малопонятную строчку про динозавров, видимо, из популярного мультфильма.

После обеда была практика по «Вычислительной грамотности»: нас провели в тесный кабинет и посадили по двое за рихтеры. Вела предмет худая женщина лет сорока, в форме, но с кучей разноцветных косичек и фенечек на запястье. Алла села к одной из девушек, а ко

мне подседа та самая роскошная негритянка, которую я заметил ещё днём ранее. Разумеется, в прошлых жизнях мне приходилось жить на разных континентах и встречаться с представителями разных рас, и особых предубеждений у меня не было. Тем более, какие могут быть предубеждения, если Империя обладает колониями на четырёх континентах? Однако именно нилоты — самые чернокожие из африканцев, а также первобытные масаи раз от раза поражали воображение своей инаковостью.

— Самаира, — представилась она, подав узкую и непривычно-длинную ладонь, которую я аккуратно пожал. — Ты же Эльдар, кажется?

Говорила она абсолютно без акцента.

— Так точно. Очень приятно.

— Я подседа, потому что вообще не понимаю в этих штуках... Мой отец говорит, что это всё от Сатаны, и дома их быть не должно. Надеюсь, ты подскажешь мне?

— Вполне понимаю вашего... твоего отца, Самаира. По правде сказать, я тоже не очень хорошо разбираюсь в компьютерах. То есть, в рихнерах.

— В компах, — Самаира хитро мне подмигнула. — Я два года прожила в консульстве в Кейптуэне и совсем не стыжусь англицизмов...

Лекция началась от азов, по которым пробежались настолько быстро, что я, как мне показалось, едва успел запомнить. Хотя кое-что, как это часто бывает, подсказала память моего реципиента. Производителей рихнеров в России оказалось три: «Нойман» производили, в основном, офисные модели, «Швабе» — развлекательные, игровые и дизайнерские, а «Эльбрус» специализировались на серверах — «раухрихнерах» и промышленных вычислительных машинах. Разрешены были к использованию в домашних целях также луизианские «Циско» и «Миссисипи» и прусские «Электролюкс», а японские, английские и норвежские строго запрещались из-за наличия шпионских «закладок».

Что-то говорили про разный процент камнерезной и «альтернативной» электроники, пробежались по основам безопасности, а затем приступили к сути лекции — обучению использования простейшими программами. В том числе выдали учётную запись для работы в злополучной системе заявок.

«Циммерь Эльдарь Матвеевичь. Подпоручикь. Рангъ — стажёрь-новичокь. Рейтингъ — 0 балловъ. Выполненныхъ поручений — 0. Заработано премиальных — 0 руб.».

Половину из функций я уже успел интуитивно освоить, но кое-какие новые приёмчики показались весьма полезными. За время практики Самаира несколько раз тесно прижималась плечом, вглядываясь в монитор и как бы случайно клала руку на мою, перехватывая мышку, тут же отдёргивая и смущаясь.

Реакция моего организма на подобную близость и прикосновение была соответствующей возрасту и степени воздержания. Добавляло пикантности то, что Алла то и дело бросала на нас хмурые взгляды, почти не скрывая ревность. Да, думалось мне, надо что-то решать. В бордель, что ли? Сид что-то упоминал про филиппинок-массажисток, но к подобным платным средствам я прибегал всего пару раз за все мои жизни. Когда занимаешься любовью не за деньги — это намного приятнее.

Нет, подумалось мне, надо что-то решать, и решать цинично и поскорее. А неземная любовь к Нинель Кирилловне подождёт.

В конце занятия на экранах повисла мелкая, но очень подробная схема занятия,

напоминающая шпиргалку. Пара человек сфотографировали её на свой мобильник. Затем пришёл методист, приведя достаточно молодого парня-блондина, вылизанного, в странном фиолетовом пиджаке и со здоровенными золотыми кольцами на каждом пальце.

— А сейчас, господа студенты, будут проведены мероприятия по нейропрограммированию. Ваше присутствие на месте будет означать согласие. Рекомендую положить конспекты перед собой, можете пролистать, если вам так удобнее, а затем откинуться на спинку кресла.

Самира и ещё один парень-азиат тут же поднялись с места и молча ушли.

— Религия не позволяет! — тихо проворчал Лукьян. — Ладно, посмотрим.

Парень начал ходить по рядам, подходя к каждому из студентов, касаясь конспектов, экрана рихнера, а затем на секунд десять застывая около лба. Нейропрограммирование — это очень дорогая процедура, вспомнилось мне. Всего пара тысяч человек по стране умели делать это. Памятуя о случившемся со Светозаром Михайловичем, я, признаться, испытывал некоторое волнение. Уж нет ли здесь какой-то подставы, и мою личность опять перепишут? Но судя по реакции моих соседей, процедура была привычной, ничего плохого не происходило. Юноши и девушки просто закрывали глаза, несколько секунд сидели неподвижно в креслах, Алла, например, тихонько пробормотала:

— Шик!...

Когда дошла очередь до меня, а ледяные пальцы нейропрограммиста коснулись висков, лёгкая короткая боль прошла кожу головы и ушла куда-то вниз, но затем стало нестерпимо приятно и интересно. Весь цикл лекций за два дня, включая мельчайшие детали, прокрутился перед глазами и, казалось, запечатался в сознании настолько прочно, что я мог повторить даже интонацию лектора, наклон строк и курсив каждой буквы на доске.

Когда я открыл глаза, я увидел, как нейропрограммист, направляясь к следующему курсанту, на миг обернулся и, слегка нахмурившись, пробормотал:

— Странно... редкий случай. Очень мощный барьер.

Когда закончили с последним, группе дали посидеть в креслах пять минут, а когда начались смешки и досужие разговоры, попросили на выход. После занятий у меня предстояли занятия по кобудзюцу. Я уже успел позвонить Сергею Сергеевичу, моему будущему тренеру, вызвал такси и подошёл попрощаться с однокурсниками, как вдруг ко мне подбежала Алла:

— Слушай, ну чего, — он упёрла палец в моё плечо, то ли смущённо, то ли с упрёком. — Полку повесишь? У Гали что-то не получилось.

Намёк, жест и смущение были более чем многозначительными. Ответ я дал сразу, хотя решение далось мне с трудом. Определённая часть меня просто кричала, что нельзя не воспользоваться таким предложением. Что всё очевидно. Что я должен бросить все дела и планы и помчаться в эту тесную арендованную квартирку юной и открытой для отношений девушки, чтобы там...

Но нет, сказал разум. А моя природная рассудительность, ответственность, подкреплённая невыжженной частью стеснительного характера моего реципиента и его же влюблённостью, подтвердили выбор.

И тут же мозг предложил компромисс.

— Мне нужно на занятия по рукопашке. Давай ближе к полуночи, если ты не...

— Ну, вешать полку ближе к полуночи как-то слишком, — немного разочарованно усмехнулась Алла. — Ладно, завтра тогда поговорим. Успешного... чего бы там ни было.

Когда я ехал в такси, то подумалось, что второго шанса не будет. Скорее всего, теперь она потеряет интерес и переведёт отношения в разряд дружеских. С другой стороны, так будет куда лучше и комфортнее для работы, потому что служебные романы, особенно в таком раннем возрасте — серьёзная помеха карьере и стажировке. Да и тренировка куда важнее. Нарушать договорённость с тренером было бы неправильно.

Мы ехали по району достаточно унылых пятиэтажек. Такие районы середины двадцатого века постройки есть в каждой реальности, которую я посетил — при росте рождаемости и урбанизации всегда возникает потребность в дешёвом городском жилье.

Припарковавшись у весьма симпатичного здания с колоннами в античном стиле и заплатив таксисту, я пошёл искать нужный вход. Главный, как сказал Сергей Сергеевич, не подходил и мне пришлось миновать ворота, у которых курила парочка студентов-люмпенов, смеривших меня презрительным взглядом, но не приставших. Видимо, подумали, что я курьер при исполнении и мне лучше не мешать.

Во внутреннем дворе, в крыле, в котором располагался спортивный зал, обнаружилась посеревшая табличка «Клубъ кобудзюцу Сай. Вторникъ, четвергъ, пятница». Миновав коридор и поискав по стрелкам на стенах нужную дверь, я спустился в цокольный этаж и вошёл в тесное и слабоосвещённое помещение.

А в следующий миг мне по носу прилетело черенком от швабры.

— Твою мать! — выругался я, схватившись за переносицу. — Что за?

Я отступил назад и через боль огляделся. Играла музыка, уже несколько раз слышанная ранее попса на японском. Большое, истрёпанное и слегка подгоревшее в углу полотнище с самураями и ниндзями висело под узким потолочным окном. Троица парней разного возраста, упражнявшихся на тренажёрах в углу, приостановилась и с интересом разглядывала меня. А прямо передо мной стоял низкорослый седой мужичок, подтянутый, но с красным пивным носом и шваброй наперевес. На скамье около стены стояли две жестяные банки пива “Столичное”.

— Чего припёрся? — он неодобрительно поднял взгляд на меня. — Я же сказал, кредит не верну!

Швабра сделала оборот, оперевшись мне в грудь, отчего я опять отступил назад. Затем описала полукруг, готовая врезаться мне в челюсть, но я успел отклониться.

— Какой живчик! А ну иди сюда.

Я отступал вдоль стены. Признаться, у меня даже перехватило дыхание — настолько я был возмущён. Нет уж, вешать полочку было бы куда приятнее.

— Сергей Сергеевич! Мы с вами договаривались по телефону. Что за хрень, вы обещали... Вы, блин, пьяны! Как вы ведёте занятия? Я возмущён до глубины души!

— Нормально ведёт, — буркнул один парень.

Сам тренер опустил палку, почесал затылок и сказал:

— Что-то припоминаю, да. Вроде как звонил кто-то. Я думал, что это опять кредиторы лазейки ищут, чтобы меня найти. А чего в форме?

— С занятий. Где у вас раздевалка? Нужно переодеться.

— Ну, раз с занятий, то лови...

Договорить и переодеться он не дал — швырнул в меня швабру, затем, крутанувшись и оттолкнувшись от стены, схватил из короба у стены ещё одну. Взмах, обманный манёвр, разворот. Я парировал удар. Один удар по плечу, второй — уже спустя моего касания. Через минуту я уже поменял своё мнение. Нет, несмотря на лёгкое опьянение и возраст, Барбарискин явно был хорош. Впрочем, и я был не промах — реакции угадывать движения и совершать уклонения хватало. Однако недавние сражения и ещё не до конца восстановившиеся мышцы дали о себе знать, я запыхался и отошёл в сторону.

— Ну, что я могу сказать, молодой человек... — тренер кинул швабру в угол. — Как тебя? Эльдар?

— Да.

— Тебя же кто-то учил? Навыки явно есть.

— В Верх-Исетске. Занимался немного.

— Не важно. Удивительно только, как при таких навыках хреновая физическая форма. Переодевайся — и на тренажёры. Парни покажут.

— А мы так и будем — на швабрах?

— Школа Кобадзюцу Ниден-Энеруги подразумевает использование любых подручных предметов. Для успешного применения в любом месте. Главным образом — для уличных боёв. Хотя техники на традиционном оружии тоже пройдём. Но сначала — набирать мышечную массу.

Спустя три часа занятий я ехал домой, чувствуя себя, как выжатый лимон. Нет, некоторые техники показались мне знакомыми, но организм к такому не был готов. Когда уже подъезжали, неожиданно зазвонил телефон. На экране высветилось “Собеседник неопределён”, я подумал, что это звонит отец и принял звонок.

— Да!

— Ну, получил мой подарок? — послышался приглушённый голос Игоря Антуанеску. — Как думаешь, какой будет следующий?

— Нахрена она тебе, Игорь? Та крепостная с севера.

— Ты хорошо маскируешь страх... Ты меня боишься, я знаю, да-а.

Он говорил с шипением и странной интонацией, явно подражая кому-то. Персонажам, мультфильмам, чему угодно. Меня это скорее позабавило — я не знал контекста, и выглядело это, скорее, нелепо.

— Парень. Нас с тобой ничего не связывает. Найди новый объект для преследования. Я же далеко, кайфа же никакого. И своего ты всё равно не добьёшься.

— Что такое “кайф”? — после небольшой паузы спросил Игорь. — Опять что-то из твоих любимых мультяшных словечек?

— Мотивы. Мне не ясны твои мотивы.

После некоторой паузы Игорь всё же ответил.

— Может, мне нравятся юные северные девочки? Может, власть... А может я просто хочу больше узнать. Дневник, Цим-циммер. У тебя есть дневник, в котором много ценной информации. Я знаю это. Ты проболтался Марку, а он мне. Отдай мне дневник!

Вот тебе и Марк. Вот тебе и друг. С другой стороны, я с первого взгляда определил, что он из того разряда людей, что своей глупостью вредят и себе, и окружающим. С другой стороны, Игорь только что дал мне ценную информацию. Возможно, не разболтай Марк эту тайну врагам моего реципиента — я бы сам не догадался о его существовании.

— Я не знаю ни о каком дневнике, — признался я.

— Ну вот зачем ты мне врёшь, мальчик? Врёшь “Единорогам”. Общество. Меня интересует Общество. Даже если бы Марк не сказал, думаешь, я не знаю, как ты любишь всё записывать? Сидит всегда на лекциях, строчит, строчит... В общем, уверен, ты в ближайшие недели передумаешь. И всё мне расскажешь. Иначе скоро тебя будет ждать сюрприз!

Звонок прервался. Несмотря на то, что его угрозы меня не сильно задели, настроение было испорчено. Знать бы ещё, где этот дневник?

Когда я приехал домой, то увидел, что из домика Сида доносятся тяжёлые гитарные риффы и тоненький женский голосок. Играл явно он сам, а вот голос, очевидно, принадлежал Софии. Вот чёрт, подумал я, совсем забыл, что у нас на участке сегодня гости.

Наскоро поужинав, я принялся за поиски дневника. Среди немногочисленных вещей, привезённых мне Сидом из поместья, его не обнаружилось. В таком случае, решил я, следует подробнее изучить папки на рихнере. В структуре папок творился полнейший бардак. Всё было вместе и под совершенно не говорящими названиями — учебные материалы, цифровые книги, какие-то арты из мультфильмов, тексты песен, корявые цифровые рисунки — не то мои, не то — чьи-то. Спустя полчаса поисков я всё-таки обнаружил папку с любопытным названием:

Корень -> Мои бумаги -> Учёба -> Глупости -> Разное -> разобрать -> Изъ сетей 2009 -> Москва -> СВЕРХСЕКРЕТНАЯ ПАПКА НЕ СМОТРЕТЬ

Открыв её, я уже был уверен, что нашёл тот самый дневник и с лёгким волнением

открыл файл “Безымянный”.

Когда я увидел то, что открылось на экране, меня, с одной стороны, постигло разочарование, а с другой — волнение моё усилилось настолько, что стало неудобно сидеть на стуле. Надо сказать, что файлы цифровых фотографий были, во-первых, с одинаковой иконкой и одинаковым разрешением, что и файлы отсканированных книг. А во-вторых, они были жутчайшего качества. Однако это жуткое качество только усилило эффект воздействия от селфи Нинель Кирилловны, стоящей посреди спальни в чёрном кружевном белье и покусывавшей дужку очков.

Так вот о чём был тот удалённый фрагмент диалога на её восемнадцатилетие! Я мысленно похвалил двойника, уснувшего в моей голове: он не только выполнил обещание, удалил переписку и наверняка ни с кем не поделился этим сокровищем, но и сохранил его для меня. Причём удаления сообщений явно было недостаточно, чтобы их забыть. В голове буквально прозвенели фразы и слова, которые мой бедняга-реципиент наверняка прокручивал бессонными ночами.

“Мне тётушка подарила такое...”

“Нетъ, пожалуй, я не должна это вамъ посылать”

“Я могу вамъ доверять, Эльдаръ Матвеевичъ?”

“Я такъ стесняюсь...”

“Теперь же мне можно делать такие фото, ведь такъ?”

“Мне кажется, у меня слишкомя небольшие формы...”

“Дайте слово, что никому не перешлёте!”

Вот чертовка, подумал я. В тихом омуте, как известно, могут водиться черти. С другой стороны, желание раздеться и продемонстрировать своё тело мужчине иногда просыпается даже у самых приличных и кристально-чистых принцесс. Оставалось надеяться, что не было ещё кого-то, кому она скинула в тот вечер эту фотографию. Я был вполне уверен в себе и умел прогнать ненужную ревность, но не был уверен в своём реципиенте. Вполне возможно, что он нравился Нинель и задолго до меня, но был одним из нескольких.

Возникло острое желание расспросить об этом саму Нинель Кирилловну, но я пересилил себя. Сомневаться в том, что ты единственный, даже если это не совсем так — проявление слабости, а девушки это очень остро чувствуют. Вместо этого я написал.

“Нинель Кирилловна, чемъ занимаетесь? Я ходилъ сегодня на занятия по рукопашному бою. Усталъ как пёсь”.

Ответ пришёл достаточно быстро.

“Вы герой! У насъ званый ужин, и папенька привёлъ мне очередного кавалера для знакомства... Из петербургскихъ родовъ. Не переживайте, Эльдаръ Матвеевичъ, онъ мне совершенно несимпатичень, къ тому же молчить и пялится на мою грудь”.

“Не удивительно, у вас великолепная грудь, Нинель Кирилловна. Знаете, я хотел написать, что у меня из головы не выходит то фото, что вы прислали мне в ваш день рождения”.

“О, это было ужасно, пошло и безумно, я тогда впервые попробовала что-то крепче вина... Мне так стыдно!”

“Бросьте, полно. Вы были на нём столь чисты и прекрасны, что я искренне жалею, что удалил его из памяти своих вычислительных устройств”

“Я вижу, как вы взволнованы, Эльдаръ Матвеевичъ — вы даже пишете съ ошибками, как простолудинь :-). Что до фото — я никогда не понимала, зачемъ юношамъ такъ нравится

сохранять подобные фотографии?”

Проклятые твёрдые знаки, подумалось мне. Однако, флирт, похоже, зашёл нам обоим. Я решил усугубить накал и настроил следующее сообщение, расставив “Ъ” в конце требуемых слов.

“Потому что это может быть красивее любых произведений искусств. Как в вашем случае. А также потому что фотографии в белье вызывают острое стремление избавить обладательницу от онога.”

Я нашёл на специальной панели редактора облизывающийся смайл и добавил в конце сообщения.

“Как и в моём случае?”

“Несомненно”

“Дорогой Эльдарь Матвеевичь... Вы столь нетерпеливы. Вам придётся ждать этого очень долго. Я решила, что не буду выходить замуж до того момента, покуда не закончу высшее учебное заведение...”

Фраза показалась достаточно болезненной и выглядела как мягкий отказ. Я ничего не знал про местную статистику отношений до свадьбы среди дворян, но подозревал, что она ненулевая. А значит — это всего лишь отмазка. С другой стороны, опыт множества жизней подсказывал, что в восемнадцать лет девушки редко знают, чего на самом деле хотят, каким нормам собираются следовать и к чему стремятся.

А если включить в уравнение совершенно глупую игру “ближе — дальше”, когда парня то отпускают, то приближают к себе, то можно даже не пытаться объяснить действия мужской логикой. Так или иначе, она прямым текстом сказала про меня и про “замуж”, а значит — как минимум шанс есть, и какая-то картинка у неё в голове на моё счёт всё-таки имелась.

“Я бываю нетерпелив, но вы сомневаетесь в моём умении ждать? И сомневаетесь в силе моей фантазии? Очень зря! Признайтесь, вам самой доставило удовольствие скинуть то фото мне, потому что это естественно, прекрасно, а ваше тело необычайно красиво и достойно того, чтобы показать мужчине, которому можно доверять. Мне понравилось ваше доверие, и я ни за что не нарушу его. Вы можете делиться подобными фотографиями и дальше... Например, прямо сейчас?”

Ответа не было слишком долго, и я подумал, что Нинель уже строчит гневное сообщение о том, что я перешёл все возможные границы, однако следующее письмо пришло без текста, но с вложением. Нинель Кирилловна стояла в уборной напротив зеркала, закрыв лицо телефоном так, что было видно только дужку очков. Её рука держала задранный вверх подол домашней толстовки, под которым был всё тот же кружевной лифчик. Следом пришла короткая строчка.

“Отошла отъ стола попудрить носикъ. После просмотра — удалить!”

“Отличный джемперъ. Вы ещё не ушли из уборной? Можете расстегнуть застёжку лифчика сзади, тамъ должна быть, так было бы интереснее”.

“Уже ушла! Вы удалили?”

“Я распечатаю фото и съемъ”, — пообещал я.

Возможно, стоило попытаться надавить, но я знал меру. Можно спугнуть. Маленькая победа мужского вуайеризма была мной одержана. После увиденного я вышел на крыльцо домика, чтобы охладить голову, которая, казалось, была раскалена. Музыка в домике Сиды стала тише, а из приоткрытого окна доносились приглушённые женские стоны.

— Ну, отлично, — пробормотал я.

Вернулся домой и прочитал еще одно сообщение:

"Наконец-то они уехали, как я устала ходить в кофте по дому..."

"Вы бы предпочли ходить в костюме Евы, пока никто не видит?"

";-) отправляюсь спать, спокойной ночи, Эльдарь Матвеевич"

"Можете представить, как я вам помог избавиться от лишней одежды. Спокойной ночи, сладкая Нинель Кирилловна. Письмо я удалил"

Про последнее я слышал — письмо, конечно, отправилось из "Входящих" в корзину, но вот фотографию я на всякий случай сохранил в папку. Сам не знаю, зачем — это всё реципиент.

Утром Сид приготовил завтрак — какое-то лютное ходостяцкое хручево из полдюжины яиц, колбасы, помидоров и перца. За завтраком сообщил:

— Представляешь... Вчера не успел сообщить. Того дедка лысого с гипнозой отпустили. Осип пробил, он уже в Верх-Исетск улетел.

Да уж, новость была грустная.

— Все схвачено, хочешь сказать?

— Судя по всему, — кивнул Сид. — Такой мощный артефакт — это жутчайшее преступление, их на севера ссылают. Явно кто-то постарался.

— Да не обязательно, — подала голос Софья. — У меня дядя в жандармерии работал. Были случаи — взятка плюс гипноз. Охранники и ключом дверь откроют, и к начальнику проводят. А потом попросят бумажку нужную подписать. Камер для сенситивных не в каждом участке хватает. Не говоря уже о штатных офицерах-сенсах.

— Но должна же стоять защита? Досмотры при задержании?

— Стоят, — кивнул Сид. — Но от слабеньких, рядовых. Все более-менее талантливые сенсы с навыком гипноза в Москву да в Питер стекаются, в дыре вроде Подольска — откуда им взяться? Такого, чтобы мог защиту пробить... Значит, он настолько мощный дядька? Либо кто снаружи помог.

Откуда у Игоря взялись деньги на "мощного дядьку" и помощь снаружи — оставалось гадать. Если "Единорог" представляет собой что-то серьезнее обычной студенческой банды, а целью является тот самый дневник — следовало быть вдвойне осторожным.

Мы погрузились втроём в машину Сиды и поехали. Ночью прошёл дождь, и дорога из мелкого щебня, ещё не закатанная на нашем участке в асфальт, стала значительно хуже. На выезде из посёлка мы увидели длинный чёрный лимузин, стоявший у обочины, и я напрягся. Я уже более-менее научился пользоваться тем самым "нулевым навыком" — ощущением лёгкого волнения, когда рядом находится другой сенс.

Но тревога оказалась напрасной. Когда мы поравнялись с лимузином, дверь приоткрылась, и мне помахал рукой Леонард Голицын.

— Доброе утро, сосед. Ну, как ваши успехи? Обжились. Строиться пока не собираетесь?

Сид притормозил.

— Доброе. Для начала решаю вопросы с работой. Ну, и нет ничего более постоянного, чем временное.

— Я заметил, что у хижины вашего... получается, камердинера? Привет! — он помахал рукой Сиду и продолжил. — Разбито стекло. Приходил жандарм, фиксировал. Мне не понравилось, что в нашем посёлке ходит всякая шваль, спросил у охранника, проверил журналы.

— И что же?

— Выяснили. Похоже, это были водопроводчики, ходившие на пятнадцатый участок. Я отправил запрос в контору. Но раньше с ними проблем не было, возможно, что они были отманипулированы. В связи с этим вопрос, Эльдар Матвеевич — у вас есть какие-то проблемы? Почему именно на вашем участке?

— Уверен, мои проблемы не коснутся никого из вас. Это совершенно не тот уровень, чтобы вам стоило вникать. Разберёмся сами.

— Вы же учились где-то на Урале? Предположу, что студенческие бандитские кланы?

Секунду подумав, я всё же сообщил:

— “Единороги”. Вам это о чём-то говорит?

Голицын мигом поменялся в лице.

— Говорит. Они что-то требуют?

Я подумал, что о дневнике лучше не говорить, и ответил полуправдой:

— Информацию об отце. Либо — продать за бесценок мою крепостную, в северной деревне. Несовершеннолетнюю с высоким процентом.

— Я понял. Ценная информация. Думаю, я вынужден буду подключиться к вашей проблеме. Не смею больше задерживать, хорошего дня!

Мои предположения по поводу поведения Аллы оправдались — после моего отказа её интерес заметно поугас, хоть она и продолжала быть весёлой и позитивной.

— Полочку прибили, всё okay! Не тревожу тебя больше. Как ты в целом? Как тренировка?

— Спина ноет с непривычки.

Лекции весь день были по языкам. В короткой анкете я не стал хвастаться. Отметил, что знаю английский, французский и немного баварский — хотя с последним было всё не так просто, потому что немецкий Основного Пучка весьма сильно отличался от местных германских наречий. Но после короткого опроса нас разбили на группы, и я попал в одну с Лукьяном и Самирой, как “полиглот”. Половину дня мы с молодой преподавательницей осваивали нужные в работе обороты на доступных языках, с нами поделились полезными разговорниками и советами по поводу коммуникаций.

После обеда в коридоре к нам с Лукьяном подошёл Тукай с тройкой других парней.

— Есть предложение сыграть в покер в эту пятницу. Клуб “Штопор” на Тверской. Что думаете? Или вам мешают какие-то нравственные устои?

Он слегка ехидно посмотрел на Лукьяна. А в следующую секунду Лукьян съездил Тукаю в челюсть.

Удар прошёл медленно, плавно и без всяких попыток сопротивляться. Волосатая голова отклонилась и тут же вернулась в исходное положение. Я схватил Лукьяна за локоть и оттянул его назад, хоть это и было рискованно: его ноздри раздувались, как у быка на корриде, а лицо залилось кровью. Парни тоже бросились растаскивать в разные стороны.

— Как ты смеешь?! — орал Мамонтов. — Смеёшься над устоями моими?! Это не устои, это принципы! Никогда! Ни в жизни Мамонтовы не играли в азартные игры!

Жест был более чем нелогичным, но я уже встречал такое. Человеку наступили на большую мозоль, и это стало спусковым крючком. Человек может днями не выражать ничего на лице, но при этом у него копится такая уйма агрессии и злобы, что в один прекрасный момент всё вырывается наружу. Он просто завидует, понял я — тяжело быть не в центре внимания и не лучшим, когда так привык к этому.

Да уж. Ну и коллега мне попался!

— Лукьян, остынь, — спокойно сказал Тукай. — Я ничего не имею против твоих устоев. Это был не сарказм, а обычный вопрос.

— Дворики, вечно вы стебёте купеческих! Ну и что, что у меня низкий процент! Это ничего не значит!

— Ничего не значит, — кивнул один из сороколетних. — У меня, например, ноль и один. Живу как-то.

— Прости, — продолжил Тукай всё тем же спокойным тоном. — Я не хотел тебя оскорбить.

Из кабинетов в коридоре показались штабс-адъютант и преподаватель:

— Что-то случилось? Что за шум? — нахмурился дворецкий.

А преподаватель, тот самый Иван Иванович, читавший днем ранее про географию и геополитику, хитро улыбнулся:

— Ничего существенного, лёгкое выяснение иерархии. Пройдёмте в аудиторию, господа!

Я глянул на Тукаю: он пощупал челюсть, пробормоча что-то на ходу. На кончиках пальцев возникло свечение, а затем у него исчезла вся краснота на коже, возникшая после удара. Неужели у него есть и второй навык — навык врача? У человека, чуть постарше меня?

— Ну, что. Северная Америка, — начал преподаватель. — Надеюсь, здесь никто не ошибётся с союзниками на этот раз?

— Республики Аляска и Русская Арктическая? — предположил кто-то из парней.

— Ну, Аляска, положим, откололась от Империи ещё после Второй Японской и находится в сильной экономической зависимости от Винланда. Она целый век двигалась в этом направлении. Что до Русской Арктической — она стала независимой не так давно и пока что она больше зависит от нас, чем от своего южного соседа. Но всё может измениться.

Я взгляделся в очертания Винланда на карте* — американской части Норвежской Империи. Он занимал примерно половину привычной мне Канады, подпираемый с юга Луизианой, а с севера — нашим арктическим протекторатом. Всё же, климат имеет большое значение, подумалось мне. Если в мирах Основного Пучка на этой территории проживала от силы пара миллионов человек, то здесь — целых шестьдесят.

По самому центру карты, между двумя крупными озёрами зиял треугольник, помеченный как «Спорная территория».

— Хотите сказать, Луизиана — наш основной союзник? — предположил Лукьян.

Иван Иванович поморщился.

— Луизиана — наш вынужденный союзник. Тем более, пока у них идёт война за Виннипег. Государство, которому мы разрешили разделить с нами влияние в Западном Полушарии. Учитывая, что у них не так много портов, и они окружены недругами, им всё равно не достичь статуса великой морской державы. Однако не стоит недооценивать их. Следует помнить, кто они — государство беглых люмпенов, бывших бандитов со всего Европейского Полуострова. Государство, до сих пор полностью не искоренившее рабский труд и имеющее серьёзные расовые проблемы. Если правящие корпорации так относятся к своему собственному народу, то разве они не могут также относиться и к своим союзникам на мировой карте?

— А в «Луизиане» негров вешают, — пробормотал кто-то, но увидев презрительный взгляд Самире, заткнулся.

— Простите, ваше благородие, а у нас разве лучше? — спросил Тукай.

Аудитория замолчала. Иван Иванович хитро улыбнулся, прищурился.

— Простите великодушно, у вас как фамилия, сударь?

— Коскинен, ваше благородие.

— Вы же в московское отделение набираетесь? На особо важные, так?

— Так точно, — кивнул Тукай.

— Проверочные мероприятия в Тайной Канцелярии проходили?

— Никак нет, поступил общим набором.

Преподаватель кивнул.

— Ну, я чувствую, что... пожалуй, надо бы провести проверочные мероприятия, надо. Итак, продолжим.

Обсудили и остальные страны: бедствующую и коррумпированную Мексиканскую Империю — впрочем, я всего пару раз встречал реальность, где всё было по-другому, — Североамериканские Соединённые Штаты, которых здесь насчитывалось всего одиннадцать, независимый, но тесно связанный с Англией Техас, а также Калифорния и Арагон, тяготеющие к Японии.

В перерыве Тукай выждал, пока Лукьян отойдёт, подошёл ко мне и повторил вопрос:

— Так что насчёт покера?

Погружаться в пучину азартных игр я готов не был, но, всё же, решил прямо не отказывать:

— Вы часто там собираетесь?

— Я и Арнольд — два раза в месяц, по пятницам. Ставки небольшие, до десяти рублей.

— Пожалуй, ближайший я пропущу, а после — подумаю.

Вечером был короткий практикум по психологии, после которого мы с Аллой поехали домой. Она была чуть менее разговорчива, сидела, уткнувшись в телефон, периодически смеясь и показывая мне смешные короткие видео с котиками.

Лифтёры говорили как-то, что объём подобных видео в цифровых сетях может говорить о здоровье ветви реальности. Это достаточно странный критерий, но пока я не ошибался: чем больше в сети видео со смешными животными — тем здоровее ветвь. Даже грустно становилось от мысли, что этот мир придется уничтожить, но парша магии не оставляла мне

выбора. Мир может выглядеть здоровым, но уже прогнил изнутри.

Под конец пути Алла ойкнула и показала видео с крупным разноцветным грифоном, который, словно послушный песик, таскал хозяйке игрушки:

— Австралийский! Пестрый такой.

— У нас, кстати, будут лекции по биологии? Знания про реликтов подтянуть. Тоже наверняка возить придется.

Алла махнула рукой.

— Да чего там учить. Только грифончиков и возят. Ну, птичек еще иногда, фениксов. Не драконов же возить? С этими... с василисками. Они за пределами Антарктиды не живут.

— Драконов?! Это где?

— Ты чего? На восточном антарктическом плато живут. Пара сотен осталось. Маори остальных замочили. Ты что, в детстве не изучал их каталоги? Я до сих пор помню половину изученных по именам. Все, я приехала, пока!

На этот раз поцелуя в щеку с её стороны не последовало — только тронула за плечо. Но на всякий случай я решил не отпускать удочку слишком далеко — ловко поймал за локоть, приобнял и всё же поцеловал в щёку сам.

— Хм, ладно... — пробормотала она и вышла из машины.

У въезда на мой участок стояла небольшая чёрная машина, опершись на капот которой курил небритый невысокий парень в форме курьера службы. На капоте стоял бумажный стаканчик с чаем. Я вспомнил его — это был тот самый коллега, который играл с моим будущим начальником, Корнеем Кучиным, в дартс. Пока расплачивался с таксистом, подслушал разговор: они о чём-то оживлённо беседовали с Сидом, который копал землю вокруг своей хибары. Сначала мне показалось, что это бессвязный поток фраз, но потом я понял, что речь идёт о музыкальных группах.

— ...«Голуби и трупоглазые жабы»?

— Это где парень в странных очках? Не зашли. Уж лучше «Параллельные извилины» или «Колхоз тюленеводов», куда бодрее.

— «Колхоз»... Не слушал, но слышал. Погоди, это же что-то вроде эклетик-даунтемпо-люмпен-полька? Совсем другой стиль.

— Другой, но тоже о проблемах социализма в бывших провинциях. Ещё о палеонтологии. Я не социалист, но... О, смотри, барь приехал.

Завидев меня, курьер потушил сигарету и полез в машину.

— Эль Матвейч, тут твой коллега приехал. Будущий. Я ему бумагу сую — говорю, у меня полная доверенность на получение посылок, а он мне — что особой важности, от Дворянского Дома, и бумага не канает. Вот — про музло трепались два часа.

Все правильно, подумалось мне. На курсах нам говорили, что камердинеры и дворецкие склонны лезть не в свои дела, и передавать товары следует из рук в руки — на то он и отдел особых поручений. Небритый протянул руку и пожал так крепко, что у меня хрустнули пальцы.

— Андрон Холявко. Мы с тобой виделись, похоже... Можно же на ты, да?

— Конечно.

— Приобретал ранее что-то из особых предметов?

— Нет.

Андрон кивнул, дождался, пока таксист скроется из виду и достал из машины коробку.

— В общем, по ведомости три товара из Матрицированной Мастерской Дворянского

Дома. Будем вскрывать сейчас, в присутствии крепостного, или отойдём в помещение? Без обид, Сид, я всё по протоколу.

Мой комардин кивнул и отошёл в сторонку.

— Риска, как я понимаю, никакого?

— Я доподлинно не знаю функционал предметов, эта информация составляет дворянскую тайну. Знаю только, что они особые. Тебе должно быть виднее, но о риске произвольного срабатывания пишется дополнительно в путевом листе, тут ничего такого нет.

Я раскрыл коробку. Сначала из неё выпали две маленькие упаковки, завернутые в пупырчатый полиэтилен. В первой оказалось тонкое кольцо из полупрозрачного агата с тонкими инкрустациями из золота и серебра. Я собрался надевать на безымянный палец правой руки, но Андрон меня тут же остановил:

— погоди, это, предположу, оберегающее, а не атакующее, так?

— Так.

— Тогда — ты чего?! Оно же так не будет работать. На левую, на левую руку. Как будто не учили.

— Ну, не совсем в первый... — соврал я. — Так, а цепочка?

Надел и её, толком ничего не почувствовал. Очередь дошла и до самого большого предмета, занимавшего половину коробки — замотанной во всю ту же «пупырку» статуэтки «Пожарник». Она была величиной чуть больше ладони, но оказалась выполнена чудесно и чрезвычайно-детально: из пяти или шести типов камней, с тонкими проволочками из металла, и без единого использования краски — весь цвет получался от игры минералов. К нему прилагался небольшой запечатанный конверт.

— Там инструкция по использованию. Вернуть можешь в течение двух месяцев при условии, что он ни разу не сработал, сумма вернётся за вычетом курьерских. Ну, как, всё устраивает?

— Устраивает, — кивнул я и подмахнул документы.

— Давай, учись уже скорее. Нужны работники очень, Корней ждёт. Скоро сельскохозяйственный сезон, очень много работы у отдела будет. Покупки крепостных, спецпредметы, всё прочее.

— Увидимся, — кивнул я.

Пройдя в дом, ознакомился с инструкцией — она оказалась весьма примитивной:

1) установить тактильный контакт с верхней частью скульптуры для проверки,

2) нажать тумблер ВКЛ в нижней части скульптуры,

3) определить примерный центр окружности, кою требуется оберегать от пожара и сильного огня

4) установить в сухом, проветриваемом помещении на возвышении, во избежание воздействий детей и домашних питомцев.

Ни детей, ни домашних питомцев у меня не было и не намечалось в ближайшее время, поэтому я поставил его на угол кухонного гарнитура, предварительно выполнив оба первых действия. Спать лёг пораньше, потому что тело на второй день после тренировок болело изрядно, а на завтра предстояла следующая.

Но спать мне пришлось недолго. Спустя полчаса меня разбудила неистово-яркая вспышка света, после чего комната в доли секунды заполнилась тонкими струями дыма, мгновенно превратившимся затем в мелкую пену. Наступила крошечная тьма, в которой

тусклым огоньком горела статуэтка. Пена залезла в ноздри и рот, заставила закашляться, захлебнуться. Я принялся отчаянно барахтаться в постели, но не оставалось ни единого свободного пространства для того, чтобы вздохнуть полной грудью.

— Остановись... остановись! — прохрипел я.

То ли это подействовало, то ли время работы устройства закончилось — неожиданно пена стала распадаться, лопаться, оседая мелкой росой, а в комнату из всех щелей со свистом задул свежий воздух. Откашлялся, сорвал одеяло, нащупал выключатель — свет не работал. Подбежал к статуэтке и нажал регулятор на поддоне. Выбежал на улицу, и тут стало всё понятно. Перед домиком Сиды дымился так и не разгоревшийся костёр, а виновник представления сидел рядом, откашливаясь и отряхиваясь от пены — почему-то именно здесь её было намного больше.

— Что за... что за хрень, Эль! Это твои штуки, да?

— Мои, — усмехнулся я.

— Я мусор сжечь решил, коробки картонные — много накопилось. Что теперь делать-то?

— Разберись с проводкой. Я пока схожу к соседям.

Благо, половина из участков ещё пустовала, и из соседей не задело никого — волна лишь слегка коснулась стены дома по диагонали. Однако хозяин всё равно выбежал, недовольно размахивая каким-то стволом. Лет сорока, с залысиной, он был одет не то в военные, не то в охотничьи штаны цвета хаки и майку-алкоголичку. Увидев мой слегка растерянный вид, он слегка подуспокоился.

— Это ты балуешься?!

— Балуюсь. Меня поджечь пытались, купил вот защиту, а она сработала на костёр моего... соседа.

— Сенс, что ли? — мужичок отложил ружбайку. — А на дворянина не похож. Я на парня твоего гляжу, думаю, братья, что ли, живут? Только один беднее, другой побогаче. Комардин твой, получается?

— Он, угу.

Разговорившись, я выяснил, что зовут моего соседа Степан Савельевич, что он сержант-десантник, ветеран папуа-новогвинейского конфликта, за доблесть в котором государем был дарован дворянский титул, квартира в Москве и бесплатный участок для садоводчества.

Меня так и подмывало почитать подробнее про этот военный конфликт, но спать хотелось ещё больше, потому я прибрался в комнате и лёг спать.

Следующий день стажировки пронёсся так же быстро, как и предыдущие. Изучали Азию и взаимоотношения Японии со своими сателлитами. Поговорили о космической программе, и тут меня ждало немало открытий. Крупных космодромов, позволяющих осуществлять пилотируемые пуски, у Российской Империи было пять, а всего в мире — около пятнадцати. Это не считая мелких, которые запускали лёгкие ракеты со спутниками. На Луне, как оказалось, имелись базы уже у полдюжины государств. Марс официально не был обитаем, и строительство базы там ещё только начиналось при помощи автоматических аппаратов, но Иван Иванович произнёс это с таким хитрым прищуром, что не усомнился в сказанном только дурак. Осталось только гадать — является ли намёк причиной веры преподавателя в какие-то конспирологические теории, или же он действительно имеет связи и тайные познания в этой области.

Затем были два часа занятий по тренировке сенситивных навыков. Мы заходили в

тесную комнату-переговорку с одним из преподавателем, где рассказывали о том, раскрыт ли навык, и если раскрыт, то какой.

Мне достался тот самый, что вёл философию и психологию. Я приготовился плавать, но вышло всё достаточно легко.

— Камнерезное матрицирование, значит. Артефакторство, — сказал мой собеседник, глядя в дело. — Ну, и как? Не получилось?

— Получилось один раз спонтанно. Почти всё забыл, может, осталось что-то из мышечной памяти.

— В каком смысле — забыл?

— После моего отчисления моя матушка вызвала психотерапевта-шарлатана. Который перестарался с пси-воздействием, стараясь заглушить мою травму по поводу внезапного отчисления. В итоге я забыл львиную долю того, что мне преподавалось.

Преподаватель сверлил меня взглядом, затем усмехнулся и сказал.

— Я вижу, что вы врёте. Только не могу понять — на счёт чего. Ну, в Курьерскую службу идут все, кто с крысами в чердаке. Или со скелетами в шкафу.

— Или с роялями в кустах? — сострил я, но собеседник не понял шутки.

— Одним словом, не стану вас терзать допросами. Мне кажется, вы не врёте на счёт того, что почти раскрыли данный навык. Может, у вас получится сейчас?

Он выудил из кармана тонкую прозрачную пластинку — я подумал сначала, что стекло, но по фактуре и бликам понял, что это был кварц. Рядом на стол легла пожухлая, сложенная вчетверо бумажка. Я развернул её и увидел там блок-схему. На вход предполагалось подавать касание рукой. Проверка спрашивала, является ли хозяин предмета — сенсом. А затем пластинка должна была загореться в видимом и ультрафиолетовом диапазоне. Отдельной схемой указывался блок питания силы — с интерфейсом для пополнения.

Удивительно, но все это я понял без особого напряжения — то ли благодаря памяти реципиента, то ли благодаря собственному многовековому опыту.

— Фонарик? — предположил я.

— Он самый. Вечный, всепогодный, с проверкой. Может, получится? Попробуйте.

Я закрыл глаза и примерно понял, что надо делать. Или вспомнил?

Перебрал в голове мелодии, которые могли бы к этому подойти. Затем открыл, сосредоточенно глядя на лист бумаги со схемой. Напел что-то из рок-классики, из знакомого по прошлым мирам. Образы начали подтягиваться из памяти, но весьма смутные, нечёткие.

— «Я свободен, словно птица в небесах...» — пробормотал я.

Я глядел на листок не моргая уже почти минуту — попробуйте так сделать и поймёте, что это не так-то просто. Под самый конец на миг показалось, что схема на листке раздвоилась в глазах, приподнялась над бумагой и повисла в воздухе, обрастая разноцветными нитями Силы.

Но глаза уже нестерпимо жгло, и я крепко зажмурился.

— Не выходит, увы.

— Нет-нет, я всё видел! У вас почти получилось. Вы знаете, неполное раскрытие навыка в вашем возрасте может быть по многим причинам. Психологическая зажатость, закомплексованность... недостаток общения с прекрасным полом...

Мужчина хитро подмигнул.

— Хотите сказать, секс — прямо-таки гарантированный способ?

— Не то, чтобы гарантированный, но в нашем закостенелом сословном обществе не

вполне одобряемый. Лично я, признаюсь, именно таким образом. В двадцать один год.

— Допустим, я девственник, — абсолютно спокойно согласился я. — Но мне не вполне понятно, что, если я человек традиционных взглядов, и верю в единственную любовь до гроба? И до свадьбы — ни-ни?

— Верить. Искать эту любовь, конечно, не забывая про особенности женской психологии. Предложить вам соответствующую литературу?

— Спасибо, обойдусь. На самом деле, я лишь рассуждал, а взглядов вполне современных. Вы не ответили — так какая же альтернатива? По раскрытию навыка.

— Альтернатива — в иных источниках вызвать всплеск гормонов. Искать другие способы испытать острые ощущения. Прыжки с парашютом, гонки на мотоциклах, экстремальные виды спорта, вот это всё. Неужели у вас нет знакомых, которые могли бы с этим помочь?

Кто бы знал, что вечером того же дня его слова про «острые ощущения» заиграют новыми красками.

Итак, я приехал на тренировку и обнаружил, что наш тренер, а также троица парней стоит одетая по-уличному, в лёгкую полу-спортивную одежду.

— Ты чуть не опоздал, — сказал Сергей Сергеевич. — Сегодня мы идём... на полевые тренировки.

— В каком смысле?

— Искать приключения! — сказал один из парней.

Его звали Егор, второй представился, как Ленни, их я уже встретил при первом моём посещении. Третьего я видел впервые, он назвался Алишером. Подождали меня ровно три минуты, пока я переодевался в спортивное.

— Ты новичок, — Сергей Сергеич хлопнул меня по плечу. — К тому же — дворик. Потому будешь стоять на стрёме, приглядывать, не пойдут ли жандармы.

Затем все закрыли лица лёгкими шарфами и масками.

— Я, собственно, не против поучаствовать, — сказал я. — И даже не на стрёме. Вы что собираетесь делать? Грабить банкоматы?

Моя “банда” дружно посмеялась и бодрым шагом направилась на выход.

— Нет, конечно, — сказал Алишер. — Всё законно и безопасно. Это ж Барбар. Ну почти.

“Барбар” — от фамилии Барбарискин, понял я. Что ж, как раз сегодня порекомендовали “острые ощущения”. Может, это совпадение не зря, подумалось мне. Возможно, это говорили во мне медленно кипящие юношеские гормоны, возможно, воспоминания о прошлых жизнях. Кажется, ещё не прошло ни одной моей молодости Секатора, чтобы я хотя бы немного не прикоснулся к обратной, тёмной стороне жизни столиц. Это тоже может быть полезным. Недолго думая, направился вслед за ними, незаметно перевесив кобуру с пистолетом под спортивку.

Мы вышли из здания техникума, прошли по бульвару перед ним и свернули на одну из неприметных улочек. Вокруг рядами встали унылые пятиэтажки. Я знал их как “хрущёвки”, но здесь они назывались по-другому, но тоже в честь какого-то правительственного лица, наверное, премьер-министра середины прошлого века. Кажется, “косыгинки”.

Чем дальше мы отдалялись от бульвара, тем более безлюдно становилось. На часах было всего восемь, но здесь не было заметно ни семейных пар, ни молодёжи, лишь одинокие мужчины и женщины средних лет спешили с работы. Видя нас, многие шарахались в сторону или переходили на другую сторону улицы. Судя по одежде, я понимал, что все они — крепостные или мещане. Мы шли молча, долго, энергичным шагом, изредка срезая через дворы, но молчание начало раздражать.

— Я ничего не знаю о тебе, — спросил я Алишера, который шёл рядом. — Даже сословия.

— А зачем знать? — усмехнулся он. — Из служилых татар я. Из-под Симбирска.

— Ты же говорил, что из казаков? — бросил Егор.

— А какая разница? Сейчас одно сословие — контрактное.

Слово это я уже слышал, но не отразил, что речь идёт не типе воинской службы, а о целом сословии.

— Ты ж дворик? — спросил Егор. — Из богатых, или так?

— Или так, — кивнул я, посчитав, что это ближе к истине.

Мы подошли к перекрёстку, и шедший впереди Барбар замедлился, отойдя в тень раскидистой айвы, на которой уже зеленела листва.

— Вон, смотри. Клуб абиссов. Наша задача — поговорить с охранником. Вы, парни, помните, о чём. В бой вступать только по команде. Ты, Эльдар, останешься здесь. Смотри и учись.

Я хмыкнул — мол, ещё подумаю, следовать ли его совету, или нет. Но пока что остался в тени.

Абиссы, как я понял, это что-то вроде местной смеси рэперов и растаманов. Мещанская молодёжь, в основном, эмигрантская, предпочитавшая музыку родом из французских колоний и Великой Абиссинии, самой крупной социалистической страны из оставшихся после распада местного соцлагеря. Клуб находился через дорогу, сама музыка уже доносилась из приоткрытой двери: характерный этнический барабан, басы, речитатив. Не самый неприятный жанр, который мне доводилось запомнить, особенно после десятков реальностей, где ничего лучше блатняка не услышишь. Но сейчас он вызывал дискомфорт и беспокойство.

У входа стояло трое парней. Все окружающие резко разделились на “наших” и “ненаших” — чёрт возьми, как мне это было знакомо!

Барбар молча кивнул, все надвинули маски на лицо и ровным клином пошли в сторону клуба. Удивительно, но старик теперь казался одним из моих ровесников. Спортивный, подтянутый, с ровными резкими движениями. Один из парней тут же скрылся в дверях клуба. Двое остались.

— Чё надо? — услышал я слова самого крупного из них, бритого. Видимо, того самого охранника.

“Наши”, говорили тихо. Я услышал слова “обидел”, “зачем”, “извинись”, и что-то ещё. Неужели не рэкет, а дело чести? Впрочем, первым впечатлением от тренера и ребят было именно такое, а я редко ошибался. Бритоголовый задёргался, четвёрка обступила их со всех сторон. Рука охранника нырнула куда-то за дверной проём, и в ней появилась бита для “байсболля”, как назвал вид спорта тот таксист. Четвёрка тут же преобразилась. В руке у Егора возникла короткая складная дубинка, вроде той, что была у Осипа. У Ленни — кастет, а Алишер достал и размахнулся нунчаками. Барбар, Сергей Сергеевич, похоже, предпочитал драться голыми руками.

А в руке у приятеля нашего оппонента сверкнул нож. Группа пришла в движение. Бритый замахнулся битой, но Барбар ловко уклонился, и в плечо бритому воткнулась дубинка Егора. Нунчаки Алишера выбили из ладони кинжал, которым замахнулся второй, мелкий. Ещё взмах битой. Тренер оттолкнулся, перехватил ладонь бритого, вывернул, бита выпала из разжатых пальцев, и была поймана ладонью соперника.

Удары парней посыпались по куртке и бокам бритого. Он закрылся, спрятался, его подельник отошёл назад, укрываясь от метких ударов Барбара. Вроде бы, всё шло хорошо, но я почувствовал дискомфорт. Во-первых, адреналин снова выплеснулся в кровь, и мне было тяжело стоять в стороне. Я прямо рвался туда, рвался помочь своим сородичам в этих каменных джунглях. Во-вторых, я чувствовал опасность. Шестое чувство в этом мире было как никогда обострённым, и я понимал, что что-то может пойти не так.

И оно пошло.

В первую очередь, потому, что я инстинктивно сделал пару шагов вперёд, выйдя из

тени. Во вторую — потому что несколькими секундами спустя, когда бритый, казалось, уже окончательно сдался и отступил внутрь клуба, четверо моих подельников резко побежали в мою сторону. А из дверей хлынула толпа парней — в широких джинсах, разного цвета кожи, с разными причёсками.

У многих в руках были кастеты, дубинки и ножи.

— Валим! — заорал кто-то из “наших”.

Мне хотелось драться. Разумеется, навыки бега в курьерской службе могли быть полезны, но я пришёл сюда не за этим. Я встретил первого ударом по ноге. В моей руке оказалась сухая палка, выломанная из соседней айвы, пара ударов — и ближайший враг обездвижен. Но, увы, я почему-то был неинтересен толпе, её интересовали только те четверо, кто учинил драку у входа. Секундой спустя понял, в чём дело: из-за того, что моя форма отличалась от формы парней, и я стоял поодаль, меня приняли просто за какого-то уличного парня, попавшего под горячую руку. После обмена первыми ударами толпа выкинула меня на обочину. Ветка сломалась о спину очередного парня, а следующие понесли меня вперёд.

Я обогнул толпу и поспешил на помощь парням. Рука так и тянулась в заветную кобуру на поясе, но я не торопился с этим. Адреналин в крови всё ещё требовал более мясного, более близкого обмена ударами.

— Сюда! — заорал Барбар и повернул за угол пятиэтажки, во двор. Я ускорился и обогнул здание с другой стороны.

Уже объединившись с группой, краем глаза увидел, что толпа настигла только Егора, бегущего следом — его били дубинками, он, как мог отбивался, а что было дальше — я не знал.

— Концерт! У них концерт! — орал Алишер на ходу. — Я думал! Там пусто!

— После! — рявкнул тренер.

Адреналин постепенно утихал. Нет, мне всё ещё хотелось остановиться и дать сражение. Но их было много, слишком много — двадцать, может, тридцать человек. В общем, это было не отступление, подумалось мне, а поиск наиболее удачного места для контратаки.

Мы рвали по тропинке в густом заросшем дворе, едва не сбив женщину с детской коляской. Впереди был поворот на короткую бетонную лестницу, спускавшуюся в соседний двор — чтобы не сбить дыхание, я перемахнул через бордюр, расцарапав ладонь о шершавую поверхность бетона, больно приземлился на пятку с полутораметровой высоты. Вся рука была цела, но болела, сказывались предыдущие поединки, а сбитая дышалка захлёбывалась. Сергей Сергеевич и Алишер обогнали меня, Ленни, напротив, тоже отставал. Я обернулся — от толпы осталось уже не так много парней, человек семь самых упёртых. Наши парни сиганули куда-то в кусты, затем в узкий проход между домами, за которыми обнаружился небольшой сектор элитной недвижимости — типичные “таунхаусы”, как их называли в прошлой жизни.

А перед ними стоял забор — высокий, решётчатый, метра в два с половиной, безо всякого зазора между домами. Вот тебе и удобное место. Алишер преодолел его без труда. Следом полез я, из-за пораненной ладони и растянутого предплечья рука соскользнула, и я понял, что не получится. Мимо пронёсся и два толчка преодолел стену Ленни. А Барбар дальше идти, как и я, не смог.

— Ну что вы? — спросил Алишер.

— Приплыли, — отозвался тренер. — Я останусь.

Двое перелезших наших на миг застыли за забором в нерешительности, затем Алишер запрыгнул обратно наверх и протянул руку Барбару. Тот зацепился, с трудом полез через ограждение. Всё произошло за считанные секунды, и когда тренер оказался сверху, толпа уже была рядом.

— Стойте, парни, надо поговорить! — рявкнул Ленни.

Окружила нас, но бить не торопилась. Ходили из стороны в сторону, словно цепные псы. Я обернулся и понял, что остался один. Тренер перемахнул через верх забора и рявкнул:

— Залезай! Чего стоишь, дворик, залезай!

— Ты чего у нас забыл, дед? Кто вы, нахрен, такие? Чего вы докопались до Крошки Сэма? — твякнул кто-то писклявый из-за спин переднего ряда.

— Чего ждёте, гаси его, парни!

Ко мне уже двинулись двое, я встал в защитную стойку, но тут один из абиссов остановил второго.

— Дворик? Слышал? Дед сказал, что он — дворик? Ты что тут забыл? Какого хрена вы пришли? Спортсмены, что ли?

— Спортсмены, — кивнул Алишер. — Ваш Крошка Сэм обесчестил одну девушку. Серафиму. Она преподаватель литературы в энергетическом техникуме. Мы пришли просить, чтобы он извинился.

— Гаси дворика! — из-за спин вынырнула худая тень, которая понеслась прямо на меня.

Дальше всё было быстро и хаотично. Свет фонарей сверкнул в лезвии ножа. Я отошёл в сторону, толкнул — нож застрял между прутьев ограды, вывернутая рука разжала лезвие. Но на меня неслось уже трое. Нырнув вниз и притянув хилого на себя, я укрылся от первого удара дубинкой.

— Бейте руками, иначе нас посадят! — рявкнул кто-то из них.

Нож, выпавший из руки хилого, был отправлен пинком через прутья решётки. Двое “наших”, всё же, пришли на подмогу. Надо отдать должное, они видели меня в первый раз, были другого сословия, но решили всё же не бросать. Алишер приземлился на головы двоим, повалив их наземь, его нунчаки описали круг, врезаюсь в грудь соседа. Хилый, который полез ко мне, получил удар в спину, и его оттащили свои. Но противников становилось больше. По ноге прилетело ботинком — могло быть и больнее, но мне хватило, чтобы скорчиться от боли и отойти чуть правее.

Пространство оказалось достаточным, чтобы достать козырь из рукава. Вернее, из кобуры. Выстрел пронзил вечернюю тишину. Я стрелял вверх голов, но этого хватило, чтобы парни, которые лезли на нас, отскочили назад. Всё же, хорошо в обществе, в котором обладание огнестрелом — удел избранных.

— У меня осталось восемь патронов! — рявкнул я и взял на мушку того, кто был самым активным. — Пистолет матрицированной. а я отличник по стрельбе! На всех не хватит, но не гарантирую, что раны будут не смертельными!

— Валим, валим!!! Скоро здесь будут копы!

Я удивился, как они были правы. Откуда-то сверху, как мне сначала показалось, с крыши соседней пятиэтажки, послышалось мерное, назойливое гудение сирены. Все бросились врассыпную — и наши, и ненаши. Сергеич бросил напоследок:

— Остановка трамвая в квартале! Завтра утром сбор!

Сначала я не понял, про что речь, но затем, уже на ходу сообразил: моя форма курьера-подпоручика осталась в клубе, а я был одет в спортивную. Вскоре откуда-то сбоку послышался треск, а свежая листва деревьев задёргалась, словно на неё прерывисто дули. Невидимый луч достиг меня, и я оцепенел. Воздух стал как будто наэлектризован, что-то раздражало нервные окончания и вызывало желание не то застыть, спрятаться, не то, наоборот, ускориться.

Заморгали, потускнели лампы в уличных фонарях. Сирена все приближалась, и вскоре я увидел ее источник.

Над двором, между крон деревьев медленно, словно небольшое облако, показался круглый летающий диск диаметром метров пять, выхватывающий прожекторами из тени бегущих парней. Шума двигателей не было слышно, и меня вдруг осенило. Память реципиента подсказала, что из себя представляют дисколеты: это здоровенные артефакты, управляемые телекинезом мощных сенсеев-проводников.

Встреча с правосудием мне сейчас была не нужна. К счастью, оцепенение длилось недолго — кольцо на пальце левой руки загло кожу, я двинулся искать укрытие и зашёл в ближайший подъезд. На ступеньках первого пролета сидела в недвусмысленной позе бедно одетая молодая парочка. Девушка — ярко покрашенная, с размазавшимся макияжем и задранной юбкой, взвизгнула и поправила одежду. Ничуть не смутившись, парень прервался и спросил:

— Что там? Блин патрульный прилетел?

— Прилетел, — кивнул я.

— С...и. Опять разборки?

— Ага.

— Слушай, вали отсюда! Ты нам мешаешь.

— Свалю через десять минут, — сказал я, достал и покрутил в руке пистолет. — А пока... валите вы.

Уговаривать не потребовалось — парочка резво поднялась с места и забралась повыше, оставив меня в покое.

Выждав, пока все не затихнет, я выбрался и доковылял до остановки. Рука и нога болели изрядно, но ссадины уже особо не кровоточили, а адреналиновый шок поутих, оставив место расслаблению. На остановке обнаружился Егор, весь помятый, с разбитым лицом, он заметил меня и коротко кивнул.

— Помощь нужна? — спросил я.

— Не. Спасибо тебе. Как сам?

— Пойдет. Часто у вас такое?

— Не часто. Честь девушки, знаешь ли.

— Понимаю.

На все же помог ему забраться в трамвай и решил прокатиться сам. Проехался три остановки в сторону МКАДа, затем пересел до такси и доехал до дому.

Вокруг домика Сиды обнаружились обильно политые хилые кусты саженцев. Сам же Сид неспешно колдовал над приятно дымящимся мангалом.

— Вот, приобрел, сейчас опробую, — не оборачиваясь, сказал он. — Еще сударь один подъехал, назвался Голицыным, предложил саженцы посадить. Вот это абрикосы, а это черешни... Вот черт, барь, что это с тобой?! А вещи где?

Последующий час Сид обклеивал меня пластырями и помог намазать раненые

конечности восстанавливающими мазями. Не менее восстанавливающим оказался стейк лосося с мангала: приготовился он просто божественно, не сухой, не передержался, не пересолённый. Гарниром был жареный батат со специями.

— Шикарно, но чего ты так раскошелился?

— Так ведь... день рождения у меня, барь. Двадцать три.

— Вот блин... Поздравляю! Не знал... Ну, сам понимаешь.

— Понимаю. Ничего, если в выходные друзей позову? Человек пять, немного.

— Можно, конечно. Слушай, ничего не знаю про твоих родных — расскажи хоть.

Сид рассказал: оказалось, что мать у него умерла во младенчестве, а папаша, бросивший семью, был отправлен на десятилетнюю каторгу на Чукотку, когда парню было четырнадцать лет. Воспитывали две тётки, которые переехали, когда стало восемнадцать, а после — основной семьёй стала семья моей матушки.

Объевшись и ложась спать, я заглянул в сообщения, чтобы поговорить с Нинель Кирилловной.

“Какъ ваше самочувствие, Эльдаръ Матвеевичъ?”

“Всё хорошо, любезная Нинель Кирилловна, разве что получил лёгкую травму ноги. На тренировке”.

“Бедная ваша нога... Можете прислать фото, я хочу удостовериться, что всё не так серьёзно?”

Пришлось сфотографировать свою волосатую конечность ниже колена, замотанную в эластичный бинт. Выше синяки были столь жуткими, что я бы ни за что не стал их показывать. Затем я подумал, что её больше интересует обмен фотографиями в качестве флирта, чем реальный интерес по поводу моего здоровья, и добавил:

“Теперь ваша очередь, Нинель Кирилловна”.

“Какой вы настойчивый! Ладно, возможно, фотография моей ножки подействует на вась как лекарство”.

Спустя волнительные пару минут фото загрузилось: фигуристая ножка, гладкая, изящная, она была высунута из-под розового кружевного одеяла чуть выше колена.

“Действительно, отлично снимает болевой синдромъ. Только прислалось обрезанное фото, какъ будто там не вся ваша ножка полностью. Нельзя ли переснять?”

Следующее фото оказалось уже значительно выше колена. Ещё пара сообщений, но раскрутить удалось только до уровня бёдер, при этом никаких более приятных непристойностей Нинель Кирилловна себе не позволила. Увы, продолжать наступление я не мог, потому что очень хотел спать. завтра требовалось встать ещё раньше обычного.

Утром уговорил выехать Сиды пораньше, докинуть до злополучного техникума. Благо, дверь клуба на заднем дворе оказалась открытой, но ни тренера, ни кого-то из ребят не оказалась, только одинокая пожилая уборщица подметала полы.

— Мне вещи забрать.

— Давай, милоч, Сергеич что-то говорил, да, — кивнула она, не отрываясь от работы.

Быстро переоделся — дальше времени у меня не представилось бы. Взглянул на уличные пробки в сторону Садового Кольца, и решил, что лучше будет добираться на метро. Увы, по многожизненному опыту передвижения в Москве я знал, что ни одно такси бизнес-класса в час пик не поможет в скорости передвижения так, как подземка. В конце концов, на курсах говорили, что даже московские курьеры из отдела особых поручений не чураются использовать метро.

Турникеты, эскалаторы, оплата телефона касанием — всё примерно как и в других мирах. Вот только первый вагон поезда был окрашен в цвета флага и предназначался для дворян. Однако, судя по всему, это была больше дань традиции, чем жёсткое правило: дежурный жандарм на станции лишь пару раз лениво махнул рукой и злобно зыркнул, отгоняя от дверей уж совсем бомжеватого вида люмпенов. Что-то мне подсказывало, что тут уже потрудились социалисты — рано или поздно с ростом урбанизации в любой крупной стране сегрегации в транспорте становится меньше. Шесть станций и одна пересадка, и чем ближе к центру, тем богаче и чище становились вестибюли, тем разношёрстнее становился народ.

Даже прихрамывая после вчерашнего, до учебного центра я добежал вовремя, за десять минут до заданий. Но только на подходе к зданию я понял, что подготовил себе неприятный сюрприз и раздосадованно хлопнул себя по лбу.

Из-за хаоса последних дней я совсем забыл, что пятница — это день практики, и ехать мне предстояло совсем не сюда. Предстояло ехать на задание, иначе я провалю весь учебный курс.

А второго отчисления в этой жизни я очень не хотел.

Усатый штабс-адъютант, дежуривший в центре, хитро прищурился.

— Уже второй. Этот ещё... Мамонтов тоже заблудился. Надо внимательнее читать расписание!

Справедливости ради, об адресе практики не было сказано ни слова, а сказанное на вводной части за дни уже выветрилось.

— И что за задание?

— Ваш будущий начальник должен распределить. Обычные текущие задания средней сложности и срочности.

Недолго думая, я позвонил Корнею Кучину.

— Ага, нашёлся! Я думал, ты совсем забыл. Ладно, прощаю. На сетевом ресурсе задание уже есть. Я вам одно с Мамонтовым выписал. Ищи давай его, он расскажет.

Телефона Мамонтова не было, но выбежав на улицу и покрутив головой, я обнаружил его на парковке учебного центра, садящимся в подъехавшее такси.

— Стой! Стой, чертяга! — кое-как я заковылял к нему, благо, он обратил внимание и соизволил меня дожидаться.

— Мне сказали, что вас будут отчислять, — с каменным выражением лица сказал Мамонтов, когда я приземлился на заднее сиденье, и секундой спустя зловеще, слегка безумно расхохотался. — Что, хорошо я пошутил, да?

— Нет, — сказал я. — Во-первых, давай на ты, задолбал. Во-вторых, говори, что за задание хоть?

Он заглянул в мобильник — здоровенный и позолоченный по углам.

— Баронесса Эльза Юлиевна Гильдебрандт, Рублёвское шоссе, десятый километр... Товар особой категории, вес брутто — два килограмма.

— Гильдебрандт — это ж адмирал. Не его жёнушка? — подал голос таксист с переднего сиденья.

— Помалкивай, мужик! И уши не грей. А не то мой коллега-сенс нашьёт на тебя затычку. Так, о чём я...

— Где забрать?

— Шестой московский распределительный склад Отдела Особых поручений в Кунцево... Третий Рублёвский переулок, дом 85. Понятия не имею, где это.

— Да знаю я, где это, барин, — снова подал голос таксист. — Вы, главное, не паникуйте. Заказ срочный? Несрочный же, вижу, иначе бы курсантов бы не позвали. Курсанты?

— Заткнись, мужик! — снова рявкнул Лукьян. — Попросил же!

— Молчу-молчу!

Некоторое время ехали молча, затем Лукьян вдруг спросил:

— С Аллой давно знаком?

— Полтора года, поступали вместе. Общались не очень много. А что?

— Нет, просто. Красивая, — сказал он, глядя в окно. — Только зазнаётся очень сильно. Покладистой женой не будет. Родители не одобряют.

— Не будет, — кивнул я.

— Может, тогда... не как жену, а? Ну...

Он как-то испытующе посмотрел на меня — видимо, думая, как я отреагирую.

— Не советую. Упомянула про негативный опыт. Как раз с лицом купеческого сословия.

— А чего это ты её защищать удумал? А? Виды имеешь?

Ситуация немного накалялась, машина мчалась по внутренней магистрали под сотню, но важнее всего было то, что мне ещё с этим расхрабренным петухом предстояло работать. Да уж, менее удачного места и времени для уточнения социальной иерархии было сложно придумать. Самым разумным показалось остудить пыл, переведя в шутку.

— Лукьян, я не имею на её виды. Но если ты хочешь, чтобы я отстоял честь знакомой дамы в дуэли на водяных пистолетах, или, скажем, на пощёчинах — пожалуйста, давай сначала успешно завершим нашу стажировку.

— Ты прав, — кивнул Лукьян, слегка ослабившись. — Женщины приходят и уходят, а карьера остаётся. Уверен, мы уладим этот вопрос позже.

До упомянутого склада на восточной окраине Москвы мы доехали за сорок минут. Такси было арендовано на несколько часов, и наш водитель вальяжно вышел из салона, закурился трубкой. Я уже видел несколько раз, что именно московские таксисты здесь предпочитали курить трубки. Мы же просочились через парковку и поспешили к длинному зданию без стёкол, облицованному дешёвым, но весьма ярким металлическим фасадом. По указателям нашли подъезд “Выдача отделу особых поручений”. На входе охранник проверил у нас документы, затем пропустил в офис.

Фойе было пустым. Коренастая, но весьма красивая девушка, сидевшая в окне, строго спросила:

— Подмосковные? Номер заказа?

— Эм... — Лукьян зарылся в мобильнике, но она догадалась раньше.

— Стажёры, что ли? Неумехи. Сейчас посмотрю в системе... Так... вижу, — сказала она, выгнала на принтере пару страниц и громко хлопнула ладонью об стол. — Подписать о принятии, где клиенту подписывать — знаете?

— Знаем, — кивнул я, хотя бланк этот помнил весьма плохо.

— Распаковка обязательна. Не забудьте отметить в системе. Ждите выдачи.

Откуда-то из полумрака коридора вынырнул сутулый худой парень с лицом настолько бледным, что мог сойти за вампира. Одним словом, типичный кладовщик. Он вывез длинную коробку, замотанную в непрозрачную плёнку — в ладонь шириной и в локоть длиной. Раскланявшись, мы отправились обратно в машину таксиста.

— Интересно, что там? — Лукьян немного неаккуратно потряс коробку, поднеся к уху.

Я несколько грубо вырвал её из рук.

— Только не говори, что ты хочешь распаковать и посмотреть. Если это действительно жена адмирала...

— Что, сенс, чувствуешь что-то? Особ-предмет? Написано, что “товар особой категории”.

— Подозреваю, что это не одно и то же. Ничего не чувствую, честно.

Выехали из Москвы и некоторое время ехали молча, уткнувшись в телефоны. Написала мать — приглашала на званый ужин. “Будут гости, поддержи меня, сынок”, — ну, пришлось согласиться, к тому же, я и так планировал нанести визит. Несколько сообщений было от Аллы, в основном, нечленораздельных, вроде? “А-а! Опаздываю!”, “Таксист — козлина, не знает куда ехать”, “А, где этот чёртов подъезд!” Спросила, что у меня, я сказал, что “товар

особого назначения”.

Любопытство, всё же, одолевало. Логично, что информация о товаре должна была быть где-то в сети. Изловчившись и вспомнив пароль, я зашёл на “ресурс”, то есть сайт Курьерской службы под рабочим аккаунтом. Там был тот самый заказ на доставку.

“Стажёрская доставка. Товарь особой категории, ценность товара — 10 рублей. Оплата произведена. Наименование - (скрыто), Габарить - (скрыто), Батареи въ комплекте - (скрыто). Весъ - 2,1 кг. Доставку производять: Циммеръ Э.М., Мамонтов Л.Г. Премиальные за доставку - 0 рублей.”

Адрес... телефон клиента. Было указано, что “Титулованное дворянство, обращение: баронесса, ваше сиятельство, частый потребитель”. Оценка пользователя и характеристики были скрыты от стажёров. Да уж, яснее не стало. Пригороды тем временем кончились, и мы ехали через густой лиственный лес. Трасса пролегла словно в овраге, с обеих сторон на отсыпанных горках возвышались здоровенные четырёхметровые стены, за которыми выглядывали макушки роскошных особняков. Всё это я уже видел множество раз, и даже именно на трассе с таким же названием. Хотя и страна называлась по-другому, и правящий класс был вовсе не дворянским. Удивительно, как похожими в деталях могут быть настолько разные миры.

Над нами дважды пролетали вертолеты и один раз, высоко в небе — дисколет, от которого возникли помехи в радио и заморгали лампочки на приборной панели. Никаких табличек и указателей на Рублёвке не было, подразумевалось, что кому надо — найдут сами. Таксист, все же, немного заблудился, зарылся в карты, проехал нужный километр и разворачивался, чем вызвал бурю возмущения со стороны Лукьяна. Да уж, тяжело ему будет с девушками, подумалось мне. Еще по прошлым мирам я запомнил эту истину: если человек с ничего начинает срывать злость на обслуживающем персонале и людях низших сословий — в семье он будет тираном. Девушки это очень тонко чувствуют и бегут от таких парней.

Наконец, мы свернули в узкий длинный проезд между двух высоченных глухих заборов. В конце обнаружилась тесная парковка на три машины перед огромными, в пять метров шириной воротами.

— Ты позвонишь? — спросил Лукьян. — Думаю, у тебя получится лучше.

Я кивнул — страха перед телефонными звонками я никогда не испытывал.

— Добрый день! — ответил неожиданно-высокий мужской голос.

— Эм... Курьерская императорская служба, отдел особых поручений беспокоит. Доставка. Мое имя — Эльдар Циммер, мы уже находимся у ворот вашего поместья.

— А, да-да, госпожа что-то говорила. Сейчас выйду.

— Извините, но доставка только в руки... — начал я, но трубку уже повесили.

Лукьян, напряженно вслушивавшийся в разговор, тут же запаниковал:

— Что, дворецкий? Дворецкому нельзя, неужели ты не знаешь! И что теперь делать? Вечно они суют свой нос...

— Погоди, разберемся.

Мой напарник вдруг пристально взгляделся мне в лицо, затем пробормотал:

— Убери-ка вот это, тебе не идёт.

И с этими словами он бесцеремонно содрал с моей скулы пластырь, оставшийся после недавнего побоища. Я еле сдержался, чтобы не заорать и не съездить ему по носу за такую наглость.

— Никогда так не делай! — прошипел я. — И напомни мне, чтобы я тебе как следует

врезал после окончания заявки!

— Что?! — Лукьян удивлённо воззрился на меня, совершенно не поняв, в чём проблема.

Бронированные ворота медленно поехали в сторону, за ними обнаружился смуглый азиат — лысенький, пухленький, в светлом элегантном пиджаке. И, похоже, визиты курьеров особого отдела Курьерской Императорской Службы для него были не в новинку.

— Пройдёмте, пройдёмте, я знаю, что вам нельзя давать это в руки прислуге.

Он засеменил по тропинке, выложенной разноцветными булыжниками, а мы взяли посылку и последовали за ним.

Площадь поместья была впечатляющей. Забор на противоположной стороне был еле различим за многовековыми лиственницами и вязами, а впереди обнаружился с десяток строений. Сперва мы увидели длинный дом, похожий на барак с крохотными огородами в углу участка огороженный дополнительным забором — судя по всему, жилища дворни. Дальше — конюшни, какие-то вольеры, из которых доносились незнакомые звуки и запахи. Сад, где я различил цитрусовые, персики, виноградные лозы на изящных подпорках. Небольшой пруд с фонтаном, по центру которого расположилась беседка. Большой крытый бассейн и две высокие, в три этажа, оранжереи, в которых растительность была ещё более буйной и тропической, а по ветвям прыгали стайки обезьянок.

Глядя на странную фигуру дворецкого и других прислужников на участке, переговаривавшихся высокими голосами, я вдруг понял, что в них всех не так. В голове всплыло неприятное слово “евнух”, которое до того соотносилось у меня только с миром арабских сказок. Неужели хозяин этого дома настолько ревнив, что не позволяет половозрелым мужчинам оставаться надолго внутри поместья?

— А это что? — тихо пробормотал Лукьян, тыкнув на большую расчищенную площадку со здоровенным крестом посередине. — Спортивная, что ли?

— Для вертолёта, — догадался я.

Лукьян усмехнулся и поправил меня:

— Ну что ты, как белорус какой-то. Для геликоптера!

И, наконец, через метров триста, показалось поместье. Четырёхэтажное, отделанное белоснежным мрамором, с резными каменными наличниками, статуями античных богов, стоящих на стилобате и огромными панорамными окнами гостиной.

Нас проводили в фойе.

— Не угодно ли вам будет сдать оружие? — спросил меня дворецкий.

На этот момент у меня имелась инструкция, заученная в ходе сеанса нейропрограммирования.

— Простите, нет. Курьер императорской службы является лицом, выполняющим должностные обязательства с особо ценными предметами, что сопряжено с особым риском. В соответствии с главой двенадцать устава Курьерской службы — я имею право отказаться снимать оружие и матрицированные средства индивидуальной защиты. Если нахождение в доме клиента с перечисленным недопустимо — мы можем произвести передачу...

Лукьян перебил меня и закончил фразу, силясь показать, что тоже хорошо всё запомнил:

— Можем произвести снаружи, на нейтральной территории или в присутствии охраны клиента, да.

Дворецкий удовлетворённо кивнул и приоткрыл дубовые резные двери.

— Проверяете нас, что ли? — пробормотал Лукьян.

Проходя через ворота, я почувствовал лёгкое жжение в области цепочки и кольца на левом руке. Похоже, кто-то меня усиленно просканировал на предмет чего-то запрещённого.

За дверями раскинулась гигантская, на двести квадратных метров, гостиная — пара каминов, большой стол, шкафы, диванчики, стенды для картин и просторная мастерская в углу.

И тут я увидел её — баронессу Эльзу Юлиевну Гильдебрандт.

И стал удивлён и обескуражен.

Главной причиной удивления была не её одежда — лёгкий розовый халат, походивший на пеньюар, под которым, вполне очевидно, вовсе не было одежды. И не её внешность — нежные черты лица с тонким привкусом восточной страсти, длинные светлые волосы, мокрые после душа, волнующая, совершенно не скрываемая под халатом фигура.

Гораздо больше удивило то, что я уже видел эту женщину — это была та самая художница, с которой беседовала моя маман в первые минуты, когда я вошёл в наше родовое имение. Но самым удивительным стало озарение, которое не случилось при нашей первой встрече. Я был точно уверен, что видел её двойника то ли в предыдущих жизнях, то ли в Бункере.

Эльза... какое знакомое имя. Я понятия не имел, сколько ей лет, могло быть и двадцать пять, и сорок, но у такой дамы не возникало даже мысли спросить такую нелепость. Всё равно, дамы такого сословия и, не побоюсь этого циничного определения, “породы”, одинаково выглядят и в двадцать пять, и в сорок, а иногда — и в пятьдесят пять. Кем она могла быть там, в других реальностях? Моей любовницей? Супругой, матерью моих детей? Моей первой школьной учительницей? Медсестрой, которая спасла меня на поле битвы?

Или тем, кто пытался меня убить и кто умер от моей руки? Я помнил, что мне ещё обязательно придётся выполнить несколько убийств на пути к цели. Несколько ключевых для реальности людей-парадоксов, после которых ветвь Древа начнёт засыхать. Но сейчас об этом думать не хотелось. Всё, о чём думал мозг курсанта Эльдара — это то, что он непременно хочет обладать женщиной, находящейся перед ним.

Она привстала с диванчика, нежно размазывая по запястьям какой-то ароматный крем. Ростом она оказалась на полголовы выше меня. Каждый её шаг отзывался волнительным покачиванием тела под едва прикрытым халатом. Я буквально на расстоянии чувствовал, насколько она тёплая и гладкая под ним.

И в то же время прямо кожей почувствовал, насколько она мощный сенс. Кольцо на пальце снова зажгло кожу. Захотелось замотать головой, выкинуть это наваждение. Неужели она на меня воздействует? Я и до экстрасенсорных способностей хорошо умел считывать невербальные сигналы, особенно у женщин, и попытки произвести впечатление были налицо. Стоп, подумал я. Остановись.

Во-первых, я не нанимался на роль мальчика-жиголо у богатых дворянок. Я сам должен выбирать тех, с кем мне спать, а не они, и тем более я не должен позволять кому-то из незнакомых женщин мною манипулировать. Во-вторых — всё это может быть проверкой на вшивость. Не зря всё это является тестовым заданием на курсах — следовательно, необходимо проявить максимальную деликатность во время общения с клиентом, при этом не переходя черту, не потеряв честь и достоинство.

Ну, и в третьих — было бы верхом наивности полагать, что кольцо на безымянном пальце дамы ничего не значило, и хозяин поместья позволил бы ей развлечься с первым встречным пареньком. Надо быть осторожным, сказал я себе.

— Стажёры? Мальчики... проходите.

Лукьян, который всё это время нёс посылку, немного неуклюже протянул её даме.

— Вот... Это вам.

Удивительно было наблюдать за ним — при виде легкомысленно одетой богемной дамы он мигом потерял былое высокомерие. И в движениях, и в мимике стал похож на испуганного подростка или на оленёнка, которого загнала в угол молодая львица. Девушка улыбнулась:

— Ну. Зачем же так сразу. Позвольте соблности хотя бы минимальный ритуал гостеприимства...

В её руке возник колокольчик. Мигом откуда-то из-за ширм выскочил темнокожий парень, совсем молоденький, младше меня, который поставил два стула и небольшой журнальный столик. Следом, буквально через десяток секунд, выскочила кухарка, которая поставила дымящийся чайный сервиз.

— Присаживайтесь, мальчики. Это ваш первый раз, да? Я вижу, что первый раз... — она прищурившись, посмотрела на меня и кротко улыбнулась. — Мне кажется ваше лицо знакомым, подпоручик. Где я могла вас видеть?

Глава 20. Конец первого тома

— Эльдар Циммер, ваше сиятельство, — произнёс я слегка пересушенным горлом. — Вы, вероятно, знакомы с моей матушкой.

Я до сих пор путал формы титулования и толком не запомнил, как было правильно, но, похоже, не ошибся.

— Циммер! — расплылась в улыбке дама. — Валентина, чудесный человек. Слегка прижимистая, конечно, вечно задирает проценты, но мои работы у неё очень хорошо продаются.

Я поглядел на картины на стенах. Рисовала дама не то, чтобы шикарно, но весьма недурно и с явно-прослеживающимся стилем. На паре работ, висящих на стене, изображалась старинная семейка крепостных с головами милых сибирских котов.

Эльза Юлиевна разлила по кружкам чай. Я вспомнил, что девушкам-курьерам разрешается отказываться от угощения либо проверять состав при помощи артефактов. Здесь же опасности никакой не чувствовалось — Лукьян шумно отпил, слегка поперхнувшись, затем разбавил немного напряжённое молчание.

— Простите за нескромность, ваше сиятельство... Гильдебрандт... ваш супруг... как сказать?

— Мой супруг — контр-адмирал третьей авианосной бригады, барон Аскольд Филиппович Гильдебрандт, — слегка похолодевшим тоном ответила хозяйка, — уже четвёртый месяц находящийся на боевом дежурстве в акватории Кораллового Море, у берегов новогвинейского конфликта.

Вот так поворот, подумалось мне. Неужели нам налили чай по этой причине? Или, всё же, это часть нашего экзамена, наша проверка на вшивость?

— Миклухо-Маклайск, — кивнул Лукьян. — Я слышал, что проклятые норвеги...

— Прошу, давайте не будем о войнах и политике, — помотала головой Эльза Юлиевна. — Я тоже весьма волнуюсь, юноши. Подобная покупка... Требуется особой деликатности, сами понимаете.

Её тонкая рука подняла со столика посылку.

— Если вы так настаиваете... Я открою упаковку. М-м, без следов вскрытия, это хорошо...

Острый противоположный конец чайной ложки весьма аккуратно прошёлся по краю плёнки. Под ней оказалась картонная упаковка с защитной «пупырькой» внутри. Из-за того, что коробка была плотно подогнана по размеру, Эльзе Юлиевне не сразу удалось вытащить содержимое.

— Вам помочь? — предложил я.

— Нет, что вы, что вы. Это такой интимный процесс.

С этими словами она зажала коробку коленями и дёрнула на себя. Подол розового пеньюара, и так ничего не скрывавшего, от такого манёвра задрался чуть выше по бедру. Разумеется, мой взгляд и взгляд Лукьяна жадно скользнули вслед за краем одеяния. Внутри коробки оказался деревянный чехол из красного дерева, обработанный лаком, на крышке которого было выгравировано «Герхардъ-18».

Тонкие ухоженные пальцы прошли по краю, нащупали зазор и приоткрыли крышку. Признаться, после слов о муже-адмирале я уже подспудно догадался, что там может быть. И

мои догадки подтвердились.

Внутри, завёрнутый в бархатную салфетку, лежал электрический прибор длиной чуть короче локтя, который мне уже приходилось встречать в прошлых жизнях в квартирах одиноких дам. Наверное, будь я даже из совсем другого Древа Реальности, я бы всё равно догадался, для чего это предназначено. Гладкость, ярко-красный цвет матового пластика и бесстыдность формы говорили о его предназначении сами за себя.

Лукьян при виде такого покраснел, как краб. Кольцо на пальце тоже зажгло кожу, — Герхард... — проговорила Эльза Юльевна, пройдясь по прибору пальцами, а затем весьма сноровисто взяла его в ладонь. — Надо проверить, есть ли аккумуляторы. Есть — это хорошо. Юноши, вы же не будете против, если я подпишу документы, не проверяя его работоспособности?

— Да-да, конечно, — Лукьян засуетился, неловкими движениями доставая сопроводительные документы. — Вот тут и тут...

Она внимательно изучила подложенный документ, продолжая полу-инстинктивно поглаживать купленный предмет. Лукьян так и заёрзал на месте, а после подписания бумажки грубовато сложил её, встал, положил за пазуху и поднялся.

— С вашего позволения, мы отклоняемся, ваше сиятельство, — он коротко кивнул, подал руку, чтобы пожать, тут же её отдёргнул и осторожно зашагал к выходу.

— Я вас ещё никуда не выгоняю, — сказала Эльза Юльевна немного настойчиво и вздохнула.

Я последовал за коллегой, поймал у деревянных дверей.

— Ты не думаешь, что нам нужно остаться? — тихо спросил я. — Возможно, это проверка. Которую мы должны пройти. Не думаю, что тут что-то...

— Контр-адмирал! Если он что-то узнает! Это провокация!

— Не думаю. Ты видел Корнея Кучина? Думаешь, он не мог это всё подстроить?

Договорить нам не дали.

— Вы торопитесь? — спросила Эльза Юлиевна, поднявшись с дивана. — Я думаю, вашего коллегу мы можем более не задерживать.

— Я провожу, госпожа, — сообщил тут же нарисовавшийся дворецкий.

«Госпожа». Что-то я не слышал, чтобы крепостные так называли своих барей. Я коротко кивнул Лукьяну и остался. Баронесса продолжила.

— Эльдар... забыла ваше отчество, Максимович? У меня есть несколько вопросов и дополнительная просьба... как к сыну Валентины Альбертовны.

— Матвеевич, — поправил я. — Что вам угодно, ваше сиятельство?

— Я хотела бы попросить вас пройти вот в то помещение, мне хотелось бы, чтобы вы сфотографировали несколько моих новых работ для галереи вашей матери. Идёмте.

Она направилась в дальний конец гостиной, туда, где она плавно переходила в мастерскую. Что ж, подумал я, если это экзамен, то Лукьян уже его не сдал, поэтому мне следует пройти его до конца. В конце зала обнаружились перила и достаточно крутая лестница вниз, в подвал. Баронесса шагала босиком, элегантно подхватив подол халата и осторожно наступая на деревянные ступени лестницы.

Пахло смесью растворителя, масляными красками и сырым деревом. А ещё пахло ею — на ходу она оставляла шлейф из ароматов, оставшихся после душа, а также чего-то неощутимого, прекрасного. То ли это были феромоны, то ли одна из очередных колдовских штучек. Внизу обнаружился огромный, во всю длину панорамной гостиной, подвал.

Освещение медленно включилось, как только узкая ступня коснулась пола — от ближайших к нам ламп до самого дальнего края. Почти всё пространство занимали стеллажи с картинами — от крохотных, размером меньше сложенного вдвое писчего листа, до гигантских триптихов во всю высоту низкого потолка. Были и скульптуры — большие, маленькие, изображавшие разных мифических существ и античных богов.

— Идёмте дальше, — она положила ладонь мне между лопаток и подтолкнула дальше, в самый конец хранилища. — Ещё, прошу, пожалуйста, не называйте меня «ваше сиятельство», меня это бесит.

Там обнаружился потёртый кожаный диван, ширма для переодевания, постамент, шесть и ещё ряд весьма странных предметов, стоящих напротив большого мольберта с неоконченной картиной. На картине изображался недописанный голый мужчина, стыдливо прикрывавший интимное место фиговым листком. Не то Адам, не то Аполлон, не то просто какой-то известный богемный «дворник», как называла их Алла.

Я взгляделся в лицо, оно мне показалось знакомым, и вдруг я понял, кто это. Леонард Голицын, мой сосед по коттеджному посёлку.

Становилось всё интереснее. Неужели меня тоже собираются рисовать? Никогда не любил позировать, да и Аполлон из меня пока что был весьма никудышный. Но опасения не подтвердились.

— Вот, — Эльза Юлиевна наклонилась над одной из небольших работ, стоящих в самом низу.

Там изображалась чрезвычайно худая, абсолютно голая девушка с цветными волосами и почти отсутствующими формами, она стояла на коленях на фоне строгого офисного интерьера. На шее была тонкая цепочка, которую кто-то, не изображённый на картине, держал в руке. Язык был высунут, как у цепной собаки.

— Вы хотите, чтобы я это сфотографировал? А это, как бы сказать, точно разрешено?

— Разрешено? — фыркнула баронесса. — Натурщице восемнадцать лет. Картина называется «Барская сучка». Эльдар Матвеевич, поверьте, мне разрешено очень многое... Разрешено выставляться в лучших галереях Москвы, Подмосковья, Санкт-Петербурга, Нюрнберга, Вены. Разрешено продавать даже весьма смелые работы, как, например, эту. Мне позволили оборудовать вот эту студию для обнажённой натуры и приводить сюда молодых юношей. Разумеется, под присмотром бдительной экономки моего супруга. Которая сегодня по счастливой случайности, отсутствует. Кстати, в этом углу нет камер, так что фотографируйте, не бойтесь...

С трудом удержался и оставил за скобками беседы вопрос о том, почему сама она не могла сфотографировать это и отправить моей матери. Присел на корточки, чтобы поймать лучший ракурс и продолжил диалог:

— Совсем не боюсь, Эльза Юлиевна. Что ещё вам разрешено?

— Разрешено ездить на десяток адресов из списка, в числе которых усадьба вашей матери. И даже разрешено приобретать особые инструменты для удовлетворения своих естественных потребностей в отсутствие мужа. Распаковку одного из инструментов вы могли лицезреть.

Я щёлкнул непотребную работу пару раз фотоаппаратом своего «Циммера», а затем обернулся. «Госпожа» тем временем легла на диван и, похоже, слегка волновалась. Движения стали менее уверенными, она несколько раз поправила волосы, сбившийся подол халата, устроилась поудобнее. Теперь я понял, что ошибался — это совпадение, которое вряд

ли могло быть подстроено моим начальником. Просто мне повезло попасть на богатую одинокую женщину, запертую в золотой клетке.

Ситуация становилась опасной и интригующей одновременно.

— Но? — осторожно спросил я.

— В смысле?

— Ваше предложение выглядит незаконченным, ваше... — я осёкся и назвал по имени. — Эльза Юлиевна, вы сказали, вам многое разрешено, однако я услышал, что во фразе ясно прозвучало «но». Что-то вам, разумеется, запрещено. Я думаю, есть ещё какая-то причина, по которой вы пригласили меня в этот укромный угол?

Я произнёс этот короткий монолог, и мне стало немного страшно — я почувствовал, с каким огнём играл. И моё кольцо на пальце подтвердило это, снова отозвавшись жжением на коже.

— Вы правы, Эльдар, — кивнула Эльза и плавно вытянула левую ногу. — Любая светская львица, для которой муж построил золотую клетку, периодически испытывает соблазн загнать в эту клетку...

Она остановилась, подбирая подходящую аналогию, и я подсказал:

— Молодого гепарда?

Баронесса рассмеялась.

— Я выбирала что-то из копытных, но ваш вариант мне даже больше по душе. Вы так нервно потираете кольцо на пальце... Вы католик? Кольцо помолвочное?

— Нет, Эльза Юлиевна, просто это кольцо сигнализирует, что вы пытаетесь на меня повоздействовать.

Госпожа нахмурилась.

— Странно. Вовсе нет. Это... вероятно, это побочный эффект моего навыка, отчасти, именно поэтому я очень редко выхожу из дома. Эльдар, мы оба — взрослые люди, я вижу, что вы не по годам умны и рассудительны. Вы прекрасно поняли, что я привела вас, чтобы предложить... оказать мне одну услугу. Нет, я не собираюсь совершить адюльтер, хотя...

Она сделала многозначительную паузу.

— Хотя? Вы великолепная, внеземной красоты девушка, Эльза. Признаться, я испытал очень сильное возбуждение, когда переступил порог зала, — с этими словами кольцо зажгло так горячо, что я с трудом сдержался, чтобы не сдёрнуть его с пальца. — Однако, вы должны понимать, что доля гордости есть и у мелкоземельных дворян. Я не прохожу собеседование на должность... элитного мальчика-проститута.

Последнее я произнёс с большим трудом.

— Нет-нет, дорогой Эльдар, ты... вы... Конечно же нет. За мою услугу я вполне готова заплатить две-три сотни, но ни за что не стала бы просить вас сделать это против вашей воли. Вы можете уйти прямо сейчас. Знаете, мне очень понравилось, что вы обосновали свой отказ не страхом перед моим мужем, а гордостью. Вообще... я давно определила предел, до какой степени могу изменить моему супругу. И ни разу не переступала его, и мой супруг это знает. Он обладает весьма сильными телепатическими навыками. Он сумеет прочесть меня, если я переступлю черту.

— И где же проходит эта черта?

— Всё, что касается интимного акта во всех его разновидностях. Однако... Тактильный контакт. Мне чрезвычайно, нестерпимо хочется простого тактильного контакта, — в её голосе впервые прозвучали слёзы. — Я не говорю о сексуальном удовлетворении, я

справлюсь с этим и сама, просто... Мне хочется, чтобы меня потрогали.

Признаться, я и сам хотел её потрогать с самой первой секунды, как увидел. Хотел я, старый солдат-Секатор, истосковавшийся по женской ласке, хотел и мою юный, девственный организм, доставшийся от реципиента. Хотел и мой нераскрывшийся навык сенса. В голове всплыла фраза преподавателя философии про «острые ощущения» — когда ещё представится подобная возможность?

Поэтому я воспринял эту фразу не как приказ, а как искреннюю просьбу одинокой девушки, которой было слишком жестоко отказать. Я присел на диван, провёл по её плечу, затем положил руку на резную, гладкую ступню. Пальцы пробежались по внутренней стороне, прошлись по подушечкам пальцев, размяли напряжённые мышцы голеностопного сустава. Кольцо на пальце зажгло ещё сильнее, стало нестерпимо горячим, но я все еще сдерживался. Главное — не переступить черту, подумалось мне.

Навыки массажа — одно из тех простых умений, что передаётся сквозь все жизни, и в этом я был хорош. Мышцы под моей ладонью становились всё расслабленней, кольцо жгло всё сильнее. На какой-то миг я подумал, что оно так отзывается на степень возбуждения партнёрши. И в это же мгновение я понял, что обратного пути нет. Эльза перевернулась на живот и потянула вверх подол халата. Моя рука лезла всё выше и выше по ноге, кольцо становилось всё раскалённей, наконец, я стянул его с пальца и положил в карман.

А в следующий момент она набросилась на меня. Обожгла быстрым поцелуем, начала стаскивать одежду. Сопротивляться было бесполезно, да и часть меня уже давно не хотела сопротивляться. Грань, за которой общение оставалось безопасным, была безвозвратно пройдена. Я помог ей освободиться от халата, увидев, наконец, то, чего так долго жаждал увидеть.

Теперь меня точно прикончат, казнят, или по крайней мере кастрируют, подумалось мне и я...

— Не надо, — она осторожно отвела руку.

Я и сам инстинктивно отдернул ладонь. Голос прозвучал одновременно и снаружи, и внутри головы. От одного касания ощутилось, насколько её тело оказалось горячим — намного выше температуры лихорадочного больного. Примерно так бывают раскалены деревянные сиденья в финской бане: кожа может привыкнуть, но сначала инстинктивно старается уменьшить площадь соприкосновения.

Это было ненормальным. Нечеловеческим.

— Не бойся, — прошептала она.

Мой запал на мгновение поуял, но резкий переход на «ты» помог вернуть тонус, а ее горячие руки тут же принялись вытворять со мной такое, что могло бы реанимировать даже умирающего. Стало сразу безразлично, какие у кого странности и тайны. Я приблизился к точке кипения очень быстро — влияла и ситуация, и место, и непривычный жар, исходящий от ладоней. Казалось, процесс заводил её не меньше, чем меня, она постанывала от удовольствия, словно напиваясь энергией, и в миг, когда все должно завершиться... ее тело вспыхнуло тонкой пленкой огня.

Она закричала — не то от боли, не то от безумного наслаждения. Я схватил брошенный на диван халат и принялся хлестать её по бокам и груди, пытаясь сбить пламя. А в следующий миг сработала система пожаротушения — вроде той, что погасила костер у Сиды.

Все поверхности в подвале вмиг покрыла пена. Я захрипел, забарахтался в ней, силясь стряхнуть её и продышаться, но закончилось все даже быстрее, чем я предполагал.

Мы упали на диван, откашлялись и восстановили дыхание. Пена быстро оседала и растворялась, не причинив вреда ни нам, ни картинам, откуда-то сверху задул свежий ветер.

— Что это, мать твою, было?! Пирокенез?

— Госпожа! Госпожа! — послышались крики дворецкого сверху. — С вами все в порядке?

— Я занята! Не мешать! — рывкнула Эльза, а затем потянулась ко мне, мигом сменив тон. — Прости, этот дар... мое проклятье. Мы не закончили, я должна...

— Хорошо, госпожа! Просто к нам прибыли, — крикнул дворецкий.

Эльза остановилась на миг, прислушалась. Прислушался и я. Где-то наверху, с улицы доносился рокот лопастей вертолета.

— Он вернулся! — хозяйка подхватила халат и помчалась наверх, начисто позабыв про меня.

Прозвучала фраза не то испуганно, не то радостно. Примерно так закончилось моя первая рабочая заявка стажёра Императорской Курьерской Службы.

Но радоваться мне было пока рано — теперь предстояло решить, как выбираться из западни.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

БОНУС. Справочник - мир Российской Федеративной Империи

Внимание! Это страница бонусных материалов.

Публикуется как есть (сеттинг формировался задолго до романа и может содержать неточности и противоречия).

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ ИМПЕРИЯ

Столица - Москва

Общее население - 225 млн. человек (5-е место, 2010 год).

Общая площадь - 14 300 млн. км (2-е место - исключая американские и зеленогорские доминионы, 17 300 млн.км, 1-е место - включая)

Глава - Николай IV Годунов (с 1990 г.)

Валюта - Рубль

Государственный язык - русский

ВВП - 186,3 млрд. рублей (4-е место)

Крупнейшие национальности Российской Империи (свыше 1 млн. человек, метрополия, не включая колонии):

Русские (включая малороссов, белорусов, казаков и поморов) 140,058 62%

Поляки 13,7799 6,1%

Татары (включая кряшенов, сибирских и служивых татар) 11,7468 5,2%

Киргизы (включая казахов) 10,1655 4,5%

Немцы (включая швабов, австрийцев, баварцев и русских немцев) 7,0029 3,1%

Финны 4,9698 2,2%

Евреи (включая караимов) 4,7439 2,1%

Монголы (включая калмыков, бурятов и тувинцев) 3,95325 1,75%

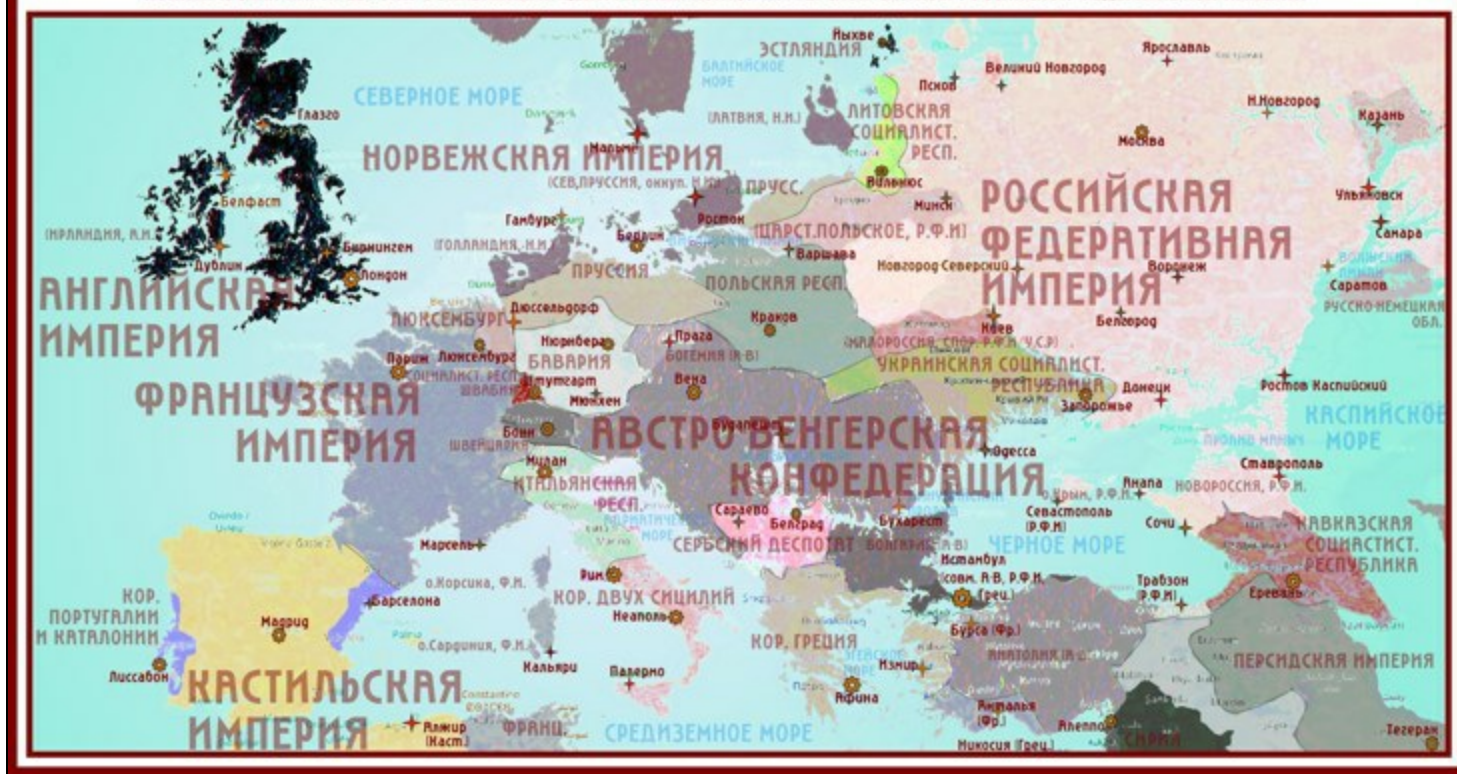
Удмурты 3,6144 1,6%

Башкиры 3,29814 1,46%
Марийцы 3,23037 1,43%
Чуваши 3,1626 1,4%
Армяне 2,4849 1,1%
Вогулы (включая коми-пермяков и манси) 1,92015 0,85%
Якуты 1,5813 0,7%
Чеченцы 1,46835 0,65%
Эскимосо-алеуты (включая чукчей, коряков и инуитов) 1,3554 0,6%
Эстляндцы 1,24245 0,55%
Мордовцы 1,08432 0,48%
Англичане (включая англоамериканцев, афроангличан и аурелийцев) 1,01655 0,45%
Другие 4,02102 1,78%
225,9 100%

Список городов Российской Империи с численностью населения свыше 800 тыс. человек (не включая пригороды, по данным переписи 2010 г., включая царства Польское, Финляндское).

Москва - 18 560 тыс. человек
Санкт-Петербург - 3 730 тыс. человек
Варшава - 2 910 тыс. человек
Новосибирск - 2 600 тыс. человек
Верх-Исетск - 1 840 тыс. человек
Алма-Ата - 1 710 тыс. человек
Минск - 1 630 тыс. человек
Ростов Каспийский - 1 530 тыс. человек
Саратов - 1 510 тыс. человек
Казань - 1 500 тыс. человек
Нижний Новгород - 1 410 тыс. человек
Иркутск - 1 390 тыс. человек
Омск - 1 340 тыс. человек
Челябинск - 1 290 тыс. человек
Ачинск - 1 270 тыс. человек
Пермь - 1 190 тыс. человек
Воронеж - 1 120 тыс. человек
Сургут - 1 080 тыс. человек
Тампере - 1 060 тыс. человек
Ярославль - 1 020 тыс. человек
Барнаул - 1 010 тыс. человек
Хабаровск - 990 тыс. человек
Тюмень - 970 тыс. человек
Самара - 930 тыс. человек
Якутск - 890 тыс. человек
Норильск - 850 тыс. человек
Акмола - 810 тыс. человек

Европейская часть Империи

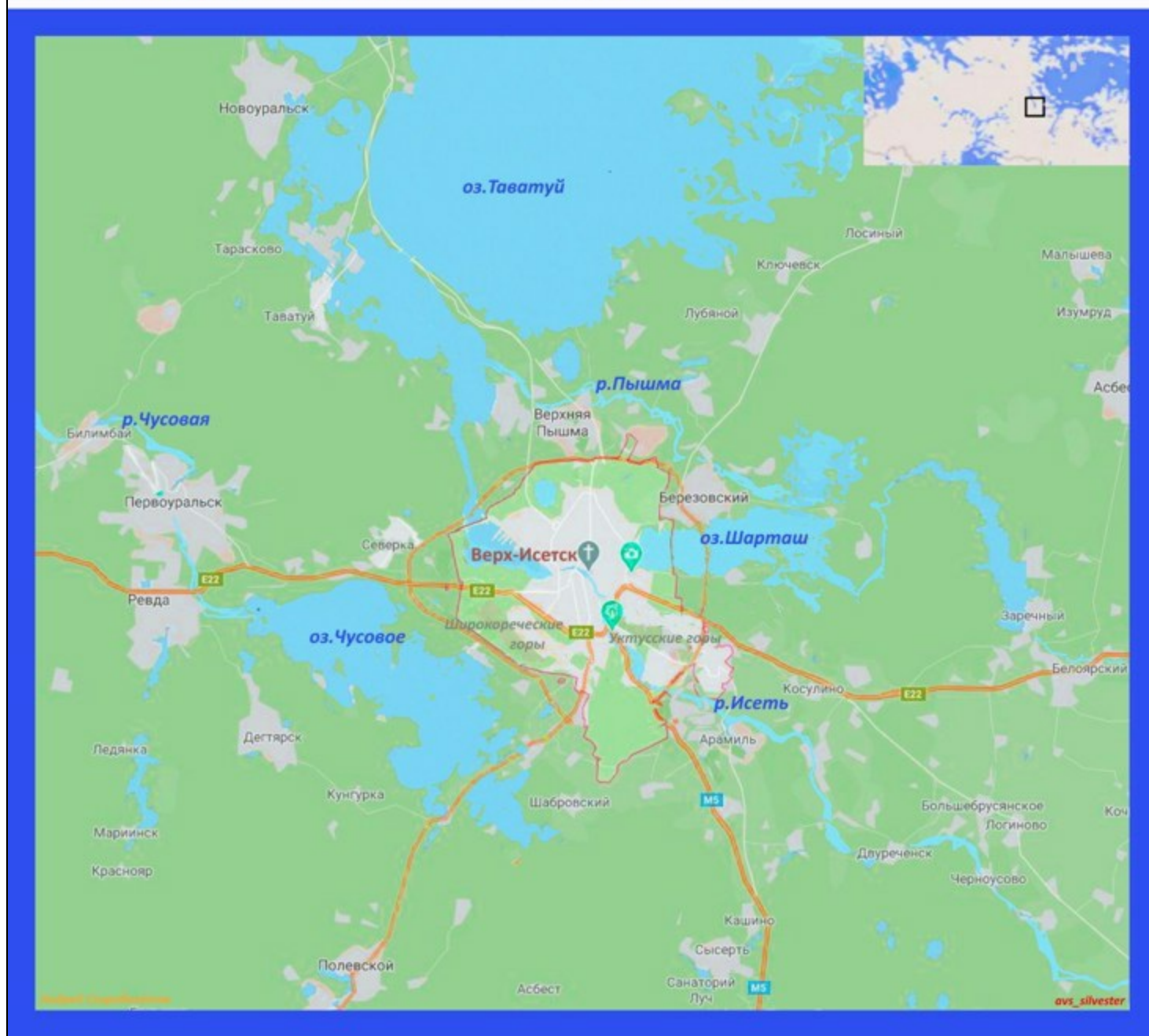
Часть территорий стали независимыми в результате политического кризиса 1990-х годов (вероятнее всего, из-за активных подрывных действий Австро-Венгерской конфедерации). Ростов и Санкт-Петербург расположены в других местах, чем у нас. Поскольку Ладожское озеро является заливом обширного Финского моря, окно в Европу Пётр Первый расположил на берегах Невской Протоки (она же река Свирь) из Онежского озера в Ладожский залив.

Столица была перенесена обратно в Москву после Второй Японской Войны (1916-1920), когда союзная с Японцами Английская Империя неоднократно пыталась осадить столицу и даже брала её в блокаду на 200 дней. На месте Санкт-Петербурга нашей реальности же расположен небольшой остров и Крондштатская крепость, служащая, наряду с Эстляндскими Островами первым рубежом обороны перед Санкт-Петербургом. После 1990-х Эстляндия приобрела независимость и была признана демилитаризованной зоной.

Хельсинки являются небольшой островной деревушкой, а главный финский город - Тампере, белокаменная северная жемчужина, отстроенная на болотах императором Александром I после успешного завоевания Финляндии в ходе войны против Норвежской империи. Варшава и треть польских земель, полученные в результате раздела Речи Посполитой, являются западными воротами державы и одним из самых сложных регионов, где процветают сепаратистские настроения, несмотря на многочисленные преференции и льготы, выданные европейским вассальным народностям. Несмотря на де-факта союзнические отношения с большинством крупнейших европейских держав (Пруссией, Баварией, Грецией и Францией) всеми ими, и, в частности, Австро-Венгрией неоднократно поднимался вопрос о выдаче данному региону независимости, аналогично той, что была выдана в 1990-ые УССР и Кавказской Советской Федерации.

Верх-Исетск

Карта гор. Верх-Исетска, Таватуйского, Чусового и Арамильского уездов Пермской Губернии Российской Империи (2010 г.)

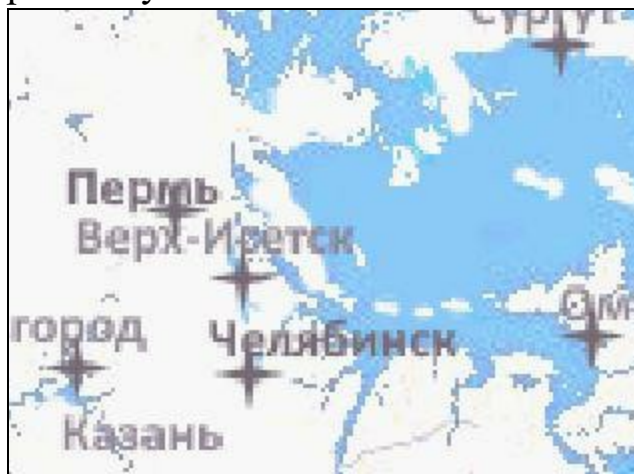

Установлено, что население селилось на Урале ещё во времена среднего неолита. Одним из материальных доказательств является Шигринский идол, найденный на берегу оз. Таватуй - древнейшая в мире деревянная культовая статуя, хранящаяся в Краеведческом музее, возраст которой по данным экспертизы составляет более 11 тыс. лет. Также стоянки древних людей обнаружены в деревне Палкино, на Уктусских горах. Позднее на эти земли пришли вогулы и башкиры, основавшие ряд деревень и древних городов - Уктус, Шувакиш, Шарташ, Таватуй. Последний - единственный из сохранившихся в качестве самостоятельного поселения, долгое время являлся главным портовым городом и центром вогульско-башкирской торговли на крупнейшем на Среднем Урале пресноводном озере Таватуй. Всё изменилось в эпоху Средневекового Глобального Потопа. Массовый отток вогульского населения с затопленных земель в ходе формирования Новосибирского моря изменил привычный кочевой племенной уклад, что привело к росту городов и

возникновению раннефеодального Вогульского Каганата.

Первыми из русских в эти края пришли новгородские поморы, уничтожившие в ряде военных конфликтов в XV веке каганат, построившие города Верхотурье, Калатай, Невьянск и прорывшие Таватуйско-Туринский судоходный канал, позволявший беспрепятственно добираться на ладьях из прибрежных колоний Новосибирского Моря до верховьев р.Чусовой. Дальше ладьи волоком через перевалы Широкореченского хребта доставлялись в оз.Чусовое, откуда начинался их путь через Каму в бассейн Волги.

В начале промышленной революции возникла потребность в строительстве новых заводов, в результате чего в пяти километрах ниже от истока р.Исеть по приказу Петра I Татищевым был заложен Верх-Исетский Завод, плотина которого подняла уровень воды в нижней части оз. Таватуй на полтора метра, образовав Верх-Исетский залив. Ещё ниже по течению был построен город Екатеринбург, в начале двадцатого века слившийся с Верх-Исетском и ставший в последствии отдельным административным Екатеринбургским районом в составе города. Именно здесь, в Екатеринбурге произошёл в 1919 году расстрел лидеров большевистского путча, в том числе Ленина и Сталина, что надолго сделало Верх-Исетск городом мирового "паломничества" сторонников социалистических идей. В конце XIX века город стал одним из центров грандиозного строительства Среднего обхода Транссибирской Магистрали, возведённой от Тюмени на насыпных дамбах через обмелевшие заливы Новосибирского Моря, что позволило сократить путь до Владивостока на трое суток. В эти годы

После второй Японской войны, проигранной Российской Империей, Верх-Исетск стал центром военного машиностроения. К Третьей Японской, именуемой также в ряде источников Мировой Войной, город оказался готов. Такие заводы-гиганты, как Уралмаш и Эльмаш заложили основу прибрежного оборонительного флота, выпустили более десяти тысяч танков-амфибий и двух тысяч экранопланов. Бойцы Уральского фронта успешно отражали атаки Оси со стороны Новосибирского Моря, в год Блицкрига возведённые в Туринском Заливе три насыпные линии обороны позволили сохранить промышленный центр и важнейший узел Транссибирской Магистрали, не позволив осуществиться планам прорыва в южные заливы Новосибирского Моря и разделению страны на западную и восточную часть.

После войны, в царствование Константина II, в период Ледяного Противостояния началась эпоха Великих Строек. Город, как и многие другие уральские города, был на сорок лет закрыт для посещения иностранцами. За это время завершены новый Серовский Тракт к северным уездам губернии через озеро Таватуй, а также три моста (включая крупнейший на

Урале подвесной вантовый мост), сократившие путь железнодорожному и автомобильному транспорту по Московскому тракту. Построен второй транспортно-гражданский аэродром Северка (в дополнении к южному Арамиль).

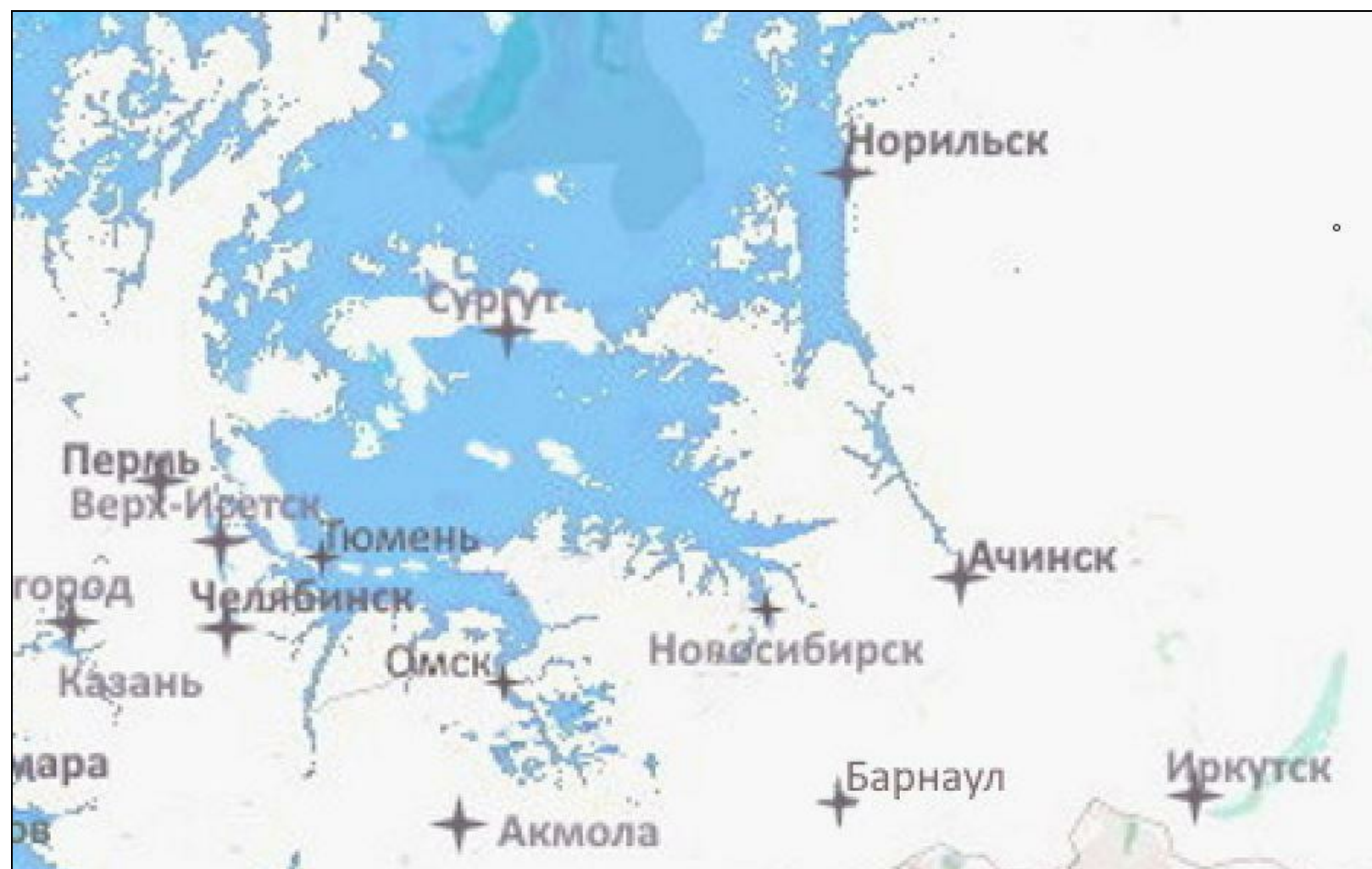
После разведки запасов углеводородов в Сибирском Море было создано Управление по Осушению со штаб-квартирой в Верх-Исетске, осуществившее в 1950-1970 годах крупнейший проект по дренажу и осушению "Архипелаг Сибирь". Проект, превзошедший по масштабу норвежско-голландские "Зейдсе" и английский "Дамнинг-констракшн" позволил создать на базе гряды Сургутских островов для нужд земледелия и нефтедобычи Великий Нефтегазовый (Сургутский) остров, а также ряд других насыпных и дренажных островов общей площадью 93 тыс. кв. км, что сопоставимо с площадью Швейцарии. Важнейшую роль сыграл Уральский Завод Тяжёлого Машиностроения, поставлявший насосное, буровое и экскаваторное оборудование.

В 1959 году город превысил по населению губернскую столицу, а спустя ещё четыре года достиг миллионного населения. В связи с этим обсуждался перенос ряда губернских учреждений (и даже столицы губернии) в Верх-Исетск, но решение по данному вопросу принято не было. В 1969 году первые мегаватты энергии дала Зареченская Атомная Станция. В 1975 году началось строительство метро, насчитывающее в настоящее время (2010 г.) две линии и тринадцать станций.

В настоящее время население Агломерации и Среднеуральской Системы Расселения, включающей также ряд городов расположенных на берегах оз. Таватуй (Нижний Тагил, Новая Ляля, Каменск-Уральский, Алапаевск, Верхотурье, Салда) и вдоль крупнейших магистралей достигает 4,1-4,3 млн. человек, что составляет 55% населения Пермской Губернии. Сословно-классовый состав: 9% крестьяне, 52% мещане (включая пролетариат, картельное чиновничество, почетных граждан и купечество), 24% дворянские чины с 14 по 10 включительно, 11% дворянские чины с 9 по 2, 2% духовенство, 1% казачество, 1% - не классифицируемые.

Эпоха реформ 1980-х годов не обошла город стороной. В ходе политики "примирения с коммунизмом", проводимой Николаем IV, родилась субкультура конструктивизма, отразившаяся в скульптуре, архитектуре и живописи. Также город являлся родиной уральских музыкальных школ дарк-электроджаза и джент-попа, в последние десятилетия носит звание столицы штрассенкунста (уличного искусства).

В пределах агломерации осуществляется строительство большого числа инфраструктурных проектов, активно ведётся строительство четвёртого в стране Ирбитского космодрома.

Великое Сибирское Море

Новгородская вечевая Республика существовала здесь гораздо дольше, и язык Новгородскому колоколу вырвал не Иван III, а Алексей Борисович Годунов, отец Петра I (точнее, правитель, эквивалентный данной персоне). К тому времени Новгород владел обширными колониями по всему арктическому и Сибирскому побережью, а также в Зеленогорье (Гренландии). Часть отдалённых колоний стала независимыми, но большинство - вошло в состав Российской Империи. Города Surgut, Novosibirsk, Norilsk из-за разницы в береговых линиях расположены в других местах, и все они являются более крупными и портовыми, являясь крупными узлами некогда независимых сетей прибрежных железных дорог. Omsk и Tyumen расположены примерно там же, и их тоже через цепочку насыпных островов соединяет Средний Проход Транссибирской магистрали, величайшее инженерное творение конца XIX века. Вместо Красноярска крупнейшим городом в Енисейской Губернии стал Achinsk.

Площадь Surgutского Острова изначально была в десять раз меньше и была увеличена в результате глобального инженерного проекта "Архипелаг Сибирь". Активно ведётся строительство новых островов и Северного Прохода Транссибирской Магистрали, который должен соединить Perm, Surgut и Achinsk.

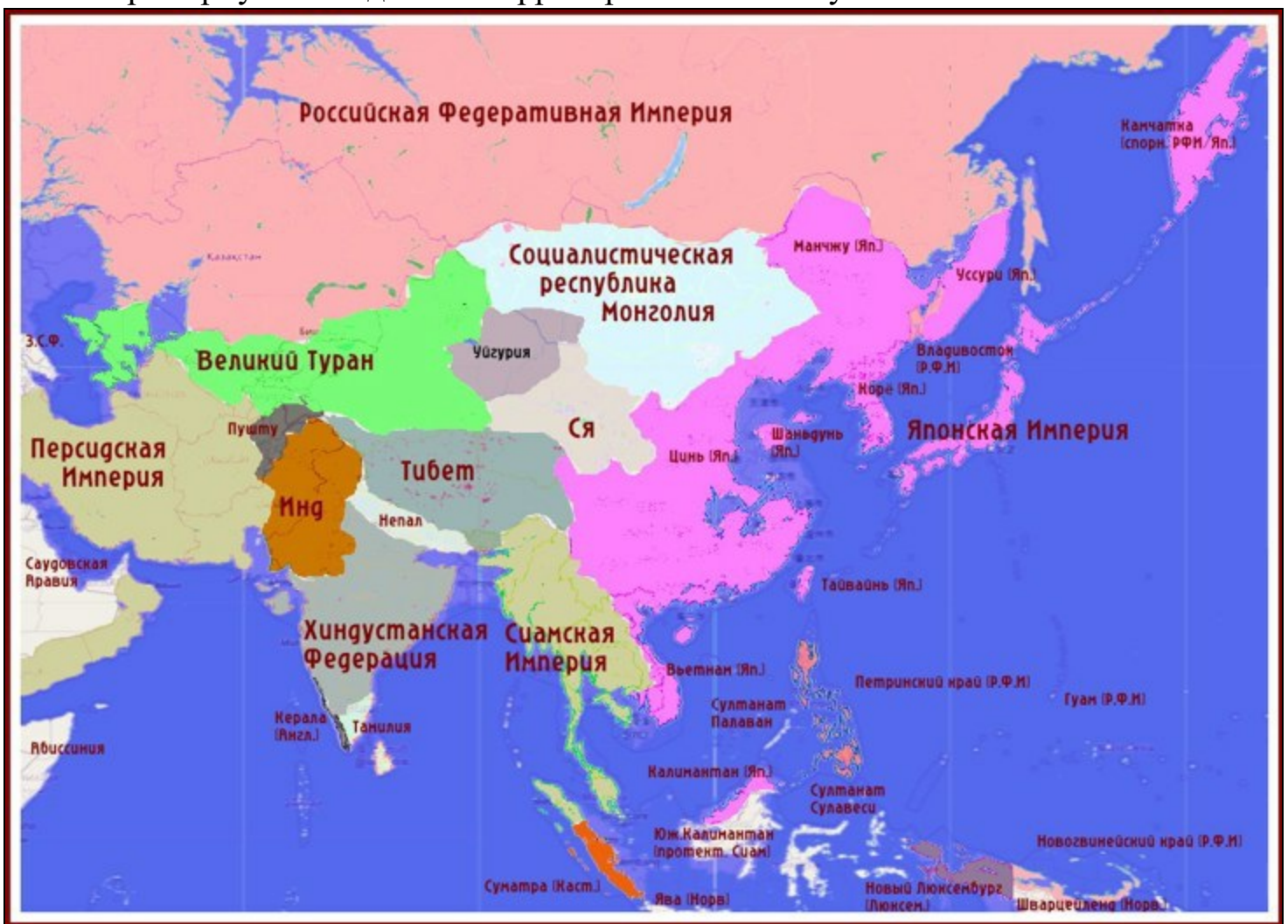
Восток Империи. Хабаровск был расположен севернее и раньше, в заливе обширного моря Ханка, Владивосток был основан на том же самом месте и долгое время являлся воротами к тихоокеанским колониям. Уссурийский и Камчатский края - малонаселённые и дикие, были частично колонизированы Российской Империей только к концу девятнадцатого века. Коренное население Уссурийского края и архипелага Сахалин (в основном, айновское, корейское и манчжурское) составляло не более 300 тысяч человек, российских (в основном, казачьих и татарских) поселений к началу 20 века насчитывалось 100 тыс. человек. Край был захвачен Японской Империей в Первую Японскую Войну (1905-1907), Владивостокский коридор передан обратно в 1947 году.

Во Вторую Японскую Войну, проигранную Россией, аналогичная участь постигла и Камчатский Край. В начале XVIII века на Чукотке, Камчатке и на Аляске существовало обширное феодальное государство Луороветлан, насчитывавшее 200 тысяч человек населения, имевшее сеть торговых и крепостных сооружений по всем северо-тихоокеанскому побережью Америки и ходившее с грабительскими набегами вплоть до Якутского моря. Войну за эти богатые природными ресурсами края Россия (главным образом силами казаков и якутского ополчения) с конца XVIII века вела совместно с Соединёнными Североамериканскими Штатами, разгромившими войска Кагана Анады и

подписавшими в 1878 году пакт о разделе Беренгии. Однако владение данной отдалённой и слабо включённой в транспортную инфраструктуру территорией продлилось недолго - во Вторую Японскую союзный Японско-Английско-Луизианский флот осадил Петропавловск-Камчатский и выбил русских с якутами из данных мест, оставив по результатам мира лишь территории севернее 64 параллели.

Третья Японская война (1942-1947) стала Мировой - она велась между Россией, Луизианской Американской Республикой, Пруссией, Китаем и Францией с одной стороны и Японией, Сиамом, Великой Англией с другой. Союзники вышли победителями, и по Анкориджскому Мирному договору захваченные Японией в ходе предыдущих войн территории должны были быть возвращены Российской Империи, однако японский Император продавил введение в них временного миротворческого американо-китайского контингента, продолжая де-факта вести экономическую деятельность через оффшорные предприятия. Норвегия де-факта потворствует этому, подогревая волнения сепаратистского Китая, однако вновь набирающая силы после упадка в 1990-ые Российская Империя вполне сможет вскоре вернуть себе данные территории силовым путём.

Азиатские колонии России - Петринские (Филиппинские) острова, острова Гуам.

Зеленогорские территории России - Зеленогорский край и Русская Арктическая Республика (протекторат)

Показаны также границы областей Зеленогорского Края Российской Федеративной Империи.

Континент Зеленогорье, известный также как Гренландия, был открыт европейцами в

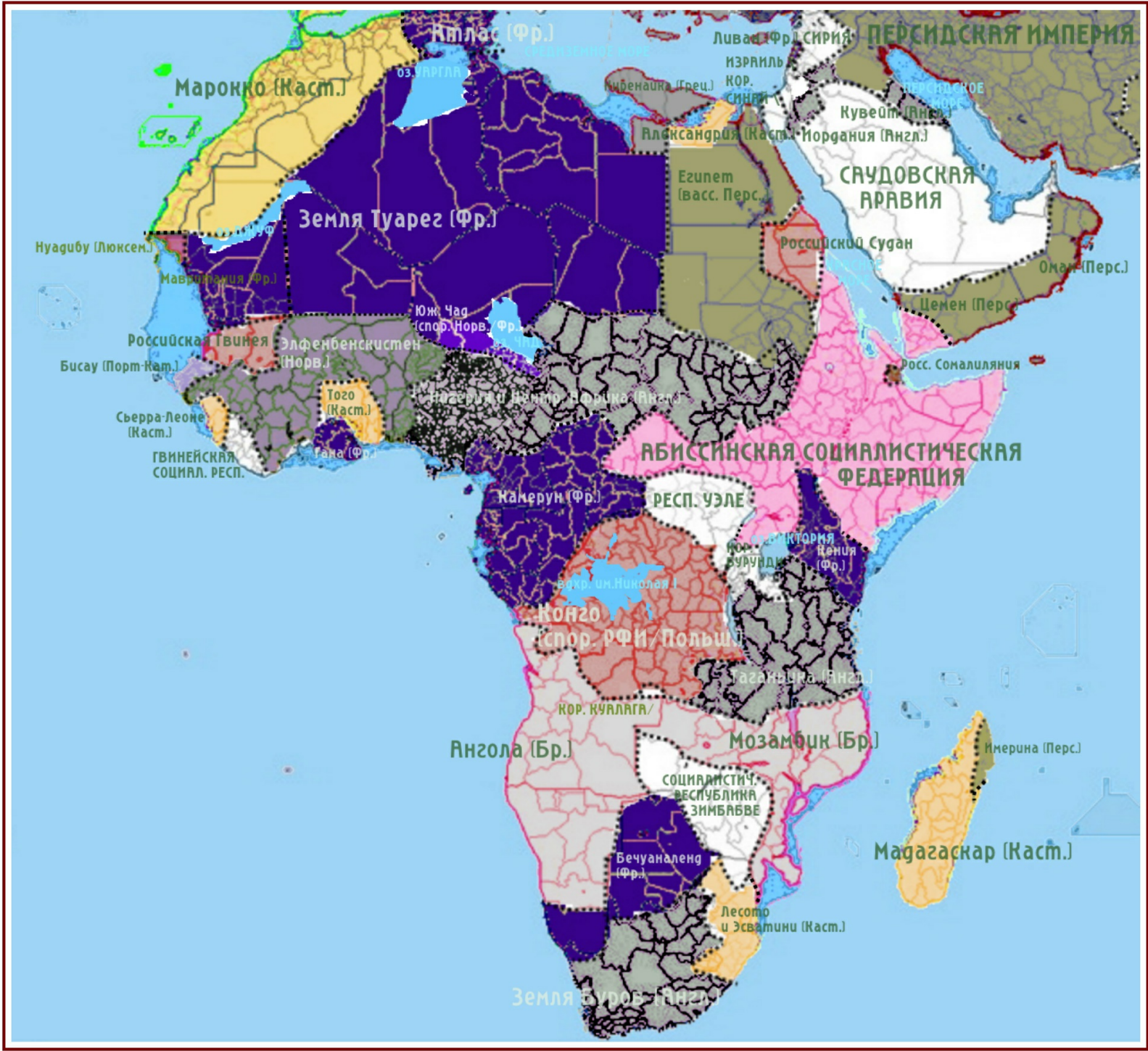

конце первого тысячелетия нашей эры, однако колонии викингов встретили жесткий отпор от раннефеодального государства ирокезов и алгоквинов, чьи торговые колонии простирались вплоть до плодородных территорий племён побережья Внутризеленогорского моря.

Начиная с двенадцатого века нашей эры новгородским посадникам и поморским колонизаторам-купцам удалось обосноваться на восточном побережье и расположить там десяток поселений (Заморская Пятинка), подчинив прибрежные союзы племён и оттеснив ирокезов вглубь и на запад континента.

Растущая мощь Кальмарской Унии в 1420-х, устроившей разрушительные набеги на южную половину колоний, заставила русских поделить часть юго-восточного берега, сосредоточившись на покорении внутренних территорий континента.

Политическая карта колоний и держав Африканского Континента

Африканские колонии и протектораты Р.Ф.И. - Российский Судан, Российская Гвинея, Сомалияндия, Конго (спорная между Россией и Польшей)

Союзнические отношения связывают также с Королевством Синай, в котором российские компании оперируют Синайским каналом, и королевством Бурунди.

Карта контор Курьерской Императорской Службы в Северной Америке

Северная Америка. Республика Аляска приобрела независимость в 1920-х, и хоть она до сих пор сохраняет союзнические отношения с метрополиями, Японское, Норвежское и Луизианское влияние заставляет их двигаться в сторону соседей по континенту. Русская Арктическая Республика отделилась в 1990-ые и пока остаётся основным союзником и полуколонией России в Западном Полушарии.

Конторы Курьерской Императорской Службы в Южной Америке (2010)

МЕКСИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Панама
(оккуп. Луизиан.)

КОЛУМБИЯ

Венесуэла (Каст.)

Гвиана (Фр.)

Куско (Яп.)

БРАЗИЛИЯ

/Имп. Тууокано

СОЦИАЛИСТИЧ.

РЕСПУБЛИКА

БОЛИВИЯ

Чили (Каст.)

К.И.Ж.
ПАРАГВАЙ

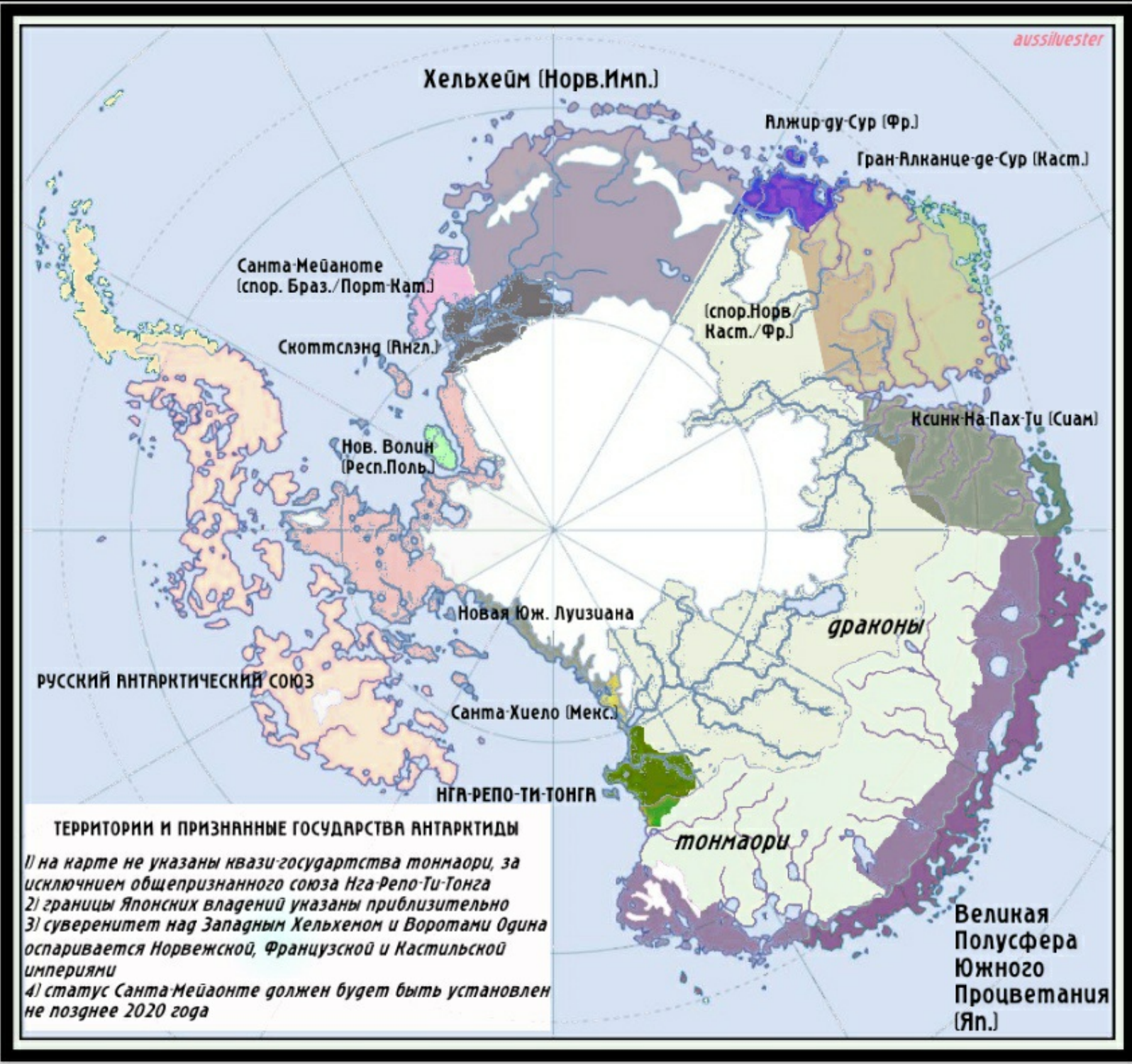
Аргентина (Фр.)

Аусен (Яп.)

Патагония (Англ.)

Южная Америка. Бразилия является союзником Российской Империи, что облегчает доступ к Антарктиде. Также протекторатом является княжество Парагвай, в чьей борьбе за независимость принимали участие российские и польские дворянские рода.

Большая часть Антарктиды освободилась от ледяного покрова примерно 12000 до н.э. Первыми колонистами стали племена маори и полинезийцев, доплывших до материка и к XVII в. основавшие ряд племенных союзов. Первыми европейцами, доплывшими до континента, стала Норвежская Империя в нач. XVIII в., заявившая претензию на весь континент, но, столкнувшись с рядом сложностей, ограничилась основанием нескольких колоний.

Следующей волной колонистов стали представители Российской Империи (главным образом, польские рода), основавшие к началу XIX в. более десяти поселений в Западной Антарктике, которые сформировали к концу XX в. основу Русского Антарктического Союза.

Общее население Антарктиды к 2010 г. составляет по разным оценкам от 16 до 22 млн человек. Хозяйственная деятельность государств и колоний ведётся на 7-8% территории, остальная часть находится со спорным статусом под контролем различных племенных союзов, либо непригодна из-за опасной реликтовой фауны и холодного климата.

Россия была одним из первых колонизаторов Антарктиды, наряду с Норвежской Империей и Кастилией. Часть колоний в XX веке захватила Японская Империя и её сателлит - Сиам. Русский Антарктический Союз стал формально-независимым в 1990ые. Также союзником России является единственное признанное независимое государство континента - Нга-репо-ти-тонга (государство тонмаори).